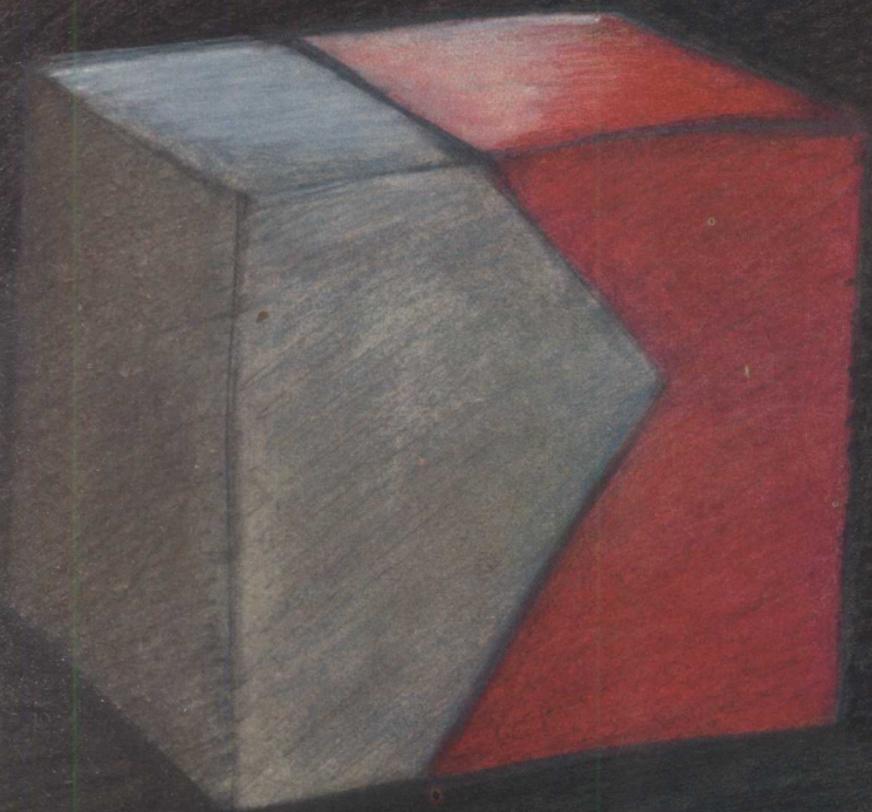

Вольфганг Леонгард

ШОК ОТ ПАКТА
МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ
И СТАЛИНЫМ

**ШОК ОТ ПАКТА
МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ**

Wolfgang Leonhard

**BETRAYAL
THE HITLER-STALIN
PACT**

**Translated from German
by Igor Burikhin**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989**

Вольфганг Леонгард

**ШОК ОТ ПАКТА
МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ
И СТАЛИНЫМ**

**Воспоминания современников
из СССР, Западной Европы и США**

**Перевел с немецкого
Игорь Бурихин**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989**

Wolfgang Leonhard:

SHOK OT PAKTA MEZH DU GITLEROM I STALINYM.

Vospominaniia sovremennikov iz SSSR, Zapadnoi Evropy i Soedinennykh
Shtatov Ameriki

Translated from German by Igor Burikhin

First Russian edition published in 1989

by Overseas Publications Interchange Ltd

8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Originally published in German

under the title «Der Schock des Hitler-Stalin-Paktes»

(Verlag Herder, Freiburg im Breisgau 1986)

Copyright © St. Martin's Press Inc., New York

Copyright © Russian edition

Overseas Publications Interchange Ltd

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 1 870128 51 6

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in West Germany

ПРЕДИСЛОВИЕ

23 августа 1939 года в Москве был подписан пакт между Гитлером и Сталиным. Этот день застал меня, совсем молодого человека, в Советском Союзе, в городе Ейске на Азовском море, где я проводил каникулы вместе с группой детей немецких и австрийских политических эмигрантов.

И сегодня я помню, какой шок мы пережили из-за внезапного прекращения нашего отдыха, поспешного возвращения в Москву и роспуска нашего детского дома. Его закрыли, поскольку с этого момента в СССР не могло быть больше никаких эмигрантов-антифашистов!

С тех пор, как я живу на Западе, меня не оставляет в покое вопрос: что означал тогда этот пакт для других людей? Какова была их реакция?

По поводу немецко-советского пакта о ненападении

опубликовано много академических трудов, ему уделяется много места в исследованиях по истории Второй мировой войны и дипломатии того времени. При этом пакт рассматривался почти исключительно с внешнеполитических точек зрения, а в центре внимания находились обычно официальные заявления и возможные побудительные мотивы Гитлера и Сталина.

Цель этой книги заключается в другом: на примере пакта между Гитлером и Сталиным я хочу показать, как воспринималось это историческое событие отдельными людьми, как оно влияло на жизнь и образ мыслей современников, какие политические и психологические перемены из этого проистекали.

В общей сложности здесь высказываются 70 очевидцев - прежде всего те, кто надеялся тогда на Советский Союз как на страну социализма и оплот антифашистской борьбы.

Свидетельства показывают, что пакт между Гитлером и Сталиным стал поворотным пунктом в политической биографии целого поколения людей, приверженных коммунистической идеологии. В каком-то смысле, за одну ночь они были вынуждены подвергнуть сомнению свою верность по отношению к Советскому Союзу и руководству Коминтерна, считавшуюся неизменной.

Мне хорошо известны опасения относительно субъективности свидетельств современников, свойственные многим историкам, но я считаю, что человек находится в центре внимания исторического анализа, и высказывания 70 очевидцев уже не являются больше "субъективным фактором".

Последующее изложение событий ограничивается описанием непосредственной реакции на пакт коммунистов и тех, кто им сочувствовал, прежде всего в первые десять дней между заключением пакта 23 августа 1939 года и

нападением Гитлера на Польшу 1 сентября, положившим начало Второй мировой войне.

Сам пакт о ненападении был, однако, лишь началом дальнейшего ряда событий. За ним последовали: вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года, раздел Польши между гитлеровской Германией и Советским Союзом, второй приезд Риббентропа в Москву в конце сентября 1939 года, подписание второго, еще более далеко идущего "Договора о дружбе и границе между СССР и Германией", тесное сотрудничество между обеими диктатурами в области экономики и военного дела (включая посещения Третьего Рейха делегациями советских военных), война Советского Союза с Финляндией (декабрь 1939 - март 1940 года), выдача в руки гестапо немецких эмигрантов-коммунистов (январь-март 1940), расстрел польских офицеров в Катыни (апрель 1940), занятие советскими войсками прибалтийских стран Эстонии, Латвии и Литвы в июне 1940 года (предусмотренное протоколом секретного соглашения) и аннексия Советским Союзом Бессарабии в августе 1940 года (так же согласованная заранее).

Свидетели того времени еще не знали о секретных дополнительных протоколах пакта, равно как и о последующих событиях, упомянутых выше. В книге показывается первая реакция на самый пакт. Понятие "шок" не выдуманно в данном случае автором. Это понятие наиболее часто встречается в сообщениях современников.

Вольфганг Леонгард

Мандершейд/Эйфель, декабрь 1985

Глава 1

РУКОПОЖАТИЯ В МОСКВЕ: ТАЙНЫ И СЮРПРИЗЫ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

Риббентроп у Сталина и Молотова

Поездка Риббентропа в Москву 23 августа 1939 года сохранялась в такой тайне, что лишь очень немногие были тому свидетелями, и только один из них описал прибытие Риббентропа и его пребывание в Москве на основании собственных впечатлений.

По сообщению "Правды", германская делегация состояла из министра иностранных дел фон Риббентропа, Гауса, барона фон Дёрнберга, Пауля Шмидта, профессора Г. Хофмана, К. Шнурре "и других". Для встречи герман-

ского министра иностранных дел на московский аэродром прибыли следующие советские государственные деятели: заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин, заместитель народного комиссара внешней торговли М. С. Степанов, заместитель народного комиссара внутренних дел В. Н. Меркулов, председатель Московского городского совета "и другие".

Согласно "Правде", присутствовали также сотрудники посольства Германии "во главе с послом фон дер Шуленбургом", а также посол Италии со своим военным атташе.

Никто из упомянутых советских деятелей не оставил воспоминаний, в которых содержалось бы описание визита Риббентропа и переговоров в Москве. Имеется, однако, немецкий свидетель этого решающего события, работавший тогда в немецком посольстве в Москве, который, будучи критиком и позднее противником нацистской системы, описал происходившее достоверно и объективно. Это - Ханс фон Герварт.

Ханс фон Герварт, тогда 35-ти лет, родился в Берлине, детство провел в Познанском воеводстве, в 1918 году вернулся вместе с родителями в Берлин, закончил там школу и затем работал на локомотивостроительных заводах. Позднее он писал о том, как важно для него было испытать на собственном опыте, что это значит - работать по восемь часов в день. Так он узнал рабочих в их собственной среде, познакомился с деятельностью профсоюзов и наблюдал, какие резкие споры возникали подчас между правыми социал-демократами, левыми "независимыми социал-демократами" и коммунистами. Позднее он учился в университетах Бреслау и Мюнхена и с 1927 года, после сдачи государственного экзамена по юриспруденции, работал в министерстве иностранных дел.

С конца мая 1931 года Ханс фон Герварт был сотруд-

ником посольства Германии в Москве. Он был свидетелем и внимательным наблюдателем выполнения первого пятилетнего плана и коллективизации. Он познакомился с жизнью простых советских людей и некоторых влиятельных советских деятелей (почти все они погибли во время "большой чистки" 1936-38 годов). Он неоднократно встречался также с разуверившимися в сталинской политике зарубежными коммунистами, среди них и с Максом Гельцем.

С графом фон дер Шуленбургом, возглавлявшим с октября 1934 года посольство Германии в Москве, у Ханса фон Герварта скоро установились дружеские отношения. Он был поэтому не только свидетелем, но отчасти также активным участником того процесса улучшения германо-советских отношений, которое наблюдалось с весны 1939 года и привело, наконец, к поездке Риббентропа в Москву 23 августа 1939 года.

Ханс фон Герварт стоял вместе с сотрудником посольства Гебхардтом фон Вальтером на Московском аэродроме. Особенно ему запомнилась встреча гестаповцев с их коллегами из НКВД:

"По прибытии в Москву Риббентроп был встречен группой советских чиновников и графом Шуленбургом. Я стоял рядом с Гебхардтом фон Вальтером, и мы оба с напряженным вниманием наблюдали эту первую германо-советскую встречу, протекавшую без привлечения общест-венности.

Вдруг Вальтер схватил меня за руку и показал на группу гестаповцев, которые как раз сердечно приветствовали своих собратьев из НКВД. 'Посмотри, как они улыбаются друг другу. Это они радуются, что, наконец, могут работать сообща. Ужасно даже подумать об этом. Только представь себе, что они начнут обмениваться своими досье...' "1.

23 августа в 15 часов начались германо-советские переговоры, в которых с советской стороны принимали участие Сталин и Молотов, с германской стороны - Риббентроп, фон Шуленбург и Хильгер. Риббентроп привез с собой новое послание Гитлера, в котором как о должном говорилось, что "отныне все проблемы Восточной Европы являются делом Германии и России". Когда начались переговоры, Сталин сразу обратился к важной для него проблеме: Россия должна была получить латвийские порты на Балтийском море Лиепая и Вентспилс (до 1917 - Либавя и Виндава). Риббентроп звонил Гитлеру, чтобы узнать, согласен ли тот на эти условия, и получить разрешение на подписание секретного протокола, разграничивающего сферы влияния обеих сторон. Гитлер потребовал срочно принести ему атлас, бросил взгляд на карту и около восьми часов вечера ответил: "Да, согласен".

Вечером переговоры продолжились. Они затянулись за полночь. Таким образом, это было уже собственно утро 24 августа, хотя пакт о ненападении и секретный протокол датированы и подписаны 23-им числом. Фотокамера запечатлела довольные улыбки на лицах. Хлопнули пробки от шампанского. Сталин произнес тост в честь Гитлера: "Я знаю, как сильно любит немецкий народ своего фюрера; поэтому я хочу выпить за его здоровье!"²

Ханс фон Герварт провел эту решающую ночь в резиденции посла Германии, обеспечивая срочное телефонное сообщение между Москвой и Берлином. Он вспоминает:

"Было установлено прямое телефонное сообщение между Москвой и Берлином. Несколько раз я должен был запрашивать согласие Гитлера на изменения в тексте договора, в первую очередь - на небольшие перемещения границ. Удивляла стремительность, с какой Гитлер давал

свое согласие, чтобы как можно скорее заручиться договором”.

Ханс фон Герварт узнал и другие подробности об этой знаменательной ночи. Так, например, о том, что переговоры вел лично Сталин. Что он поведал Риббентропу, будто он, Сталин, с давних пор был за советско-германское сближение. Что после подписания договора Сталин поднял бокал в честь Гитлера и назвал его ”молодцом”.

Пакт о ненападении, датированный 23 августа 1939 года, был подписан 24 августа в два часа ночи. Вскоре после этого впустили фотографов, чтобы они запечатлели историческое событие. Ханс фон Герварт пишет: ”Среди них был немецкий фотограф Хельмут Лаукс, рассказавший мне позже, как он фотографировал Риббентропа и Сталина. У обоих было в руке по бокалу с шампанским и они пили за успех договора. Сталин заметил, что было бы нехорошо публиковать этот снимок, поскольку это произвело бы ложное впечатление на немецких и советских людей. Лаукс хотел было сразу открыть камеру и отдать Сталину фотопленку, но тот остановил его жестом и сказал, что слова немца ему достаточно”³.

24 августа в 13 часов 25 минут Риббентроп отбыл из Москвы. Прибыв в Берлин, он во второй половине дня доложил положение дел Гитлеру, который специально для этого поспешил приехать из Берхтесгадена. Гитлер очень радовался и осыпал своего министра похвалами. Ничто теперь не могло помешать началу войны. Подготовка нападения Гитлера на Польшу шла полным ходом⁴.

"Правда" опубликовала пакт о ненападении

24 августа "Правда" сообщала о заключении пакта. Это был один из самых поразительных выпусков "Правды" в истории Советского Союза. Огромные фотографии на первой странице показывали Сталина и Молотова, Риббентропа, помощника статс-секретаря германского министерства иностранных дел Гауса и переводчика.

Под фотографией встречи в Кремле стояло сообщение:

"23-го августа в 3 часа 30 мин. дня состоялась первая беседа председателя Совнаркома и Наркоминдела СССР тов. Молотова с министром иностранных дел Германии г. фон Риббентропом по вопросу о заключении пакта о ненападении. Беседа происходила в присутствии тов. Сталина и германского посла г. Шуленбурга и продолжалась около 3-х часов. После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписанием договора о ненападении, текст которого приводится ниже.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Правительство СССР и
Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, пришли к следующему соглашению:

Статья I.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного дей-

ствия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружеского обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII.

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. МОЛОТОВ

За правительство
Германии
И. РИББЕНТРОП⁵

В передовой статье газеты "Правда" особенно подчеркивалось значение статьи IV-ой, по которой обе договаривающиеся стороны обязывались не участвовать ни в какой группировке держав, прямо или косвенно направленной против другой подписавшейся стороны. В "Правде" превозносилась также статья V нового договора, предусматривавшая мирное и дружеское урегулирование всех спорных вопросов путем создания в случае серьезных конфликтов совместных комиссий.

На следующий день, то есть 25 августа, "Правда" только кратко сообщила об отъезде Риббентропа из Москвы 24 августа в 13 часов 25 минут. Говорилось,

что на аэродроме его провожали те же советские деятели, которые присутствовали при его встрече.

Хрущев: Члены Политбюро были на охоте

Существенным остается вопрос: кто из советских руководителей знал о пакте и участвовал в его заключении.

Об этом у нас есть свидетельство тогдашнего члена Политбюро ЦК Никиты Хрущева. Родившийся в 1894 году в крестьянской семье, Хрущев с 1918 года состоял в партии большевиков. Поначалу он был секретарем районной парторганизации на Украине и в 1927 выдвинулся в партаппарат УССР. В 1929 году он переехал в Москву, где стал сначала секретарем парторганизации "Промышленной академии", затем с 1932 года - первым секретарем Московского горкома и вторым секретарем Московского обкома, а с марта 1935 года - первым секретарем Московского обкома и горкома партии. С 1934 года он входил в состав ЦК ВКПб, а с марта 1939 - в состав Политбюро ЦК.

Итак, бывший к тому времени членом Политбюро, Хрущев описал заключение пакта между Гитлером и Сталиным в своих позднейших воспоминаниях:

"Суббота была. Я пришел к Сталину, на дачу приехал к нему. Он мне сказал, ...что - вот, завтра прилетит к нам Риббентроп. И смотрит на меня, улыбается... Какое это произведет впечатление на меня. Я на него смотрю, то считаю, что он шутит, чтобы к нам Риббентроп прилетел, что это бежал он, что ли, бежать собирается... но вот, он говорит, Гитлер прислал телеграмму, /.../ пишет, прошу, господин Сталин, принять моего министра Риббентропа, который, так сказать, вот везет конкретные

предложения. Да, говорит, вот завтра мы его встретим, а завтра - это 23 августа; это число, по-моему, я безошибочно запомнил и называю его. Я собирался поехать на охоту. В Давидовское охотничье хозяйство, /.../ созданное Ворошиловым /.../. Мы сговорились с Булганиным и Маленковым. /.../ Я Сталину об этом сказал. /.../ Он говорит, хорошо, поезжайте, значит, завтра никого не будет, значит, я его приму... кажется с Молотовым, что ли, и послушаю. А потом вы приедете с охоты, приезжайте, тогда, значит, вот, я расскажу... какие-то детали и как... какой результат”.

И вот Хрущев с Булганиным и Маленковым поехали в Давидовское охотничье хозяйство. Когда они туда приехали, там уже был Ворошилов. Это означает, что он также не принимал участия во встрече с Риббентропом, хотя, будучи тогда народным комиссаром обороны, он выступал и в качестве руководителя советских делегаций при переговорах с западными державами. Однако на этот раз его оставили в стороне.

С трудом верится, но это - факт: во время заключения пакта между СССР и Германией члены Политбюро ЦК ВКП(б) были на охоте. Хрущев вспоминает, что день стоял теплый и охота была очень удачной. Хрущев особенно радовался, потому что он убил на одну утку больше, чем Ворошилов, которого советская печать постоянно превозносила как лучшего советского стрелка. После охоты члены Политбюро поехали на дачу Сталина. Хрущев взял с собой всех своих уток, чтобы поделиться с другими членами Политбюро. Он рассказал Сталину об охоте и немного похвастался своим успехом. Сталин был в очень хорошем настроении.

Хрущев вспоминает: "...покамест готовились наши охотничьи трофеи к столу, ...Сталин рассказал, что вот прилетел Риббентроп. Он уже, говорит, улетел. И он,

значит, приехал с проектом договора о дружбе и ненападении... И мы этот договор подписали, значит. И Сталин очень в хорошем был настроении, ... вот, мол, завтра эти англичане и французы, представители, узнают и завтра, так сказать, они уедут, они были в это время в Москве...".

Согласно Хрущеву, Сталин сказал, что этот договор на какое-то время уберезет Советский Союз от войны; он сможет еще оставаться нейтральным и собирать силы; впрочем, нужно было еще подождать, как сложатся дальнейшие события. Хрущев полагает в своих воспоминаниях, что пакт между Гитлером и Сталиным в конце концов был выгоден Советскому Союзу, потому что благодаря ему была получена некоторая передышка.

Однако о форме заключения договора, о том, что это был договор все-таки с фашистской Германией, Хрущев высказывается критически: "Мы об этом... не могли говорить и не говорили публично, даже, по-моему, на собраниях не говорили об этом". В другом месте он говорит: "Очень тяжело было... нам, коммунистам, антифашистам, ...которые совершенно на противоположных позициях философии и политических стояли, и вдруг, нам... вроде мы объединяем свои усилия в этой войне"⁶.

Клемент Готвальд знал об этом заранее

Из воспоминаний Хрущева ясно видно, что даже члены Политбюро - за исключением Сталина и Молотова - не были информированы о подготовке этого пакта.

Кто же еще в Москве хоть что-нибудь знал о пакте прежде, чем он был обнародован? Очевидно, хотя бы по отдельным намекам, о нем знали некоторые руководящие деятели Коммунистического Интернационала. Например,

как это следует из воспоминаний Эрнста Фишера, - Клемент Готвальд.

Эрнст Фишер (1899-1972), с 1920 года член Социалистической партии Австрии, в 1927-34 годах редактор социалистической газеты "Арбайтерцайтунг", в феврале 1934 года принимал участие в восстании шуцбундовцев в Вене, затем перешел в Коммунистическую партию Австрии (КПА), эмигрировал в Прагу, а оттуда попал в Советский Союз, где работал в Коминтерне, жил в коминтерновской гостинице "Люкс" и писал (под псевдонимом Петер Виден) комментарии для радио и статьи.

Эрнст Фишер, которому ко времени заключения пакта между Гитлером и Сталиным было 40 лет, вспоминает:

"21 августа в "Правде" появилась передовая статья о подписании торгового и кредитного соглашения с Германией. В статье говорилось, что соглашение может стать "поворотным пунктом в экономических отношениях между обеими сторонами" и "важным шагом вперед на пути к дальнейшему улучшению не только экономических, но и политических отношений между СССР и Германией".

Я хотел поговорить с Мануильским и шел к нему. В одном из коридоров Коминтерна меня поманил за собой Готвальд, завел в свой кабинет и сказал "садись", улыбаясь хитрой, знающей и несколько неопределенной улыбкой".

Клемент Готвальд (тогда ему было 43 года) с октября 1925 года был членом ЦК Коммунистической партии Чехословакии, в 1926-29 годах он ведал отделом агитпропа и в это время поднялся в своей карьере до Политбюро. С февраля 1929 года Клемент Готвальд был генеральным секретарем чехословацкой компартии и делегатом компартии в чехословацком парламенте, с июня 1929 - членом Президиума Исполкома Коминтерна (ИККИ), а начиная с 7-го конгресса Коминтерна летом

1935 года - к тому же еще членом Президиума ИККИ и Секретариата ИККИ. Таким образом он входил в оба высших органа Коминтерна. С февраля 1936 по ноябрь 1938 года Готвальд снова был в Чехословакии, но после Мюнхенского соглашения в ноябре 1938 он вернулся в Москву. В Коминтерне он был к этому времени секретарем по делам Центральной Европы, то есть ведал непосредственно регионом, о котором идет речь.

Эрнст Фишер так описывает разговор с Клементом Готвальдом 21 августа, то есть за два дня до заключения пакта между Гитлером и Сталиным:

”Лидер чехословацких коммунистов, столярный подмастерье из Вены, обладавший здравым взглядом на вещи, политическим инстинктом и большим опытом в области тактических приемов и уловок, любил поговорить со мной... Доверительные разговоры со мной ни в каком случае не могли ему повредить, а порой могли быть и полезными, так как случалось, что я приводил неожиданные для него доводы, которые иногда могли пригодиться ему в дискуссиях...

‘Что бы ты сказал..., - Готвальд сощурил глаза и скривил губы, - но не рассказывай об этом никому, я хотел бы только между нами услышать твое мнение, в частном порядке, понимаешь, итак, что бы ты сказал, если бы бандит, которому заплатили, чтобы он тебя убил, если бы он вдруг предложил тебе соглашение?’ ”

Готвальд потянул еще некоторое время, но затем перешел к делу. Итак, что бы он, Эрнст Фишер, сказал, ”если бы гитлеровская Германия предложила Советскому Союзу заключить пакт?” Готвальд пристально смотрел мне в лицо, - вспоминает Фишер, - и улыбался нехорошей полусмущенной, несколько деланной улыбкой, как игрок, который бросил карту на стол, но не уверен, что поступил правильно.

Готвальд: "Сногшибательно, а? Не веришь мне? Считаешь, что это невозможно? Непристойно? Что это - коварство? А? Ну, а Мюнхен? Забыл ты Мюнхен? Когда вместе заседали все четверо: Гитлер, Муссолини, Чемберлен, Даладь".

Готвальд постепенно впадал в гнев: "Еще и года не прошло, понимаешь? А потом, после Мюнхена, после того, как была разорвана на куски Чехословакия, господин Риббентроп в Париже, в декабре 1938-го, и месье Бонне его заверяет, что Франция совершенно не заинтересована в Восточной Европе и предоставляет Германии свободу действий. Теперь новый проект - Великая Украина. Пожалуйста, господин Гитлер, угощайтесь... Но вот разбойник, поскольку риск для него слишком велик, доверительно сообщает тому другому, которого он собирается прикончить, что вот, мол, двадцать лет назад у тебя оттяпали большой кусок, прямо с кровью, большой кусок Украины и Белоруссии, в 1920-ом, Польша, ты ведь помнишь, и если ты теперь заберешь его обратно, и если я при этом не нападу на тебя...". Что же все это должно было означать?

Эрнст Фишер: "Раздел Польши...?!"

Готвальд: "Это кажется тебе ужасным? Да? Не укладывается в голове? Ничего хорошего, конечно, в этом нет, но ведь знаешь, как говорится, своя рубашка ближе к телу, особенно в политике... Ну и что ж ты думаешь о пакте с Германией?" - "Чудовищно!" - ответил Эрнст Фишер.

Готвальд: "Речь идет о жизни или смерти Советского Союза, разве ты не понимаешь? Разве можно тут привередничать? Подумай сам! Но не говори никому об этом!"

Эрнст Фишер так и сделал: "Я задумался над этим", - пишет он в своих воспоминаниях⁷.

Что узнал Хесус Эрнандес у Дмитрия Мануильского

Эрнст Фишер и Клемент Готвальд были, очевидно, единственными, кто беседовал о возможности пакта до его заключения. Все другие воспоминания деятелей Коминтерна касаются времени когда пакт был уже опубликован.

Особенно интересным из них представляется воспоминание деятеля испанской компартии Хесуса Эрнандеса о разговоре с Дмитрием Мануильским, происходившем в Кунцево сразу после обнародования пакта.

Хесусу Эрнандесу было тогда 32 года, он вырос в Бильбао в бедной семье, насчитывавшей пять детей. В 15 лет, в 1922 году, он вступил в Коммунистическую партию Испании. Более пяти лет он провел в тюрьме. В 1931 году, после провозглашения Испанской республики, он был приглашен в Москву, где учился в коминтерновской школе им. Ленина. После возвращения в Испанию он работал в отделе агитпропа и в центральном органе печати испанской компартии "Мундо Обреро". На выборах в феврале 1936 года, которые привели к победе Народного фронта, он был депутатом от Кордовы. Во время Гражданской войны 1936-39 годов Эрнандес был министром народного образования в правительстве испанского Народного фронта ("Первый министр Сталина за рубежом", - писал он о себе в появившихся позже воспоминаниях). В то же время Эрнандес был политкомиссаром войск Центрального фронта. За день до того, как Франко вошел в Мадрид, он вместе с некоторыми другими лидерами испанской компартии бежал, очутился сначала в Алжире, оттуда попал в Гавр, а затем пароходом прибыл в Советский Союз - за несколько месяцев до подписания пакта.

Его собеседником был Дмитрий Мануильский (1883-

1959), большевик с 1903 года, работавший в подполье под кличкой "Фома"; его неоднократно арестовывали и ссылали, затем он бежал в Париж. После победы большевиков в октябре 1917 года Мануильский сначала был политкомиссаром, а с 1919 года работал в основном в аппарате Коминтерна, занимаясь зарубежными делами. В частности, он был на съезде немецких коммунистов во Франкфурте-на-Майне в 1924 году (под псевдонимом "Иванов") и выполнял ряд заданий во Франции и Италии. С 1924 года Мануильский входил в Исполнительный комитет Коминтерна (ИККМ) и в его Президиум. С 1928 года он был секретарем ИККИ и ответственным представителем советской компартии в Коминтерне.

Хесус Эрнандес получил известие о заключении пакта между Гитлером и Сталиным, когда он был в Кунцево, на подмосковной даче, находившейся в распоряжении наиболее видных деятелей Коминтерна.

В своих мемуарах Хесус Эрнандес так вспоминает об этом дне: "Для нас, испанцев, известие о визите Риббентропа в Москву было подобно разорвавшейся бомбе. Публикация фотографий, на которых большевики улыбались нацистам, и сообщение о подписании германо-советского пакта повергли нас в состояние великого смятения. Нам, буквально, нужно было протереть глаза, чтобы убедиться, что все это - на самом деле правда".

Согласно Эрнандесу, ошеломляли прежде всего две вещи: первое - то, что в договоре высказывалось желание только о сохранении мира между Германией и Советским Союзом, в то время как совсем не шла речь о сохранении мира во всем мире, и второе - то, что оба договаривающихся правительства собирались поддерживать постоянные контакты и информировать друг друга по всем вопросам, касающимся их взаимных интересов.

Эрнандес: "Еще в тот же вечер, когда пришло это ошеломляющее известие, я встретил Мануильского, жившего на одной даче со мной. Я знал его достаточно давно, чтобы обратиться к нему за советом в такой ситуации.

- Я пытаюсь понять, в чем суть этого сногшибательного поворота.

- Нужно выиграть время, Эрнандес.

- Но ведь пакт предоставляет Гитлеру полную свободу действий. Это может иметь ужасные последствия для СССР.

- Да нет! Ведь наша непосредственная цель - это ликвидировать Польшу, которая уже слишком давно служит трамплином для наших возможных агрессоров.

- Ликвидировать Польшу?

- Это будет первым шагом данного соглашения. Будет положен конец существованию Польши как государства. У нас будут общие границы с Германией, - сказал Мануильский, усмехаясь по поводу озадаченности на моем лице.

- Но ведь у Франции и Англии договор с Польшей. Значит, начнется война!

- Только кандидаты в самоубийцы осмелились бы ввязаться тогда в войну против Германии и СССР, защищая Польшу. Господа Чемберлен и К° слишком пугливы, чтобы решиться на подобное предприятие. Так же как в Мюнхене, они будут громко кричать, будут топтать ногами, но я не думаю, что они решатся на объявление войны.

- А если это все же произойдет?

- Все спланировано и рассчитано. Мы не проиграем.

Видя, что меня это не убедило, он дополнил свое разъяснение:

- Если капиталисты захотят устроить бойню между собой, тем лучше. В определенный момент, когда у них

появятся первые признаки изнеможения, они с обеих сторон наверняка начнут заигрывать с нами. Наше решение основано на том, что наиболее выгодно для нас. Будь спокоен, наши войска не будут таскать каштаны из огня ни для какой капиталистической державы”⁸.

*Энрике Кастро Дельгадо:
Переолох в Коминтерне*

То памятное утро после заключения пакта описывает также Энрике Кастро Дельгадо, бывший в то время представителем испанской компартии в Коминтерне. Дельгадо было тогда 32 года, в 1925 он вступил в Коммунистическую партию Испании и через несколько лет уже работал в региональном комитете партий в Мадриде, а также в центральном органе партийной печати “Мундо Обреро”. Во время Гражданской войны 1936-39 годов он был одним из организаторов коммунистической “Пятой колонны”, с 1937 года входил в Центральный комитет КПИ и занимался преимущественно делами аграрной реформы, а также был комиссаром войск Центрального фронта и руководил обучением политкомиссаров.

После поражения Испанской республики весной 1939 года Энрике Кастро Дельгадо через Францию попал в СССР, ко времени пакта между Гитлером и Сталиным он работал в Коминтерне под псевдонимом “Луис Гарсия” и жил вместе со своей женой Эсперансой в гостинице “Люкс”.

Дельгадо, у которого не было будильника, имел обыкновение не выключать на ночь радио, потому что знал, что ровно в 6 часов утра начинались передачи Московского радиовещания. Так было и 24 августа 1939 года, в первое утро после заключения пакта: “Нас раз-

будил спортивный марш, затем мы прослушали гимнастические упражнения, мы слушали их, как слушаешь дождь: привыкаешь и не замечаешь". Дельгадо ждал сообщений об Испании, но о ней ничего не сказали. Вместо этого низкий монотонный голос начал что-то зачитывать. Дельгадо и его жена, как обычно, не обратили на это никакого внимания. Под конец они услышали имена Молотова и Риббентропа. Из соседней комнаты до них донеслись поспешные шаги. В 8 часов утра они, единственные в гостинице, позавтракали в полной беззаботности.

Далее Дельгадо вспоминает: "Я взял портфель и поспешил вниз к автобусу, который отходил десять минут девятого. Когда я подошел к остановке, я увидел картину, отличную от того, что здесь происходило обычно. Люди не бросались в автобус, чтобы захватить место. Они оставались стоять на тротуаре, собравшись в группы, и возбужденно разговаривали между собой, некоторые почти кричали.

Я смотрел на них, то на одного, то на другого. Никто не обращал на меня внимания. Я поздоровался, никто мне не ответил.

Они продолжали говорить и жестикулировать, размахивая руками. Я был единственный, кто не говорил и не жестикулировал".

Энрике Кастро Дельгадо, известный тогда под псевдонимом Луис Гарсия, очевидно, и в самом деле был единственным из обитателей гостиницы "Люкс", ожидавших автобуса, доставлявшего их к зданию Коминтерна, который ничего не знал о пакте между Гитлером и Сталиным.

Но вскоре и он узнал об этом - от Октавио Брандао, бывшего тогда представителем Коммунистической партии Бразилии в Исполкоме Коминтерна. Октавио Брандао

был одним из основателей компартии Бразилии в 1921 году, работал преимущественно в отделе агитпропа (он был профессиональным журналистом и поэтом), с 1926 он был корреспондентом коминтерновского издания "Ин-прекор" ("Интернациональная пресса"). С 1932 года Октавио Брандао жил в Москве.

В это утро Октавио Брандао, как это чаще всего и бывало, появился одним из последних, устало подбегая к остановке. Но и нечто необычное отметил в нем Энрике Кастро Дельгадо: "Как блестяли его глаза, какая улыбка сияла на его лице!"

Брандао переходил от одной группки к другой; садясь в автобус, он заметил Дельгадо, подошел и обнял его. Увлекая Дельгадо за собой в автобус, Брандао кричал, зловеще ухмылялся и хохотал. Он хотел что-то рассказать, но это было трудно сделать, потому что человек пятьдесят коминтерновских деятелей, находившихся в автобусе, громко общались между собой на различных языках. Наконец, Брандао приблизился совсем вплотную: "Здорово, товарищ Луис, просто здорово... Советский Союз заключил пакт о ненападении и торговле с Германией... Молотов и Риббентроп подписали от имени своих правительств... Здорово!.. Здорово!.. Две группировки с их противоречиями... Советский Союз на пути совершенно мирного развития... Здорово!.. Фантастика!.. А те пусть уничтожают друг друга... Наша задача только облегчится. Фантастика! Здорово!"

Тем временем автобус прибыл в Ростокино, к зданию Коминтерна. На этот раз все пассажиры были настолько возбуждены, что никто не заметил, как проехали мост, скульптуру перед ВСХВ и, наконец, последний поворот перед въездом на территорию Коминтерна. Пассажиры автобуса разошлись быстрее, чем обычно⁹.

Дельгадо направился в свой кабинет, вскрыл не-

сколько конвертов с направленной ему документацией, просмотрел еще несколько папок с выдержками из зарубежной печати, а также корреспонденцию из Испании.

”В 11 утра, как обычно, приносят официальный информационный бюллетень на испанском языке и ”Правду”. На первой странице ”Правды” - текст пакта и большая фотография Сталина, который как бы заявлял коммунистам всего мира: ‘Это я сделал, слышите, я!’ Я читаю текст пакта... читаю раз, второй, третий... Я снова и снова смотрю на ”Правду”... и начинаю размышлять. Пока я размышляю обо всем этом, мне кажется, будто я слышу мягкий, но настойчивый голос, который неустанно повторяет: ‘Сталин прав’... ‘Сталин не ошибается’... я уверен, что в 299 комнатах 299 функционеров Коминтерна читают информационный бюллетень и рассматривают ”Правду” и что они, как и я, слышат мягкий, но настойчивый голос, неустанно повторяющий: ‘Сталин прав’... ‘Сталин не ошибается’ ”.

Энрике Кастро Дельгадо был ошеломлен, он пытался найти объяснение происходящему. В отличие от многих других тогдашних коммунистических функционеров, для него на первом плане были не внешняя политика СССР или решение Сталина. Для него главным было другое: Испания.

”Я - испанец, а Германия помогла Франко прийти к власти и уничтожить нашу республику. Немецкий самолет - ”мессершмит” - своим пулеметным огнем погасил жизнь моего брата Маноло в маленькой каталонской деревушке... Гитлер стремится овладеть Европой. Я пугаюсь собственных мыслей... Но я вспоминаю об Испании... Если бы я только мог забыть: если бы я только мог забыть своего брата, лежавшего в тесном помещении небольшой больницы, бледного, собранного... Тогда бы и я пустился в громкие споры, как те люди в автобусе,

чьи голоса отдаются у меня в ушах... Но от Альмерии до Герники, от Бадахоса до Барселоны поднимается это НО... мертвые... мертвые... мертвые... Я смотрю в информационный бюллетень... Я смотрю в 'Правду' ”.

В течение дня Энрике Кастро Дельгадо, как и все другие функционеры Коминтерна, получил важное извещение: в 6 часов вечера представитель ЦК ВКП(б) в Коминтерне будет говорить о международном положении¹⁰.

Эрнст Фишер у высокопоставленных деятелей немецкой компартии

Эрнст Фишер тоже вспоминает, как 24 августа 1939 года, в этот решающий для Коминтерна день, "Правда" поместила на первой странице фотографию: Сталин, Молотов и Риббентроп в Кремле с улыбающимися лицами. В этот день Эрнст Фишер встретился с Вильгельмом Пиком и его семьей.

Вильгельм Пик, которому тогда было уже 63 года, возглавлял руководство немецкой компартии, находившейся в Москве. Кроме того, с 1928 года он входил в Исполком Коминтерна (ИККИ), с 1931 года был членом Президиума ИККИ и Секретариата ИККИ и принадлежал таким образом к руководящей верхушке Коммунистического Интернационала. Тогда Вильгельм Пик был в Москве со всей своей семьей: с сыном Артуром Пиком и его женой Гретой Лоде, а также - с дочерью Элли Винтер, которая была и секретаршей своего отца.

В этот день Эрнст Фишер встретился сначала с членами семьи Вильгельма Пика:

"Грета Лоде первая спросила меня в Коминтерне: 'Ну что ты на это скажешь?' В прошлом простая немецкая работница, теперь невестка председателя КПГ, умная,

добросовестная, прилежная, она работала в редакции журнала "Коммунистический Интернационал". Она мне нравилась, я старался тактично помогать ей в овладении знаниями, аргументацией, средствами выразительности. Это была очень симпатичная женщина с большими легкими. Она смотрела на меня беспомощными глазами.

Я успел уже подумать о случившемся. Будучи подготовлен благодаря разговору с Готвальдом, я все-таки чувствовал себя отвратительно. Однако заключение пакта я считал верным шагом. 'Это же... Это же...', - начала Грета.

- Предательство? Нет. Отвратительно? Да.

- Мы, немецкие коммунисты, никогда этого не поймем. И мой отец этого не понимает, - сказала Элли, дочь Вильгельма Пика.

- Артур тоже этого не понимает! - сказала Грета о своем муже. - Никто этого не понимает.

Я попытался сформулировать результаты своих размышлений и обосновать неизбежность пакта".

Часом позже Эрнсту Фишеру позвонил Вильгельм Пик, чтобы узнать - готов ли он, Фишер, вечером на даче Пика в Кунцево участвовать в дискуссии с ведущими немецкими коммунистами.

Кроме Вильгельма Пика и его семьи, на даче присутствовали еще два ведущих в то время деятеля КПГ, находившихся в Москве: Вильгельм Флорин и Филип Денгель, а также несколько других видных немецких коммунистов, эмигрировавших в Москву, о которых Эрнст Фишер ничего больше не вспоминает.

Эрнст Фишер пытался оправдать пакт на несколько возвышенный лад: Конечно, было бы позором с радостью приветствовать этот пакт. Ведь гитлеровская Германия осталась той же, что и была: государством концлагерей, массовых убийств, истребления евреев, террористической

диктатуры. То, что Гитлер временно договорился с Москвой, ничего не меняло ни в нем, ни в его системе. Но Фишеру казалось, что пакт давал Советскому Союзу возможность выиграть время, что, тем самым, первый удар германской военной машины должен был обрушиться не на СССР, а на Англию и Францию. А Советскому Союзу, мол, нужно было время на реорганизацию армии с тем, чтобы она смогла противостоять германскому вермахту.

Однако, защищая пакт, Фишер чувствовал себя при этом все же неловко: "Приводя такого рода аргументы, я в то же время чувствовал, что во мне растет необъяснимое недовольство, усиливающееся по мере того, как я старался убедить своих собеседников. Тщеславный разум самодовольно отмечал, что может найти выход и из такой затруднительной ситуации, но что-то возражало во мне, - что же это такое было? Подавленный двойник, моральные размышления, голос совести? Политик я или нет? Коммунист, для которого средства оправдываются целью, то есть победой Советского Союза и - тем самым - социализма, или же я буржуазный интеллигент, который боится замарать руки? Я останавливался на том, что с моральной точки зрения этот пакт - неприемлем, но с политической, со всемирно-исторической точки зрения - необходим, и, стало быть, моим долгом было убедить в этом других и себя, - но откуда же тогда, черт побери, это недовольство, эти возражения совести и рассудка?"

По всей видимости, Эрнсту Фишеру удалось убедить своих собеседников в необходимости пакта, но оставались еще некоторые вопросы.

"Остается ли и далее борьба с Гитлером решающей задачей для немецких коммунистов?"

Эрнст Фишер: "При любых обстоятельствах".

"А как же пакт?"

Эрнст Фишер: "Он нам не мешает. Конечно, мы не можем теперь из Москвы слать призывы к революционной борьбе. Но мы должны объяснять, что не рабочий класс заключил пакт с Гитлером".

Так описывает Эрнст Фишер свою тогдашнюю дискуссию с лидерами немецких коммунистов. В своих воспоминаниях, появившихся 30 лет спустя, Эрнст Фишер честно признается, что он "не понял тогда" сути вопроса. Это понимание пришло позже, как видно из его мемуаров, опубликованных в 1969 году"¹¹.

*Рут фон Майенбург: "Нам показалось,
что кремлевские часы остановились"*

Рут фон Майенбург родилась в Теплиц-Шёнау (Судетская область Чехословакии) в зажиточной семье. Все больше сближаясь с кругами левой интеллигенции, на рубеже 1930-31 годов она познакомилась с Эрнстом Фишером, который играл тогда важную роль в рядах левых, будучи редактором социал-демократической газеты "Арбайтерцайтунг". Разочаровавшись в политике социал-демократов, Рут фон Майенбург стала усиленно интересоваться Советским Союзом. Она настойчиво пыталась понять и всегда защищала то, что тогда называли "большевистским экспериментом". К этому добавилась растущая угроза со стороны нацизма в Германии, которую она хорошо ощутила в марте 1931 года в Берлине, куда ездила вместе с Эрнстом Фишером. Летом 1932 года она вышла замуж за Эрнста Фишера. Осенью 1933 года она испытала глубокое впечатление от выступления Димитрова на процессе о поджоге Рейхстага и - после окончившегося провалом восстания шуцбундовцев - в

феврале 1934 года вступила в Коммунистическую партию Австрии. Вскоре после этого она эмигрировала в СССР и принимала восторженное участие в демонстрации 1 мая 1934 года на Красной площади. В Москве ею вскоре заинтересовался 4-й отдел Генерального штаба Красной армии (РККА), предложив ей работать на советский военный аппарат, и после этого она не раз нелегально, под чужим именем ездила в гитлеровскую Германию. Побеседовав с Димитровым, весной 1937 года она оставила свою подпольную деятельность и работала с тех пор в Коминтерне.

Как и 600 других деятелей Коминтерна, представлявших почти все языки и страны мира, Рут фон Майенбург жила в отеле "Люкс". Ее номер помещался как раз напротив номера, в котором жили руководитель компартии Испании Хесус Эрнандес и его жена Пилар. И вот наступил день, когда был опубликован пакт; Рут фон Майенбург вспоминает:

"В августе 1939 года Советский Союз заключил с гитлеровской Германией пакт о ненападении. Нам показалось, что кремлевские часы остановились. Но вскоре и в наших умах точка зрения реалистической политики взяла верх над тем смятением, в которое этот 'гениальный' шахматный ход Сталина поверг антифашистов всего мира как в СССР, так и за его пределами. Страна социализма должна была любой ценой уберечь себя от войны"¹².

Позже, в одном интервью, Рут фон Майенбург точнее описала свое тогдашнее состояние:

"Шок был настолько велик, что в первые часы мы почти не могли говорить об этом. А потом стали спрашивать друг друга: Что это такое? Как это возможно? Мы говорили и о пакте между Гитлером и Сталиным, и о том, что сюда пожаловал господин Риббентроп... Какое

единство... О секретном соглашении мы тогда ничего не знали, это ведь выявилось гораздо позже. Но уже тогда шептались о том, что есть и другое соглашение, кроме этого официального пакта о ненападении, напечатанного в "Правде"... Мы ведь были настроены как ленинисты, то есть против империализма. А такие государства, как Англия, Америка, Франция и другие, продолжали оставаться для нас прежде всего империалистическими. Так мы пытались успокоить свою совесть в отношении того, что на самом деле означал пакт между Гитлером и Сталиным. Трудящиеся в Германии, борющиеся против гитлеровского режима, погибавшие в концлагерях, под пытками: что же ожидало их теперь, после заключения пакта между Гитлером и Сталиным? Все они становились теперь жертвами большой политики, которая вершилась без учета их судеб, без учета того, что происходит в Германии с противниками гитлеровского режима. Вообще-то говоря, совершалось нечто постыдное. И через это постыдное нам долго не удавалось перешагнуть. Нужно было мобилизовать все свое марксистское мышление, вспомнить все, что касалось империализма, интернациональных битв, чтобы ускользнуть от этих глубоких угрызений совести"¹³.

В гостинице "Люкс" жил и Герберт Венер, известный тогда под псевдонимом "Курт Функ". Герберт Венер, родившийся в 1906 году в Дрездене, с 1927 года входил в ряды компартии Германии и с 1930 года был депутатом КПП в саксонском ландтаге. После прихода Гитлера к власти Герберт Венер сначала принимал участие в движении антифашистского сопротивления и вел активную партийную работу в Германии и за границей. В 1935 году он эмигрировал в Прагу, а оттуда попал в Москву.

В своих воспоминаниях, написанных в 1946, но опу-

ликованных только в 1982 году, Герберт Венер ограничивается лишь кратким упоминанием о пакте:

"Германо-советский пакт был внешним выражением того процесса, который наблюдался уже давно. Он легтяжким бременем на немецких коммунистов, находившихся в Москве"¹⁴.

Лидер новозеландской компартии едет в Москву

Лидер новозеландской компартии Сидней Уилфред Скотт узнал о заключении пакта между Гитлером и Сталиным в весьма необычайной для него обстановке - в мягком вагоне поезда, следовавшего из Ленинграда в Москву.

Сидней Уилфред Скотт, тогда 39-ти лет, принадлежал к основателям новозеландской компартии, созданной в апреле 1921 года. Многие годы Скотт был главным редактором новозеландской коммунистической газеты "Уоркерс Уикли", а с начала 30-х годов - официальным представителем партийной пропаганды. Весной 1939 года Скотт впервые отправился в продолжительное путешествие. Он прибыл сначала в Австралию, а оттуда - пароходом через Коломбо, Аден, Суэц и Мальту - в Великобританию, в Саутгемптон. В Лондоне он вел продолжительные переговоры с председателем британской компартии Гарри Поллитом, который тактично дал ему понять, что в СССР он встретится с некоторыми сложными проблемами. Но Скотт не прислушался к его советам и отправился на советском судне "Кооператский" в Ленинград. Там его встречал работник Коминтерна Спрингхолл. "В общем-то, он мне вполне понравился, - писал Скотт. - Однако позже выяснилось, что положение функционера обусловило его подверженность коррупции".

С помощью Спрингхолла Скотт был помещен в одну из ленинградских гостиниц, а на следующий день они сели в поезд, отправлявшийся в Москву. В купе Спрингхолл и Скотт разговорились. Скотт пишет: "На одной из станций Спрингхоллу удалось купить газету, и, когда он ее развернул, то пришел в сильное возбуждение. 'Послушай, Скотт', - сказал он и, переводя с русского языка, прочитал мне сообщение, согласно которой Россия и Германия заключили пакт о ненападении. Сказать, что я был потрясен, было бы слишком мало. Легко было видеть последствия, связанные с этим пактом, по крайней мере, некоторые из них. Я не мог не выразить своего возмущения и подверг критике действия советского правительства. Тогда Спрингхолл прервал меня и со всей серьезностью заявил, что ни в коем случае нельзя критиковать советское правительство. Советское правительство - отечество трудящихся, оно, мол, не заблуждается"¹⁵.

Однако позже Сидней Уилфред Скотт оправдал заключение пакта при помощи обычных доводов о том, что все попытки договориться с западными державами провалились и что у советского руководства практически не оставалось иного выхода. И только много лет спустя Скотт пришел к выводу, что соглашение, заключенное с Гитлером, было направлено на то, чтобы дать СССР возможность захватить восточную часть Польши.

Член советского ЦК выступает перед Коминтерном

24 августа в 18 часов в Коминтерне состоялось большое собрание. Как и Дельгадо, все деятели Коминтерна были извещены о том, что в 18 часов один

из членов ЦК ВКП(б) выступит с докладом "О международном положении". В назначенное время все были в сборе, чтобы услышать докладчика.

Об этом достопримечательном событии в Коминтерне рассказано только у Эрике Кастро Дельгадо. Его описание, пожалуй, носит характер некоторого иронического преувеличения, но всякий, кто наблюдал подобные мероприятия в Москве, знает, что оно совсем недалеко отстоит от истины.

Вот рассказ Эрике Кастро Дельгадо:

"На трибуне - Димитров, Мануильский, Марти, Тольятти, Пик, Флорин, Готвальд и еще несколько высокопоставленных функционеров аппарата. Ниже - председатель собрания.

Вильков, секретарь парторганизации Коминтерна, поднимается с листом бумаги в руке...

- Товарищи, предлагается следующий состав почетного президиума.

Пауза.

Вильков: Товарищ Сталин...

Мы встаем и аплодируем как сумасшедшие. Садимся.

Вильков: Товарищ Молотов...

Мы встаем и аплодируем несколько умереннее. Садимся.

Вильков: Товарищ Ворошилов...

Встаем, аплодируем так же, как в предыдущем случае. Садимся.

Вильков: Товарищ Калинин...

Встаем и аплодируем немного меньше. Садимся.

Вильков: Товарищ Андреев...

Встаем, аплодируем точно так же, как перед этим. Садимся.

Вильков: Товарищ Каганович...

Мы встаем и аплодируем немного меньше. Садимся.

Вильков: Товарищ Микоян...

Мы встаем, аплодируем немного меньше. Садимся.

Вильков: Товарищ Хрущев...

Встаем, аплодируем, как только что перед этим, и садимся.

Вильков: Товарищ Берия...

Мы встаем, аплодируем, как с цепи сорвавшись. Садимся.

Вильков: Товарищ Шверник...

Мы встаем, немного аплодируем и садимся.

Итак, у нас есть почетный президиум. Я перевожу дух, вытираю пот со лба и готовлюсь слушать докладчика. Но Вильков достает еще одну бумагу...

- Товарищи, теперь - состав президиума нашего собрания...

Я судорожно сжимаюсь; думаю, другие тоже. И тот же голос, только что произнесший одиннадцать фамилий, неустанно и неумолимо продолжает, будто недостаточно было назвать тех, кто составляет славнейшую когорту руководителей славнейшей из партий...

- Товарищ Димитров...

Мы встаем. Аплодируем. Садимся.

- Товарищ Мануильский...

Встаем. Аплодируем. Садимся.

- Товарищи Благоева, Белов, Степанов...

Мы не встаем. И не аплодируем.

Мы несколько выдохлись, да и руки уже побаливают. Но дело, конечно же, того стоило. У нас два президиума: почетный президиум и президиум собрания.

Ответственный докладчик проделывает то, что и все докладчики на свете: он поднимается на трибуну, приводит в порядок бумаги, смотрит, поставили ли ему стакан воды (в данном случае - чаю), проводит рукой по лбу, как будто он должен подумать над тем, что он

сейчас скажет, смотрит на слушателей, откашливается и... 'Товарищи'...

Проходит десять минут.

'...товарищ Сталин, который предвидел, что нам угрожает...' Аплодисменты прерывают оратора, не дают ему закончить фразу, если у этой фразы вообще была какая-то другая концовка... Докладчик улыбается... улыбается...

Проходит двадцать минут.

Докладчик устремляет взгляд в публику; мне кажется, что он смотрит на меня, я отвожу глаза в сторону... Он делает небольшую паузу и...

'Империалисты хотели повернуть немецкие войска на восток... Но предвидение нашего гениального кормчего, товарища Сталина...'

Снова оглушительные аплодисменты. Проходит тридцать минут. Сорок минут. На нашем счету уже четыре взрыва аплодисментов. Пятьдесят минут. Час. Шесть взрывов аплодисментов. В стакане уже нет чая, а по левую руку докладчика остается всего несколько листков.

Мне кажется, многие из слушателей уже совсем не воспринимают докладчика. В моем ряду некоторые держат на коленях газеты, так, чтобы не видно было с трибуны, и читают. Другие, как мне кажется, спят с открытыми глазами... Димитров уже давно что-то рисует на листках бумаги; зарисовав листок, он комкает его и аккуратно укладывает перед собой, перед ним уже довольно длинный ряд этих комочков. Мануильский усиленно занят своей старой трубкой; мне кажется, проходит много времени, пока ему удастся прочистить ее. Остальные члены нашего президиума сидят, как замороженные слушанием доклада...

Последний из пугающей кипы листов оказывается,

наконец, в руках докладчика. '...А преступный маневр, затеянный империалистическими псами, провалился, и именно - благодаря этому пакту, имеющему неисчислимые исторические последствия, этому выражению политического гения нашего товарища Сталина'.

Президиум собрания поднимается. Мы тоже поднимаемся. Президиум рукоплещет, мы тоже рукоплещем. Но вот идет на убыль последний взрыв аплодисментов.

Димитров садится. Мануильский садится. Все мы садимся. Докладчик собирает бумаги, смотрит на стакан: не осталось ли чая, достает носовой платок, вытирает лоб и... сходит с трибуны, чтобы сесть рядом с президиумом. Я жду, что будет дальше. Поднимается Вильков. Я содрогаюсь в ужасе. Мне кажется, что даже колонны содрогаются в зале.

"Товарищи! От имени президиума я хочу предложить послать письмо товарищу Сталину...". Он читает. Я слушаю и ничего не понимаю. Все встают, все аплодируют. Я тоже аплодирую. Мы согласны с германо-советским пактом.

Вильков: Собрание считается закрытым.

Мы начинаем расходиться. Выделяется небольшой поток: мимо нас проходит президиум, завершает шествие докладчик, который всем улыбается. Я смотрю на него и тоже улыбаюсь. Все выглядит, как на страницах газеты 'Правда' "16.

От автора: Много секретов и никаких директив

В воспоминаниях тогдашних лидеров Коминтерна можно выделить прежде всего четыре аспекта.

1. Атмосфера секретности. В то, что готовился пакт с Гитлером, Сталин посвятил, очевидно, лишь нескольких

избранных лиц, среди них - из советского руководства, вероятно, только Молотова. Даже некоторые члены советского Политбюро не получили никакой информации от Сталина, как это отчетливо видно из воспоминаний Хрущева: он просто отпустил их на охоту. То же самое относится к руководству Коминтерна. Даже такие видные деятели Коминтерна, как Вильгельм Пик и Хесус Эрнандес, входившие в высшие органы ИККИ, узнали о заключении пакта только из газет или по радио. Остается неясным - был ли информирован о пакте тогдашний генеральный секретарь Коминтерна Димитров; это можно предположить, но до сих пор никто из современников не упоминал о каком-нибудь разговоре с Димитровым относительно пакта. Однако явно заранее был проинформирован о подготовке пакта Дмитрий Мануильский и, как это следует из воспоминаний Эрнста Фишера, очевидно, Клемент Готвальд, секретарь чехословацкой компартии и тогдашний секретарь Коминтерна по делам Центральной Европы.

2. Пакт и запланированный раздел Польши. В немногих известных высказываниях информированных лиц о пакте между Гитлером и Сталиным он всегда связывался с предстоящим разделом Польши; так было в разговоре Готвальда с Эрнстом Фишером 21 августа, так было и в разговоре Мануильского с Хесусом Эрнандесом после заключения пакта. Нерасторжимая связь пакта с запланированным предстоящим разделом Польши между гитлеровской Германией и Советским Союзом - факт достаточно важный, чтобы быть отмеченным.

3. Не созывались никакие высшие органы Коминтерна. В отличие от сложившейся традиции, на этот раз в Коминтерне не было заседания ИККИ (несколько расширенного состава Исполкома); вопрос не обсуждался даже в обоих руководящих органах (более узкого состава), то

есть - в Президиуме ИККИ и Секретариате ИККИ. Вместо этого состоялся лишь "доклад" представителя советского ЦК, в чем явно выразилось неуважение сталинского руководства по отношению к Коминтерну.

4. Отсутствие директив. Руководство Коммунистического Интернационала ни непосредственно перед заключением пакта между Гитлером и Сталиным, ни даже в первые дни и недели после его заключения ни в какой форме не проинформировало о нем руководство коммунистических партий других стран. Не было (по крайней мере, в самые решающие недели) никаких официальных высказываний, не поступало даже никаких внутренних объяснений и директив со стороны Коминтерна руководителям компартий других стран. Никто из очевидцев не упоминает о таких директивах. В официальном труде "Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк" также не упоминается о каких-либо директивах Коминтерна руководителям других стран, относящихся к пакту.

Отсутствие в этом случае директив, и вправду, поражает. Даже по самым мелким вопросам коминтерновское руководство постоянно рассылало массу инструкций и директив, и вот именно в случае такого решающего события, как пакт между Гитлером и Сталиным, - ни слова. Руководство Коминтерна, столь любившее издавать директивы, на этот раз оградило себя молчанием.

Почему же?

Напрашиваются два возможных ответа. Первый - это неуважение и даже презрение Сталина по отношению к Коминтерну. Когда-то Сталин уже назвал Коминтерн "лавочкой". Возможно, что и в этом случае Сталин хотел выразить свое презрительное отношение к Коминтерну.

Вторая возможность: Сталин хотел испытать руководство зарубежных компартий; он хотел посмотреть, останутся ли они и при таком невероятном повороте событий верными советскому руководству и будут ли по-прежнему защищать советскую политику. Сталин хотел узнать, как поведут себя руководители компартий других стран в этом случае, и понять, может ли он всегда, при любом повороте событий, рассчитывать на их безраздельную верность.

*Что беспокоило германского посла
фон дер Шуленбурга*

Наряду с реакцией на пакт компитерновских деятелей, которым в этой книге, естественно, уделено особенное внимание, представляется необходимым упомянуть также о реакции некоторых зарубежных дипломатов, находившихся в СССР, по крайней мере, тех, кто многие годы имел дело с советской политикой и непосредственно общался с советским руководством.

Это прежде всего касается тогдашнего посла Германии в СССР фон дер Шуленбурга. Граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург (1875-1944) с 1901 года находился на дипломатической службе. С 1923 года он был посланником в Тегеране, с 1931 по 1934 годы - в Бухаресте. Будучи в 1934-1941 годах германским послом в Москве, он, хотя бы и против своей воли, принимал активное участие в подготовке пакта между Гитлером и Сталиным. Граф фон дер Шуленбург крайне отрицательно относился к нацистскому режиму в Германии. В подпольном движении сопротивления предполагалось, что он займет пост министра иностранных дел в правительстве, которое должен был возглавить Гельделер. После событий 20 июля

1944 фон дер Шуленбург был приговорен к смертной казни и 10 ноября 1944 казнен в берлинской тюрьме Плётцензе.

Ханс фон Герварт, находившийся с фон дер Шуленбургом в тесных дружеских отношениях, знал, что его беспокоило. С начала 1939 года было ясно, что представления Шуленбурга об улучшении германо-советских отношений находились в полном противоречии с тем, что думал об этом Гитлер. Герварт сообщает: "Целью Шуленбурга было восстановление прежних добрых отношений Германии с Советским Союзом, тогда как Гитлер посредством договора с СССР хотел только купить согласие Сталина на вторжение Германии в Польшу"¹⁷.

Но вот пакт между Гитлером и Сталиным был заключен. О своей встрече с Шуленбургом утром 24 августа Герварт вспоминает так:

"24 августа в 9 часов утра Шуленбург против своего обыкновения был уже в посольстве". В разговоре с Гервартом Шуленбург открыто высказал свою озабоченность угрозой предстоящей войны, которая теперь - после пакта между Гитлером и Сталиным - становилась неизбежной: "Эта война, как и Первая мировая война, будет продолжаться очень долго", - сказал Шуленбург и добавил: "Я положил все свои силы на установление добрых отношений между Германией и Советским Союзом и, в известном смысле, я достиг своей цели, но Вы же понимаете, что, на самом деле, я не достиг ничего. Этот договор приведет нас ко Второй мировой войне и ввергнет Германию в пропасть".

Ханс фон Герварт считает также, что трагедия фон дер Шуленбурга состояла в том, что он должен был во всем этом принимать участие¹⁸.

*Паасикиви и Гафенку о пакте
между Гитлером и Сталиным*

Наряду с мнением фон дер Шуленбурга следует привести также точки зрения двух дипломатов, которые многие годы своей жизни особенно интенсивно занимались Советским Союзом и высказали интересные и значительные соображения о пакте, исходя из своих знаний и опыта: это - финн Юхо Кусти Паасикиви и румын Григоре Гафенку.

Паасикиви (1870-1956) изучал историю и юриспруденцию в университете в Хельсинки, в 1918 году он входил в первое независимое правительство Финляндии. Паасикиви бегло говорил по-русски и еще в 1920 году в Тарту вел переговоры о заключении мира с представителями советского правительства. Хотя по мировоззрению Паасикиви был консерватором, он принадлежал к направлению "старофиннов", борющихся с финским национализмом и шовинизмом и выступавших за урегулирование отношений с Россией. В 1936-39 годах Паасикиви был финским посланником в Стокгольме (там он и встретил известие о пакте между Гитлером и Сталиным), а с сентября 1939 года по 1940 - ведущим финским представителем в Москве, где он неоднократно встречался со Сталиным и Молотовым. После окончания войны Паасикиви был сначала премьер-министром (ноябрь 1944 - март 1946), а затем - президентом Финляндской республики.

В своих мемуарах, появившихся в середине 60-х годов, Паасикиви подчеркивает, что решающей предпосылкой советского договора с гитлеровской Германией были внутренние перемены в СССР и рост великодержавного мышления. Советская империя, пишет Паасикиви, к середине 30-х годов широко развернула свою экономику,

особенно тяжелую индустрию и базирующуюся на ней военную промышленность ("пятилетние планы") и реорганизовала свои вооруженные силы. Это сказалось и на политической психологии в СССР.

"Самоуверенность кремлевских властителей и русско-советского населения росла вместе с гордым осознанием великодержавной мощи... Все чаще наряду с коммунистической идеологией проявлялся русский патриотизм... Все привычнее звучали в 30-е годы слова о русско-советском патриотизме и национализме. Миновали времена, когда Советская Россия чувствовала себя слабой... Дремлющий дух русского империализма пробуждался к жизни. Усиливалось ощущение своей мощи, собственного значения, самодостаточности и величия. Для Советского Союза открылись двери в Европу, и он стал выступать в качестве великой державы, явившись активным фактором при урегулировании европейских дел".

В этой связи Паасикиви говорит и об известном сходстве в системах гитлеровской Германии и Советского Союза, облегчавшем их сотрудничество¹⁹.

Германо-советский договор от 23 августа 1939 года (и предшествовавшее ему Мюнхенское соглашение), согласно Паасикиви, будут "когда-нибудь считаться самыми неудачными и роковыми государственными действиями на мрачных страницах новейшей истории". Вначале еще не был понятен подлинный характер этого договора, но уже несколько месяцев спустя обнаружилось его истинное значение:

"Хотя и существовали подозрения, что с этим договором связаны какие-то секретные соглашения, но никаких точных сведений об этом тогда еще не имелось. Однако, когда в сентябре Германия и Советский Союз напали на Польшу и поделили ее между собой и когда Кремль открыто выступил против прибалтийских государств и

Финляндии, а также - летом 1940 года - против Румынии, тогда стало ясно, что договор между Риббентропом и Молотовым дает основу для такого разворачивания событий"²⁰.

Румын Григоре Гафенку (1892-1957) также считает изменившийся характер советской системы предпосылкой для заключения пакта между Гитлером и Сталиным.

Григоре Гафенку, с 20-х годов ведущий деятель "Национальной крестьянской партии" (а с 1928 года её депутат в парламенте), с декабря 1939 по май 1940 года был румынским министром иностранных дел и всеми силами старался уберечь Румынию от войны. С августа 1940 по июнь 1941 года Гафенку был румынским послом в Москве; будучи противником войны и диктаторского режима в Румынии, он в 1944 году эмигрировал в Швейцарию, где опубликовал также свои мемуары "Пролог к войне в Восточной Европе".

Подробно анализируя ситуацию, Гафенку, подобно Паасикиви, подчеркивает, что в СССР наблюдалось возрождение русского национального сознания, выпячивание советского патриотизма, усиленного за счет русского национализма, возобновление военных традиций, среди них - возвращение к обязательному отдаванию чести в армии, отмененному во время революции 1917 года, восстановление знаков различия и прославление солдатской жизни: "На груди маршалов блистали золотые звезды, с такой роскошью украшенные драгоценными камнями, какая вряд ли встречалась у военачальников буржуазного мира.

Все это были лишь внешние знаки гигантских усилий, совершавшихся за счет напряжения всех экономических и финансовых ресурсов, всех производительных сил и мощностей огромной империи".

Гафенку обнаруживает связь "между пробуждением

русского национализма и заключением Московского пакта". Сталин, считает Гафенку, в критический момент обратился за помощью к национализму и сумел опереться на него. Легкость, с которой в августе 1939 года был заключен германо-советский пакт, объясняется, по мнению Гафенку, "не совпадением подлинных устремлений обоих народов, а внешним сходством в идеологической манере мышления правителей этих обеих империй".

Гафенку пишет о том, что поразительно многие черты гитлеровского режима в Германии и сталинского режима в СССР повторяли друг друга. Он перечисляет эти общие черты:

"Одинаковая авторитарно-безоговорочная манера в проведении воли вождя, одинаковая одержимость, с какой вождь утверждал себя в качестве высшего авторитета, стоящего над всеми и направленного против всех, одинаковое отсутствие контроля, критики и какого-либо независимого общественного мнения; то отсутствие контроля, которое обеспечивает диктаторам полную свободу действий и дает им возможность при помощи ловкой пропаганды совершать самые невообразимые повороты и маневры; одинаковая ориентация на "массы", как на единственный предмет политических забот тоталитарного государства; одинаковое стремление к организации, вооружению, моторизации и механизации все более широких масс. (Восемьдесят миллионов немцев, - с анонимным восторгом писала одна берлинская газетенка на следующий день после поездки Риббентропа в Москву, - и сто восемьдесят миллионов русских! Их союз создаст блок, представляющий собой величайшую военную и индустриальную силу в мире, империю, простирающуюся на небывалые доселе величайшие жизненные пространства Европы и Азии.)

Одинаковое презрение к малым государствам, кото-

рые не могут сами защитить себя, свой нейтралитет и свое существование, одинаковое стремление всосать их в жизненное пространство мировых держав; одинаковое пристрастие к простым географическим линиям, которые смело проводятся на карте и разрезают прилежащие государства.

Одинаковый культ насилия: советский милитаризм, на службу которому поставлено все - труд и промышленное производство, военное обучение всех граждан и даже воспитание детей, ничем не уступает милитаризму германскому.

Одинаковая романтика в экономике: тенденция к мечтаниям в гигантских масштабах, к планированию на годы и эпохи вперед, к выработке проектов по обузданию энергии рек и морей и перемещению гор”.

Эти черты похожести в обеих системах и политических методах создали, по мнению Гафенку, ”в Берлине, как и в Москве, крайне благоприятную атмосферу для политического сотрудничества”. Заключение Гафенку таково: ”Оба режима, казалось, переживали момент, когда между ними вдруг спала завеса и когда им открылось то, что их роднило друг с другом - вместе со всеми выгодами, какие из этого можно было извлечь”²¹.

*После шестидневного молчания:
на сессии Верховного Совета СССР*

Однако вернемся к Советскому Союзу в первые дни после заключения пакта. Всего только два дня находилось это событие в центре внимания советской прессы: 24 августа, когда была помещена фотография Сталина и Риббентропа вместе с другими германскими и советскими руководителями и опубликован текст договора с поясняющей его передовой статьей, и, наконец, 25 авгу-

ста, когда появилось официальное сообщение об отъезде Риббентропа из Москвы.

После этого в Советском Союзе вообще ничего не говорилось о пакте. Германо-советский договор больше просто не упоминался. Советская печать как можно скорее перешла к обычным повседневным вопросам. Уже 25 августа передовица "Правды" была посвящена закупке овощей.

После заключения пакта между Гитлером и Сталиным не было заседания ЦК, как это обычно происходило в случае решающих событий. Не публиковалось никакого заявления ЦК или Наркомата иностранных дел. Не происходило и обычных в подобных случаях "стихийных" и "полных энтузиазма" собраний на производствах и массовых митингов, служивших для разъяснения всех важных событий. Советская печать, очевидно, по указанию Сталина, ничего не делала для того, чтобы хоть как-то объяснить населению (включая членов партии и руководящих работников) смысл и значение этого пакта. Так дело продолжалось вплоть до 31 августа, когда была созвана сессия Верховного Совета СССР, на которой выступил Молотов с речью о пакте²².

На заседании сессии Верховного Совета 31 августа 1939 года были также испанский коммунист Энрике Кастро Дельгадо ("Луис Гарсия") и советский морской офицер Н. Г. Кузнецов. Они оба написали об этом в своих воспоминаниях.

Дельгадо: "В этот день Благоева пригласила меня в свой кабинет и вручила мне маленький красный билет: это - приглашение в Кремль. Она посоветовала иметь при себе все документы, удостоверяющие мою личность... Вернувшись в свой кабинет, я все еще рассматриваю этот пригласительный билет: на нем герб Советского Союза,

несколько строк напечатанного текста и два слова, вписанных от руки - я думаю: 'Луис Гарсия' ”.

Живший в 800 метрах от Кремля, Дельгадо тем не менее очень боялся, что может опоздать. Поэтому он поспешил из гостиницы "Люкс" по улице Горького на Красную площадь. Он проверил, все ли документы были при нем. Приглашение, коминтерновский пропуск и паспорт, где значилось: "без гражданства". Зная советские порядки, он удостоверился в том, что его псевдоним "Луис Гарсия" во всех документах написан одинаково.

Первая проверка - у кремлевских ворот. Два сотрудника НКВД сначала смотрят на фотографии, потом на него самого. Затем они проверяют приглашение, пропуск и паспорт.

Кремль тогда был совершенно закрыт для населения, туда входили лишь избранные. Дельгадо заметил, что сад был хорошо ухожен, здания выглядели чистыми, и перед каждым из них стояли часовые: "Атмосфера древнего монастыря и впечатляющая тишина, несколько нарушавшаяся от наших шагов". Снова часовые, и, наконец, он входит в большой зал заседаний. Здесь к нему подошел человек в штатском и показал его место.

Как вспоминает Дельгадо, главным событием для участников этого заседания стала не речь тогдашнего наркома иностранных дел Молотова, а то, что на нем на короткое время появился Сталин. Дельгадо вспоминает: "Подиум все больше заполняется людьми... Оглушительная овация... Я аплодирую... Руки уже болят... Я должнаю аплодировать..."

· Сталин!

И я - всего в двадцати метрах от него. Представляете себе, что это значит? Я не смотрю уже никуда больше. Все мое зрение сосредотачивается только на одном человеке - Сталине.

Другие надевают наушники. Я тоже надеваю наушники... Другие слушают человека, который начал говорить. Я только смотрю. Не на человека, который начал говорить. Я смотрю на человека, который не говорит, а находится за тем, кто говорит с трибуны. Я думаю, что и германо-советский пакт был одобрен собравшимися. Но я видел только Сталина"²³.

В то время, как внимание Кастро Дельгадо было сосредоточено на появившемся ненадолго Сталине, Вячеслав Молотов, бывший тогда народным комиссаром иностранных дел СССР, произнес решающую речь, в которой он коснулся также пакта между Гитлером и Сталиным:

"23 августа, когда был подписан германо-советский договор о ненападении, надо считать датой большой исторической важности... Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась и мы перестали быть врагами".

Конечно, Молотов понимал, что после заключения пакта в Европе скоро разразится война. Но он попытался затушевать этот факт:

"Если даже не удастся избежать военных столкновений в Европе, масштаб этих военных действий теперь будет ограничен. Недовольными таким положением могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе".

В речи Молотова не прозвучало никакой критики в адрес гитлеровской Германии и фашистского движения, вместо этого он впервые очень резко высказался против западных социал-демократов, которых еще совсем недавно, в период Народных фронтов 1936-38 годов, привлекали на свою сторону как союзников и друзей. Но теперь Молотов высказался таким образом:

"Советский Союз подвергся многочисленным нападениям

в англо-французской и американской прессе. Особенно стараются на этот счет некоторые 'социалистические' газеты... Особенным усердием отличились в последнее время некоторые лидеры социалистических партий Франции и Англии.. Эти люди требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны? (Смех)... Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть повоюют сами, без Советского Союза. (Смех. Аплодисменты). Мы бы посмотрели, что это за вояки. (Смех. Аплодисменты)"²⁴.

Эти выдержки из речи Молотова уже давно не упоминаются в советских трудах по внешней политике.

В конце прений выступил член Политбюро ЦК Щербаков. Он постарался доказать, что позиция британцев и французов в переговорах с Советским Союзом была несерьезной. Заканчивая свое выступление, Щербаков предложил в виду "абсолютной ясности" того, что сказал о новом договоре Молотов, отказаться от обсуждения этого вопроса, одобрить политику советского правительства и ратифицировать германо-советский договор.

О таком предложении, прозвучавшем в конце речи Щербакова, вспоминает также советский адмирал Кузнецов. Дело закончилось формальным голосованием. Кузнецов пишет: "Мы, депутаты Верховного Совета, единодушно проголосовали за ратификацию договора"²⁵.

Спустя несколько часов после окончания этой сессии Верховного Совета СССР, утром 1 сентября 1939 года войска гитлеровской Германии вторглись в Польшу. Вскоре после этого Великобритания и Франция объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война.

Секретный дополнительный протокол

Несмотря на политико-идеологическую катастрофу, вызванную пактом о ненападении, на самом деле, не он был решающим фактором в ночных переговорах между Риббентропом и советскими руководителями 23 августа 1939 года. Решающим был секретный дополнительный протокол о разделе сфер интересов в Восточной Европе между гитлеровской Германией и Советским Союзом.

Вот текст этого протокола:

Секретный дополнительный протокол

По случаю подписания Пакта о Ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических развитий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского соглашения.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный.

Москва, 23 августа 1939 г.

За правительство
Германии
И. Риббентроп

Полномочный представитель
Правительства СССР
В. Молотов²⁶

Согласно этому секретному протоколу Литва попадала в сферу интересов Германии, тогда как две другие прибалтийские страны - Эстония и Латвия, а также Финляндия относились к советской сфере интересов.

Через пять недель, в конце сентября 1939 года, секретное соглашение претерпело некоторые изменения. Литва включалась теперь в сферу советских интересов, тогда как некоторые области Польши попадали под власть гитлеровской Германии.

Строго соблюдалась секретность, на которой настаивает четвертый пункт дополнительного протокола.

Так, например, 14 сотрудников германского посольства в Москве должны были дать письменное обязательство хранить в абсолютной тайне не только содержание дополнительного протокола (известное разве что трем-четырем лицам), но и сам факт существования "какого-либо секретного протокола". Соответствующее

протоколу официальное заявление датировано 27 августа, оно сохранялось в запечатанном конверте²⁷.

В западном мире секретный дополнительный протокол о разделе сфер влияния между гитлеровской Германией и Советским Союзом стал известен после окончания войны в 1945 году и сразу сделался предметом исследований и аналитических осмыслений.

В Советском же Союзе и связанных с ним странах Восточного блока до недавних пор сохранялось полное молчание относительно секретного дополнительного протокола. Нигде, ни в одной речи, ни в одной публикации даже не упоминалось о секретном дополнительном протоколе, запрещены были какие-либо намеки на него. В советских трудах, посвященных советской внешней политике или советско-германским отношениям, существование секретного дополнительного протокола игнорировалось.

Это табу сохраняло силу даже в период десталинизации 1956-1964 годов, в период, о котором советский историк Некрич сказал, что это были годы "освобождения от груза прошлого, годы творческого подъема". Александр Некрич, родившийся в 1920 году в Баку, работал в Институте истории АН СССР; в 1958 году он вместе с директором Института истории АН СССР В. М. Хвостовым написал книгу "Как возникла вторая мировая война". Он вспоминает:

"Хотя эта книга была посвящена возникновению второй мировой войны, мы по-прежнему уходили от обсуждения одного из главных вопросов - о роли советско-германского пакта 1939 г. в развязывании войны. Этот вопрос был и остается наиболее чувствительным для советской историографии. И никто из советских историков, в том числе и я, не осмеливались еще перейти границы дозволенного и выйти за рамки официальной трактовки пакта как сыгравшего благоприятную роль для

подготовки СССР к отражению нападения Германии, последовавшего спустя два года. Но если бы мы даже и попробовали это сделать, то такая рукопись никогда бы не увидела света"²⁸.

Все это относится, как уже говорилось, к относительно свободному периоду десталинизации 1956-64 годов. В последующие годы ситуация становилась еще более жесткой, и так получилось, что почти полстолетия после заключения пакта секретный дополнительный протокол о разделе сфер влияния между гитлеровской Германией и Советским Союзом никак, даже намеком, не подлежал упоминанию в СССР. Так было до недавних пор.

Однако все представленные далее отклики на пакт относятся к августу-сентябрю 1939 года. А тогда еще никто ничего не знал о секретном дополнительном протоколе и о том, что гитлеровская Германия и Советский Союз поделили между собой сферы влияния. Упомянутые далее современники событий могли таким образом реагировать только на официально опубликованный текст пакта о ненападении.

Глава 2

ПАКТ И ЛЮДИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Реакции советских граждан на пакт были противоречивыми: от полного недоумения, замешательства и озабоченности до успокоительных заявлений относительно того, что уж сталинское-то руководство знает, мол, что оно делает. К тому же, в условиях сталинского режима - особенно после недавних "больших чисток" 1936-38 годов - люди в Советском Союзе с крайней осторожностью высказывали свое мнение.

Таким образом, и зарубежным корреспондентам было нелегко описывать реакцию советских людей на пакт. С одной стороны, подчеркивались ощущения неожиданности и озабоченности. "Нью-Йорк Таймс" за 23 августа

1939 года писала: "Русские были ошарашены и никак не могли привыкнуть к такому внезапному повороту событий". Живший тогда в Советском Союзе английский публицист и историк Александр Верт подчеркивает, что "в СССР наблюдалась большая озабоченность из-за такого хода событий", и полагает, что "по всей стране имело место значительное недовольство"¹.

С другой стороны, "Манчестер Гардиан" за 25 августа 1939 года пишет: "Ничто не свидетельствует о каком-либо росте недовольства среди советского населения в связи с поворотом советской внешней политики, несмотря на многолетнюю пропаганду против фашистских агрессоров". Лондонская "Таймс" отмечает, что советская пресса сразу же после заключения пакта обратилась к другим темам: "В газетах, вышедших в конце недели, этот наитруднейший из национальных кризисов был оставлен почти без внимания, о нем сообщали вскользь. Так передовая статья газеты "Правда" была посвящена 'овощам' "².

Трое советских граждан вспоминают

Смешанность чувств, связанных с восприятием пакта между Гитлером и Сталиным, выявляется также из рассказов советских людей, бывших современниками событий.

Оксана Косенкина, учительница, пострадавшая во время сталинских чисток и оказавшаяся позднее в Нью-Йорке, вспоминает в своих мемуарах о событиях августа 1939 года:

"Самый ненавистный враг Советского Союза вдруг превратился в его 'друга и союзника'. Долгое время

должно было пройти, прежде чем люди действительно осознали, что это была не шутка”³.

Атмосфера недоверия, распространившаяся настолько, что даже в разговорах с друзьями люди боялись высказываться ”слишком откровенно”, проступает в воспоминаниях Анатолия Грановского. В то время Грановский проходил обучение в училище ПВО; он пишет о разговорах и спорах со своим другом Александром, в которых случались также и критические высказывания. И вот Грановский говорит с Александром после заключения пакта, но он боится, что Александр провоцирует его на высказывание, а тот боится того же самого со стороны Грановского. Осторожно касаясь темы, Грановский начинает: ”Я так же, как и ты, мало верю в то, что немцы - наши друзья, как пишут газеты. Я спрашиваю себя, зачем правительство хочет ввести нас в заблуждение”. Однако Александр - очевидно, из страха, - не решается на такую дискуссию; он отвечает: ”Я думаю, правительство само лучше знает, что нужно делать. Кроме того, это - политика, выбранная Сталиным, и так и должно быть”⁴.

Марк Галлай, в то время - курсант военного училища, а позже - заслуженный летчик-испытатель СССР, рассказывает в своих воспоминаниях, опубликованных в Советском Союзе, о том смущении, в котором он тогда находился: ”Многое представлялось нам необъяснимым, диким, противоестественным. Причем сомнения вызывал прежде всего не сам факт заключения договора: всем было ясно, что ничего другого при сложившихся обстоятельствах не оставалось. Договор большинство из нас восприняло, как горькое лекарство - противно, но нужно”. Однако ”противоестественным” это все-таки оставалось. При взгляде на первую страницу ”Правды” с фотографией, на которой изображались бывшие неприми-

римые враги, пожимающие друг другу руки, Галлай чувствовал себя неловко: "То, в чем мы с комсомольско-го, даже пионерского возраста привыкли видеть враждебное, злое, опасное, - вдруг оказалось как бы нейтральным". Таким образом, для него все события, связанные с пактом, остались "странными, непонятными"⁵.

Восприятие пакта в промышленном городе Кемерово

Довольно полное описание реакции на пакт дает Виктор Кравченко, которому в то время было 34 года. Член партии с 1929 года, Кравченко пережил и период больших чисток, и заключение пакта между Гитлером и Сталиным, находясь на хозяйственном посту в промышленном городе Кемерово. Позднее, в августе 1943 года, Кравченко в составе советской комиссии по закупкам прибыл в США, где и остался в апреле 1944 года, отказавшись от сталинской системы. В книге "Я избрал свободу", вышедшей в 1946 году, Кравченко рассказывает о своем жизненном пути и о пережитых им переменах.

Кравченко вспоминает, как члены партии и инженерные работники в советском городе Кемерово восприняли заключение пакта между Гитлером и Сталиным:

"В Кемерово этот пакт произвел впечатление метеора, который в ярком блеске возник на нашем горизонте, чтобы затем с внезапным шипением взорваться в умах и сердцах членов партии. Мы все были совершенно потрясены и обескуражены и никак не могли в это поверить... Нам все эти годы казалось несомненным, что единственным врагом нацистов был Советский Союз... Ведь как-никак, а нам год за годом внушали ненависть к нацистам. Мы ведь расстреляли ведущих военачальников, среди них и Тухачевского, потому что они, якобы, были

связаны с гитлеровским рейхсвером. Большие процессы над изменниками, в результате которых были ликвидированы ближайшие соратники Ленина, оправдывались тем, что нацистская Германия и ее союзники по оси-Италия и Япония - вооружаются, чтобы воевать с нами... Подлость Гитлера почти так же свято принималась на веру в нашей стране, как и непогрешимость Сталина. Наши советские дети играли в фашистов-и-коммунистов, причем фашисты всегда носили немецкие имена и всегда их жестоко разбивали... В тирах мишенями часто служили силуэты в национал-социалистических коричневых рубашках с ярко блестящей на них свастикой... Только когда мы увидели кинохронику и газетные фотографии, на которых Сталин и Риббентроп улыбаясь пожимали друг другу руки, мы начали верить в невероятное. Свастика и серп и молот развевались рядом друг с другом на знаменах в Москве!"

Однако, как ни велико было изумление и даже ошеломление, столь же быстро обнаружилась и некая форма оправдания, заключающаяся прежде всего в том, что уж руководство-то знает, что оно делает. Правда, несмотря на это, никакого восторга по поводу новой линии не возникало, скорее, проявлялись недоумение и сдержанность. Кравченко пишет: "Не только на официальных собраниях, проходивших в различных парторганизациях, но и частным образом - дома и на работе - мы не говорили о новом повороте событий. Как мы в Кемерово могли решиться на осмысление столь сложных вещей?"

Нашей задачей было строить заводы, руководить ими, привлекать в них рабочее население - с постоянной верой в то, что наш любимый вождь не может совершать никаких ошибок. Лишь некоторые из строптивых партийцев продолжали и дальше раздумывать над происходящим. Остальные стали вскоре реагировать с такой же

апатией, как и широкие массы. За 22 года жизни в условиях диктатуры стало невыносимым существование самостоятельного общественного мнения...

Хотя все молчаливо приняли эту новую дружбу с нацистами и участвовавшие нападки на другие европейские страны, я могу, однако, засвидетельствовать, что никто не проявлял воодушевления по этому поводу. Все это слишком уж отдавало вынужденным решением проблемы. Наши политсобрания, на которых ораторы из столицы объясняли нам новое положение вещей, проходили сдержанно и беспокойно”⁶.

*Ленинград: Леопольд Грюнвальд и Ли-тунь
выступают с обоснованием пакта*

Ленинградский обком ВКП(б) после заключения пакта стал приглашать на собрания зарубежных коммунистов, выступавших с обоснованием и оправданием пакта. Явно предполагалось, что эти выступления произведут большее впечатление на советских граждан, чем речи советских докладчиков. Об этой практике сообщает Леопольд Грюнвальд, уроженец Вены, бывший в 1918 году одним из основателей компартии Австрии, а несколько лет спустя - одним из основателей чехословацкой компартии. Хотя он часто бывал также в Австрии и Германии, в 20-е годы Грюнвальд работал преимущественно в немецкой секции чехословацкой компартии, находясь в немецкоязычной части Судетской области. После оккупации Чехословакии гитлеровскими войсками в марте 1939 года он бежал в Советский Союз. Здесь 1 сентября ему поручили сделать в Ленинграде доклад о пакте. Леопольд Грюнвальд вспоминает:

”Как раз 1 сентября 1939, в день начала войны, я

отправился с моим китайским другом Ли-тунем в десятидневную поездку с докладами в Ленинград. Мы ежедневно посещали собрания на больших предприятиях и учреждениях, и нашей основной задачей было приводить аргументы в пользу поворота советской политики, связанного с пактом между Сталиным и Гитлером. Когда позже мы получили грамоту с сердечной благодарностью ленинградского лекторского отдела в системе наробраза, подписанную членами обкома партии и врученную нам вместе с цветами и подарками, мы оба испытали угрызения совести”.

Сам германо-советский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года Грюнвальд принял еще без каких-либо существенных возражений. Однако второй германо-советский договор - ”о дружбе и границе”, подписанный 28 сентября 1939 года после нового визита Риббентропа в Москву и связанный с еще более далеко идущим секретным протоколом, - этот договор вызвал критические размышления и у Грюнвальда, который к тому времени уже приступил к своей работе в Коминтерне, в здании, что находилось в Ростokino:

”На моем письменном столе лежала ”Правда” с фотографией, запечатлевшей подписание нового договора. На ней были Молотов и Риббентроп, на этот раз они подписывали советско-германский договор о дружбе! Как и большинство моих товарищей, я задавал себе вопрос: неужели, действительно, не было другого пути? Уже тогда товарищи недоумевали, почему же советское правительство, желая уберечь СССР от надвигающейся войны, не сделало просто официального заявления о нейтралитете вместо того, чтобы заключать договор о дружбе со смертельным врагом социализма и мира.

Мы не осознавали тогда всего значения пакта. Только позднее просочились сведения о действительном

содержании договора "о дружбе и границе", дополнившего первоначальный пакт о ненападении: о том, что Сталин и Гитлер по взаимному согласию поделили "сферы интересов в Восточной Европе". Ленин называл такие секретные договоры 'разбойничьими сделками за спиной народов' "7.

*Собственные воспоминания:
23 августа 1939 года в Ейске*

В дополнение к вышеизложенному я хотел бы рассказать, как я и мои друзья, бывшие тогда в Советском Союзе, восприняли пакт между Гитлером и Сталиным.

Я находился тогда в "детском доме № 6", предназначавшемся для детей австрийских шуцбундовцев и немецких политических эмигрантов в Москве. "Детский дом № 6" по Калашникову переулку 12 к этому времени - к лету 1939 года, собственно, не был уже "детским" домом; мы представляли собой подростков от 17-ти до 19-ти лет и наш приют превратился в своего рода "Дом эмигрантской молодежи". В первые годы детдомовского существования мы испытали и положительные, и отрицательные стороны нашего положения. Мы пользовались многими привилегиями: одежда для нас заказывалась в особых пошивочных мастерских, о нашем питании заботилась австрийская кухарка, у детдома был собственный автобус, отвозивший нас в школу и привозивший обратно, у нас была собственная амбулатория, которой заведовала немецкая женщина-врач; нас часто куда-нибудь приглашали, где оказывали нам особое внимание, мы получали билеты на любые спектакли оперы, оперетты и драматического театра, нас посещали немецкие писате-

ли-антифашисты, зарубежные делегации и функционеры из австрийской и немецкой секций Коммунистического Интернационала; например, к нам приезжали тогдашний генсек компартии Австрии Коплениг и Вильгельм Пик. С другой стороны, и в детдоме № 6 нас не пощадили большие чистки 1936-38 годов. Все чаще случалось, что отца или мать кого-то из наших детдомовцев арестовывали. Мую мать также отправили в лагерь в Воркуту в конце сентября 1936 года. Одного за другим арестовывали учителей нашей школы им. К. Либкнехта; в 1937 году нас перевели в русскую школу. В самом детдоме тоже происходили аресты: сначала арестовали нашего педагога, австрийского коммуниста Карла Цехетнера, а затем даже одного из воспитанников детдома Рольфа Гайснера, которому тогда было 17 лет.

К началу 1939 года кровавые чистки прекратились, и мы даже думали, что вернулись лучшие времена, нормальные и спокойные. На лето 1939 года воспитанники детского дома № 6 были распределены в различные места на юге СССР. Человек 10-12, и среди них я, должны были проводить каникулы в городе Ейске на Азовском море в качестве гостей большого военного училища.

Ейск был городом военных. Когда мы туда прибыли, это нас удивило. Штатских почти не было видно, мы повсюду встречали людей в военной форме, у которых на головных уборах стояло "В.М.А.У. им. Сталина". Поначалу непонятное нам сокращение означало "Военно-Морское Авиационное Училище". Казалось, будто весь город состоит только из курсантов и военных летчиков ВМАУ.

Нас разместили в хорошем здании на окраине города. Оно находилось, правда, не на самом берегу моря, но ВМАУ предоставило нам автобус, ежедневно возивший нас на море и обратно.

После страшных лет большой чистки эти каникулы

казались нам особенно чудесными. Наконец, мы действительно отдыхали, хотя и не были совсем освобождены от наших обычных занятий. Во время каникул мы готовились к вступлению в комсомол (Коммунистический союз молодежи СССР). Каждый второй день после обеда мы собирались вместе на занятия, которые вел наш политрук Игорь Сперанский, и проходили политическую подготовку - разумеется, по "Краткому курсу" истории ВКП(б).

В середине августа мы были приглашены на праздник в огромный Дворец культуры ВМАУ. Доклад о международном положении, как обычно, был заострен против фашизма и гитлеровской Германии и на этот раз докладчик, конечно, не преминул добавить:

- Товарищи! Здесь, в нашем зале находятся наши зарубежные гости, сыновья и дочери немецких и австрийских антифашистов, сражавшихся против ужасной гитлеровской диктатуры!

Все повернулись к нам. С этого момента мы стали известными на весь Ейск. Нам было очень хорошо. Наши хозяева часто навещали нас и спрашивали: всем ли мы довольны? За нами ухаживали, как в первые годы нашего пребывания в детском доме.

Несколькими днями позже нашего политрука Игоря Сперанского вызвали в город.

- Поезжайте спокойно купаться. Я вернусь вечером. Меня просто вызвали в город.

- А что случилось?

- Понятия не имею, но вряд ли что-нибудь важное.

Ни о чем не беспокоясь, мы отправились купаться. Прошло несколько часов, мы уже вернулись домой, когда вдруг появился наш политрук-руководитель и взволнованно бросился к нам:

- Крайне важное известие! - воскликнул он, запы-

хавшись. - Я получил в Ейске черновой оттиск газеты, которая выйдет завтра.

- Что же случилось? - спросили мы в один голос.

- Мы заключили с Германией договор о ненападении.

Все уставились на него с открытыми ртами. Мы ждали чего угодно, только не этого. Мы ведь внимательно следили за прессой и были убеждены, что, несмотря на все трудности переговоров, скоро будет заключен договор о союзе с Англией и Францией против фашистских агрессоров.

Политруководитель Игорь прочел нам официальным торжественным голосом текст пакта между Советским Союзом и гитлеровской Германией. После первых фраз мы еще думали, что речь идет об обязательстве обеих сторон не нападать друг на друга. Однако наш политрук читал дальше статьи этого договора. Мы слушали его в полной растерянности.

Для нас это было как гром среди ясного неба. Это был не только пакт о ненападении, это была полная перемена советской внешней политики! Взаимная информация по поводу "общих интересов" с гитлеровским правительством? Неучастие ни в каких группировках держав, направленных против Гитлера? Это могло означать лишь одно: полный отказ от всех форм борьбы против фашистской агрессии!

Мы сидели в растерянности и молчали. Наконец, младший из нас - Эгон Дирнбахер - печально промолвил:

- Ах, как жалко, теперь мы точно уж не сможем увидеть фильм Чаплина "Диктатор".

Маленький Эгон правильно оценил положение. И действительно, как мы убедились в ближайшие дни, заключение пакта тотчас стало сказываться на внутривнутриполитической обстановке в СССР.

Дискуссии у нас тогда не получилось, ибо никто, в

том числе и наш политруководитель, не знал, чем объяснить заключение пакта.

- Несомненно, завтра в печати появятся точные разъяснения, - успокаивал нас Игорь Сперанский. - Кроме того, завтра я поеду в райком партии в Ейск и тогда смогу рассказать вам обо всем этом более подробно, а завтра вечером мы сможем провести обстоятельную дискуссию.

Но этой дискуссии уже не суждено было состояться.

*Одно из последствий пакта:
"Наш детский дом распущен!"*

На следующее утро, в первый день после заключения пакта, наш политруководитель разбудил нас очень рано:

- Только что получена телеграмма из Москвы. Мы должны немедленно возвращаться.

Через два часа мы уже ехали в Москву. В поезде нас одолевали мрачные мысли. Что означает этот внезапный отъезд? Как сложится наша жизнь после заключения пакта с гитлеровской Германией?

Уже на вокзале нас встретила группа воспитанников детдома. Они проводили отпуск в других местах и успели вернуться раньше. Первое, что мы от них услышали:

- Наш детский дом распущен!

Едва ли какое-нибудь другое известие могло меня так потрясти. Детский дом, он был для нас всем: нашим жильем, нашей судьбой, нашим другом и защитником! И теперь со дня на день все это должно было кончиться! Внезапно мы очутились в пустоте и не понимали, как сложится наша дальнейшая жизнь.

- Что же теперь с нами будет? - спрашивали мы наших товарищей.

- Этого мы тоже еще не знаем, - отвечали они. - Все должно решиться сегодня после обеда.

С тяжелым сердцем ехали мы с вокзала домой, на Калашный переулок № 12. Там все выглядело, как после побоища: упаковщики мебели, маляры, ремонтники бежали по дому, все упаковывали, подновляли. Все наши вещи были сложены в одном зале. Некоторые воспитанники были уже совсем готовы к отъезду, не знали только, куда им ехать. Другие грустно и неприкаянно бродили по зданию, которое многие годы служило нашим приютом.

Какие-то заседания были уже проведены, но казалось, никто не знал, что с нами теперь будет. На наши вопросы педагоги лишь беспомощно пожимали плечами:

- Мы знаем так же мало, как и вы. Директор сейчас на совещании.

Когда директор вернулся, было объявлено, чтобы все собрались в большом зале. Сейчас начнется собрание!

В отличие от других собраний, проходивших в этом зале, нынешнее никак нельзя было назвать торжественным. Мы сидели на мешках и ящиках или стояли, прислонившись к стене. Как обычно, началось с политического обзора. Директор "объяснил" нам смысл заключения пакта, ссылаясь на то, что западные державы будто бы отказались вести переговоры на основах равенства. Что они хотели использовать Советский Союз для войны в интересах западных империалистов. Но что великий Сталин разгадал их игру. И теперь, благодаря немедленному заключению пакта с Германией, созданы предпосылки к тому, чтобы Советский Союз и дальше мог жить в мире и продолжать свое строительство.

Затем директор сказал о нашем доме:

- В связи с новой внешнеполитической обстановкой у нас тоже будет проведена некоторая реорганизация.

Под формулировкой "некоторая реорганизация" следовало понимать немедленный роспуск нашего детского дома.

Директор знакомил нас с новой генеральной линией кратко и бессердечно. Он явно не старался уже психологически облегчить нам переход на новое положение. У меня невольно создалось впечатление, что мы уже "списаны со счета".

За полчаса все было решено: большинство из нас направлялось в русский детский дом "Спартак"; для старших было решено, что они пойдут работать на производство, которое позаботится и об их устройстве.

В тот же самый день мы прибыли в детдом "Спартак".

- Все сразу же в зал! - было сказано нам, вовсе не приветливо. Подавленные, стояли мы в зале, когда туда вошел высокий человек сурового вида. Это был директор. Он строго скомандовал нам:

- Построиться в одну шеренгу!

Такой тон не был принят у нас, в детском доме № 6. Внутренне протестуя, мы исполнили приказание. Распоряжения сыпались на нас, как удары дубинкой:

- Никто не имеет права уходить из детского дома без разрешения педагога! Школьные занятия будут выполняться под наблюдением педагогов! Все должны подчиняться установленному порядку!

Затем нам показали, где мы будем спать. Мы с ужасом заглядывали в спальные помещения, тесно заставленные рядами самых простых кроватей. Затем пришло время ужина. Незачем и говорить, что ужин был плохой. Отличие от нашего прежнего детского дома было слишком разительно. Мне пришла в голову еретиче-

ская мысль о том, что сюда уж точно не приведут никаких иностранных делегаций.

Заключение пакта о ненападении между СССР и гитлеровской Германией и последовавший затем роспуск нашего детского дома в мгновение ока превратили нас в обыкновенных советских молодых людей. Уже не верилось, что и двух недель не прошло с тех пор, как мы пользовались особым автобусом военного училища для поездок к морю и были предметом особого внимания сотен офицеров на торжественном собрании в Ейске⁸.

Перестройка советской пропаганды

Внезапная и жесткая перестройка пропаганды, следовавшая сразу после заключения пакта между Гитлером и Сталиным, оставила в памяти людей, живших тогда в СССР, сильное и непреходящее впечатление.

Уже цитированный здесь Виктор Кравченко, бывший тогда членом партии и хозяйственным руководителем в сибирском городе Кемерово, вспоминает:

"ВОКС, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, вдруг открыло чудо немецкой культуры... Театры столицы проявляли огромный интерес к немецкой драматургии. Все немецкое стало очень модным. На пропагандистских карикатурах толстяк Джон Булль и дядя Сэм по-прежнему восседали на толстых денежных мешках, но нацисты были избавлены от таких издевательств"⁹.

Эти впечатления я могу подтвердить, исходя из собственных наблюдений. Я тоже заметил тогда в Москве, что как-то сразу исчезли всякие обличения, даже критические замечания, направленные против гитлеровской Германии и фашизма. Прямо-таки казалось, что и не

было никакого фашизма. Вместо этого все больше говорилось об "империализме" - с прямым указанием или косвенными намеками на то, что имеются в виду "англо-французские империалисты".

Особенно бросались в глаза изменения, уже на следующее утро после заключения пакта последовавшие в кинопрограммах, а вскоре вслед за тем - и в репертуаре театров. Сразу со всех экранов Советского Союза были сняты известные тогда антифашистские кинофильмы "Профессор Мамлок" (по театральной пьесе Фридриха Вольфа) и "Семья Оппенгейм" (по роману Лиона Фейхтвангера). Исчезли также все спектакли по пьесам антифашистского содержания, среди них и "Матросы из Катарро", хотя в этой пьесе речь идет о матросском восстании 1918 года против Австро-венгерской монархии. Но театральный цензор счел, очевидно, что в этом отношении всякая предосторожность не будет лишней.

Перестройка охватила также библиотеки. Несколько раз в неделю я посещал "Библиотеку иностранной литературы", помещавшуюся в Столешниковом переулке, в бывшей маленькой церкви, закрытой в первые годы после революции. Я читал имевшиеся в библиотеке книги антифашистских авторов, в первую очередь - немецких писателей, живших в эмиграции. И вот уже через несколько дней после заключения пакта я должен был убедиться в том, что ряд книг антифашистских авторов отсутствовал на выдаче в библиотеке¹⁰.

Энрике Кастро Дельгадо, работавший тогда в Коминтерне под именем Луис Гарсия, также вспоминает о переменах в советской пропаганде: "Начиная с 24 августа, положение вещей очень изменилось. Ни в советских газетах, ни в журналах не появлялось больше и намеков на германский фашизм. Так же обстояло дело и в Коминтерне. В основу пакта среди прочего было положено со-

блюдение союзнической верности, и во имя этой верности мы 'на некоторое время' забыли о существовании германского фашизма"¹¹.

Перемены в отношении советских людей к Германии

Вторжением Гитлера в Польшу 1 сентября 1939 и последовавшим за тем объявлением войны со стороны Англии и Франции было положено начало Второй мировой войны. Хотя официально в СССР утверждалось, что это - империалистическая война с обеих сторон и что Советский Союз остается в этой войне нейтральным, нетрудно было заметить, что советские публикации гораздо больше склонялись в сторону поддержки Германии. И в передачах московского радио, и в советских газетах сообщениям германского вермахта всегда отводилось первое место, а соответствующим английским и французским коммюнике - второе. "Правда" в большем объеме печатала выдержки из речей Гитлера, чем из речей Черчилля. Всякая критика гитлеровской Германии находилась под запретом, в то время как кампания против британских и французских империалистов разрасталась¹².

Перемены в отношении к немцам принимали иногда гротескный характер. Так немецкие коммунисты-эмигранты, жившие в СССР, вдруг почувствовали большее внимание к себе именно потому, что они были "немцами". Интересные примеры тому приводит Герберт Венер, выступавший тогда под именем "Курт Функ". Он входил в эмигрантское руководство немецкой компартии, работал в Коминтерне и жил в гостинице "Люкс".

Герберт Венер вспоминает, например, что один старый

немецкий коммунист, с которым он часто общался, рассказал ему о таком курьезе, случившемся вскоре после заключения пакта между Гитлером и Сталиным. На предприятии, где он работал, с ним вдруг поздоровался и поздравил его секретарь парторганизации, который прежде никогда не обращал на него особенного внимания. Немецкий коммунист-эмигрант спросил его с удивлением, с чем он его поздравляет. "Как же, - ответил секретарь парторганизации, - с успешными действиями немецких войск в Польше". На это немецкий коммунист возразил: "Нет причин поздравлять меня с этим". Секретарь парторганизации советского предприятия удивился: "Разве Вы не за то, чтобы немцы победили поляков?" Немецкий коммунист попытался объяснить, что он стоит "за победу революции, а не за победу Гитлера". Советский партработник только раздраженно потряс головой: "Все это - фразы. Гитлер помогает нам благодаря победам над польскими панами".

Другой близкий знакомый Венера, тоже немецкий коммунист-эмигрант, которого нацисты несколько лет держали в тюрьме, слышал, как в московском автобусе пассажиры обсуждали последние газетные сообщения о победах германской армии в Польше и некоторые говорили, что "Гитлер - молодец!"

Не только люди были так настроены, такова была в первую очередь официальная линия советской прессы. В то время как для многочисленных заявлений гитлеровского правительства и сообщений германской службы информации (ДНБ) в советских газетах всегда хватало места, невозможно было в них поместить несколько строк объявления о смерти и времени похорон немецкого коммуниста К. Вурма. Тогда, вспоминает Герберт Венер, избегали всего, что могло бы обратить внимание на существование немецких беженцев в СССР¹³.

Последствия речи Молотова 31 октября 1939 года

После вступления советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года, присоединения восточной Польши к Советскому Союзу и заключения второго договора между СССР и Германией (на этот раз - "о дружбе и границе") Молотов в своем докладе на сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся 31 октября 1939 года, объявил о дальнейшем изменении советской политической ориентации в пользу гитлеровской Германии. Здесь приводятся некоторые решающие выдержки из доклада Молотова, кстати, не цитировавшиеся больше в советских публикациях.

Для начала Молотов заявил, что "за последние несколько месяцев такие понятия, как 'агрессия', 'агрессор', получили новое конкретное содержание, приобрели новый конкретный смысл. Не трудно догадаться, что теперь мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, 3-4 месяца тому назад". Далее Молотов перешел к конкретности: "Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются... причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является, не больше и не меньше, как 'уничтожение гитлеризма'. Получается такя что английские, а вместе с ними и французские, сторонники войны объявили против Германии что-то вроде 'идеологической войны', напоминающей старые религиозные войны... Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это - дело политических взглядов.

Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за 'уничтожение гитлеризма', прикрываемую фальшивым флагом борьбы за 'демократию' "14.

После этой речи Молотова перемены в советской пропаганде стали еще более заметны. В "Библиотеке иностранной литературы", где я часто бывал, между тем не только исчезли эмигрантские газеты, но к моему безмерному удивлению иногда там лежали теперь даже нацистские газеты¹⁵.

Перестройка в советской пропаганде была замечена также заключенными в лагерях. Об этом рассказывает коминтерновский деятель Иосиф Бергер, бывший в 1922 году одним из основателей, а позже - секретарем компартии Палестины. В конце 20-х годов он занимался в Коминтерне делами Ближнего Востока, а также был секретарем "Антиимпериалистической лиги" в Берлине. С 1932 года Бергер находился в Москве, где он руководил отделом Ближнего Востока в Коминтерне. Арестованный во время "большой чистки", он узнал о пакте между Гитлером и Сталиным в Соловецких лагерях.

По рассказу Бергера, заключенные заметили, что слово "фашист" исчезло со страниц советской печати. В то время, как о нацистах уважительно писали как об НСДАП (Национал-социалистическая рабочая партия Германии), об их противниках говорилось, что это - "англо-французские капиталисты" и что они развязали войну.

Позитивное отношение советской прессы к гитлеровской Германии наводило некоторых заключенных Соловецкого лагеря даже на мысль о том, что с Германией будет заключен союз:

"Эти люди полагали, что Россия и Германия образуют

тогда самый сильный военный союз в Европе, а, может быть, и во всем мире (в это время Соединенные Штаты Америки еще очень мало принимались в расчет), и что объединенные силы этого союза в два счета могут поставить на колени Великобританию"¹⁶.

Об одном особенно знаменательном аспекте воздействия молотовской речи сообщает независимый советский историк Рой Медведев: "После этого доклада Молотова Берия дал секретное распоряжение администрации ГУЛага, запрещающее охране лагерей называть политических заключенных 'фашистами'. Это распоряжение было отменено лишь с июня 1941 года"¹⁷.

Тезис о "выигрыше времени" благодаря пакту

Как в рассказах современников, так и в позднейших советских публикациях, каждый раз бросается в глаза, что для обоснования необходимости заключения пакта и для оправдания его говорится о пресловутом выигрыше во времени. Объясняется, что Советский Союз получил дополнительное время для подготовки к решительной борьбе с гитлеровской Германией, что советское правительство пошло на заключение пакта из чисто тактических соображений, но что гитлеровский фашизм рассматривался и далее в качестве непримиримого врага.

Виктор Кравченко, бывший тогда, как уже говорилось, на хозяйственном посту в Кемерово и связанный со многими ответственными работниками, полагает об этом следующее:

"Теория, по которой Сталин будто бы вел борьбу только за выигрыш во времени, а сам лихорадочно вооружался против нацистов, была придумана много позднее для того, чтобы скрыть роковую промашку

Кремля. Это было настолько очевидной выдумкой, что во время войны с немцами в России мало говорилось об этом; только после того, как я попал в свободный мир, я заметил, с каким доверием относятся там к этой выдумке. Это была теория, не учитывавшая самый существенный аспект пакта между Сталиным и Гитлером: громадный торговый обмен, отнимавший у России как раз те необходимые товары, материалы и изделия, которые действительно требовались ей для создания собственной обороны”¹⁸.

Я целиком и полностью могу подтвердить сказанное здесь Кравченко. Я тоже за все время существования пакта между Гитлером и Сталиным (то есть с августа 1939 года по 22 июня 1941) никогда не встречал ничего подобного в каких-либо советских публикациях, а также на собраниях, на которых иногда говорилось больше, чем можно было прочесть в газетах, никогда не слышал даже намек на то, чтобы пакт рассматривался, как возможность для накопления сил, лучшего вооружения и оснащения ввиду предстоящего нападения гитлеровской Германии.

Этот аргумент возник лишь после нападения Гитлера на Советский Союз в речи Сталина 3 июля 1941 года, в его первой речи военных лет, когда он должен был оправдать перед населением страны свой пакт с Гитлером. ”Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? - сказал тогда Сталин в своей излюбленной вопросительной манере, чтобы тут же ответить: - Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора лет и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту”¹⁹.

Только после этого распространился тезис об ”отсрочке”, ставший с тех пор обязательной генеральной

линией в советских рассуждениях о войне с фашистской Германией. По этому поводу и Рой Медведев замечает:

”Является фактом, что советско-германская ‘дружба’ оттянула для нашей страны вступление в войну на 2 года. Однако является столь же неоспоримым фактом, что эта оттяжка была гораздо лучше использована Германией, чем СССР. Ибо Германия увеличивала свою военную машину и свой военно-экономический потенциал в 1939-1940 гг. гораздо быстрее, чем Советский Союз”²⁰.

Заключенный Александр Вайсберг

Ко времени заключения пакта между Гитлером и Сталиным миллионы людей в Советском Союзе находились в тюрьмах и лагерях принудительных работ. Здесь следует остановиться на свидетельствах трех человек, бывших тогда в заключении; двое из них позже достигли Запада. Они находились в заключении в совершенно различных местах СССР, но одно их объединяет: то, что никто из них не узнал в августе 1939 года о заключении пакта между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Все они узнали об этом недели или месяцы спустя, и для всех них это имело более или менее трагические последствия.

Александр Вайсберг, австрийский коммунист и физик, узнал о пакте между Гитлером и Сталиным, находясь в заключении в Киеве, в так называемой ”внутренней тюрьме”. Вайсберг родился в 1901 году в Варшаве в семье состоятельного коммерсанта. Он вырос в Вене, изучал физику, в 1927 году вступил в коммунистическую партию Австрии. В 1931 году Вайсберг был приглашен в Физико-технический институт АН УССР в Харькове, бывший тогда одним из самых больших и хо-

рошо оборудованных исследовательских центров в Европе. Он работал там вместе с Лейпунским, руководившим работами по расщеплению атомного ядра, и со знаменитым советским физиком Ландау.

В конце 1937 года Вайсберг был арестован и обвинен в принадлежности к группе террористов, якобы имевших целью убить Сталина и Ворошилова во время охотничьей поездки на Кавказ и в случае войны взорвать важнейшие промышленные предприятия украинской столицы.

За годы заключения в СССР Вайсберг прошел все этапы тюремной жизни: одиночку, карцер, общие камеры. В первое время после ареста он подвергся тому, что в советских тюрьмах называлось "большим конвейером": семь дней и ночей Александра Вайсберга непрерывно (за исключением двух коротких пауз за сутки) допрашивали три, сменявших друг друга, следователя НКВД. Наконец, он не выдержал и подписал свое "признание". Через 24 часа он отказался от своих показаний, тогда его снова поставили "на конвейер" и, в соответствии с этим техническим выражением, допрашивали 4 дня и 4 бессонных ночи, после чего он снова "сломался" и подписал новое "признание". Затем Вайсберг снова отказался от "признания" и в третий раз попал "на конвейер". Несомненно, что так продолжалось бы и дальше, если бы не два обстоятельства, помогавшие Вайсбергу. Во-первых, австрийский паспорт обеспечивал ему какой-то минимум осторожности в обращении с ним, а во-вторых, что значительно важнее, за него вступились Альберт Эйнштейн и несколько нобелевских лауреатов из Франции. Письмо Эйнштейна Сталину датировано 16 мая 1938 года. После этого заступничества уменьшились мучения Вайсберга, обычные для советского заключенного. Он был переведен в киевскую "внутреннюю тюрьму". В отличие от обычных тюрем, камеры были сравнительно

чистые и не переполненные. Но полная изоляция переносилась крайне болезненно, здесь не услышать было громкого слова, охранники говорили шепотом и заключенные должны были говорить шепотом. Утомляла невозможность что-либо делать: ни карандаша, ни книг, ни общения.

Здесь узнал Вайсберг о заключении пакта между Гитлером и Сталиным. Это известие принес с собой новый заключенный, ответственный работник из Чернигова, просидевший там в заключении уже полтора года. Он знал, что сообщалось в газетах, и рассказывал следующее: "Мы заключили пакт с немцами. Риббентроп сам был в Москве. Ну и комедия. Его принимал Сталин вместе с ведущими государственными деятелями. Был ли при этом также и Каганович? Чокался ли нацист с евреем?"

Вайсберг, как и остальные его сокамерники, не мог понять, в чем же смысл этого пакта. Никто не подозревал, что таким образом начиналась Вторая мировая война.

Затем некоторое время заключенные не получали никаких известий. Они не знали, что 1 сентября гитлеровская Германия вторглась в Польшу и через несколько дней началась Вторая мировая война, что 17 сентября советские войска перешли польскую границу и захватили восточную часть Польши. Только в начале ноября 1939 года в их камеру попал еще один "новичок". Это был башкир из Уфы, большой, ширококостый, несколько горбившийся. Он говорил запинаясь, на плохом русском языке. В свое время он был наркомом рабоче-крестьянского контроля Башкирской АССР. По дороге из Уфы в Москву ему в руки случайно попала газета. О его тогдашнем сообщении Вайсберг пишет: "Он рассказал нам, что началась война, что Советский Союз и Германия

поделили между собой Польшу, что Германия находится в войне с Францией и Англией, и прочие невероятные вещи. Мы не верили ни одному его слову, настолько неправдоподобным казалось то, что он сказал о совместных действиях СССР и гитлеровской Германии”.

Однако всего через три дня слова башкира подтвердились. В камере появился новый заключенный - советский дипломат из Чунцина, города, бывшего китайской столицей во время войны с японцами. Дипломат был отозван телеграммой по поручению Молотова и тотчас же арестован по приземлении самолета на советской территории.

От этого дипломата заключенные впервые узнали подробности о ходе событий, приведших к войне. У Вайсберга появились теперь новые надежды: ”Я думал, что смогу снова увидеть свою родину; я решил, после моего освобождения и вероятной высылки, через Швецию добраться до Англии. Я предполагал, что мои друзья-социалисты устремились в войска западных держав на борьбу против Гитлера. Я хотел полгода отдохнуть и затем присоединиться к ним”.

Однако дело повернулось совсем иначе. Уже несколькими днями позже Вайсберг был переведен из киевской ”внутренней тюрьмы” в Москву, в Бутырки. ”Камера для предназначенных к высылке” в Бутырской тюрьме являла собой самую странную картину, какую можно было себе представить, она выглядела как ничейная земля между двумя фронтами”. Здесь Вайсберг встретился с немецкими эмигрантами, среди которых были Ценцль Мюзам (вдова писателя Эриха Мюзам), актриса Карола Неер и Маргарита Бубер-Нойман.

31 декабря 1939 года Вайсберг и несколько его сокамерников были рано разбужены; их отвели, можно сказать, в роскошную баню, побрили и лучшим образом

одеди. Во второй половине дня Вайсберга вызвали к следователю. Молодой офицер НКВД поднялся и протянул ему лист бумаги: "Подпишите это, гражданин". В бумаге объяснялось, что следствие по делу Александра Вайсберга остановлено и что он подлежит "высылке за пределы Союза Советских Социалистических Республик как нежелательный иностранец". Но куда его высылают? Ответ старшего лейтенанта НКВД гласил: "Вы отправляетесь теперь в Берлин". "Я не хочу в Берлин, - возразил Вайсберг. - У меня нет ничего общего с немецким фашизмом. Я прошу, чтобы мне разрешили поехать в Швецию".

Но это ничему не помогло, ответ был ясен: в Берлин.

В ночь наступающего 1940 года поезд с высланными из СССР тронулся из Москвы. Вайсберг вспоминает: "Поезд вез домой 70 человек, не знавших, как им быть дальше. Они потеряли отечество, которое сами для себя выбрали, и возвращались на родину, которая стала для них чужой. Они находились между двумя фронтами. Они стали бесподданными в обеих странах. В таком состоянии мы ехали через опустошенную Польшу к Брест-Литовску. На мосту через Буг нас встречал полицейский аппарат другой тоталитарной системы, господствовавшей в Европе, - германское гестапо"²¹.

*Евгения Гинзбург:
Пакт и лагерь на Колыме*

Последствия пакта между Гитлером и Сталиным очень по-разному сказывались на судьбах советских заключенных. Александр Вайсберг был выдан нацистам. Евгения Гинзбург в своей книге воспоминаний рассказывает об одной солагернице, расстрелянной за "антисоветскую

агитацию”, которая едко высказалась и по поводу пакта.

Евгения Гинзбург была до 1937 года убежденным членом партии. Она жила в столице Татарской АССР Казани, ее муж был членом бюро Татарского обкома партии. Она преподавала в вузе и была журналисткой, сотрудницей газеты “Красная Татария”.

7 февраля 1937 года Евгению Гинзбург вызвали в райком партии и после короткой беседы потребовали, чтобы она оставила там свой партбилет. Тем самым она была исключена из партии. Через восемь дней ее арестовали, на первом же допросе ей было предъявлено обвинение в том, что она является “членом подпольной террористической организации при редакции газеты ‘Красная Татария’”. Разумеется, такой организации никогда не существовало.

Евгения Гинзбург попала сначала в тюрьму НКВД в Казани, где ей пришлось перенести множество допросов и истязаний; затем ее перевели в Москву, в Бутырскую тюрьму, позже она была и в Лефортовской тюрьме. В Бутырках Евгения Гинзбург познакомилась с эмигрировавшей в СССР известной немецкой актрисой Каролой Неер (Гейнчке) и вскоре подружилась с ней. Евгения Гинзбург попала тогда в камеру, где находились почти исключительно иностранные коммунистки, среди них - Герда Кестнер, а также Клара, немецкая коммунистка, которую в Германии пытали в гестапо (на бедрах и ягодицах у нее годы спустя можно было видеть уродливые рубцы), а в Советском Союзе ее пытали в НКВД. В этой камере, которую Евгения Гинзбург называет “Коминтерном”, были также одна латвийская коммунистка и одна китайская коммунистка, учившаяся в Москве в “университете им. Сунь Ятсена” и затем арестованная.

Из Москвы Евгению Гинзбург отправили по этапу в

Ярославскую тюрьму, где ее первоначальный приговор (тюремное заключение) был заменен на 10 лет лагерей принудительных работ. В невероятно тяжелых условиях она проделала путь на Дальний Восток, продолжавшийся более месяца, пока эшелон с заключенными не достиг, наконец, в июне 1939 года Владивостока. Там она попала сначала в транзитный лагерь, а оттуда в августе 1939 года на старом пароходе "Джурма" была отправлена в Ногаеву бухту и далее - в Магаданский лагерь.

О пакте между Гитлером и Сталиным Евгения Гинзбург узнала только зимой 1939-40 годов:

"Кто-то из наших раздобыл где-то старый, но не очень, номер "Правды". Вечером перед отбоем в бараке - сенсация. В "Правде" напечатан полный текст очередной речи Гитлера. И с весьма уважительными комментариями. А на первой полосе - фото: прием В. М. Молотовым Иоахима фон Риббентропа.

- Чудесный семейный портрет, - бросает Катя Ротмистровская, залезая на вторые нары.

Катя неосторожна. Ей уже много раз говорили, что, к несчастью, среди нас появились люди, чересчур внимательно прислушивающиеся, о чем говорят в бараке по вечерам.

Пройдет полгода, и эта неосторожность будет искуплена Катей ценой собственной жизни. Катю расстреляли за 'антисоветскую агитацию' в бараке"²².

*Маргарита Бубер-Нойман:
Из Караганды до Брест-Литовска*

Маргарита Бубер-Нойман, родившаяся в 1901 году в семье предпринимателя в Потсдаме, училась в университетах Гейдельберга и Йены; она входила в один из соци-

алистических союзов молодежи, а в 1926 году вступила в КПГ. Вскоре после этого она уже работала штатным сотрудником коминтерновского журнала "Инпрекор" ("Интернациональная пресса") в доме им. Карла Либкнехта - берлинском центре КПГ. Как пишет она сама, в 1921-32 годах она была "правоверным членом Коммунистической партии Германии". Она много раз ездила в СССР, ее мужа Хейнца Ноймана дважды приглашал Сталин. После того, как весной 1932 года Хейнец Нойман потерял руководящее положение в партии, она сопровождала его в Испанию и позже в Швейцарию. Оттуда в мае 1935 года они снова поехали в Москву.

В ночь с 27 на 28 апреля 1937 года Хейнца Ноймана арестовали и Маргарита Бубер-Нойман тоже попала в изгой. Ей пришлось преодолевать большие трудности (также в материальном отношении), чтобы регулярно появляться у приемного окошка на Лубянке и передавать что-нибудь для своего арестованного мужа. Наконец, в июле 1938 года и ее арестовали, она попала в Бутырки, была приговорена как "социально опасный элемент" к пяти годам заключения в "исправительно-трудовых лагерях" и получила номер 174475. После длительного пути в вагоне для заключенных она достигла, наконец, карагандинских лагерей в Казахстане.

Вскоре после прибытия заключенные были распределены по различным участкам гигантского лагерного пространства. Маргарита Бубер-Нойман с группой приблизительно из 80 мужчин и женщин попала на пункт, называемый Бурма. Это была пустынная степная местность, где не росли ни деревья, ни кусты.

О пакте между Гитлером и Сталиным, заключенном 23 августа 1939 года, Маргарита Бубер-Нойман узнала с большим опозданием. За отхожим местом для администрации она встретилась однажды с немецкой комму-

нисткой-эмигранткой Гретой Зонтаг. Они говорили шепотом. "Думаешь, что мы когда-нибудь выйдем отсюда? Особенно теперь, когда Сталин заключил еще и договор о дружбе с Гитлером. Ведь теперь мы, коммунисты, прямо-таки стали ему поперек дороги", - сказала Грета, и ее печальные глаза наполнились слезами.

Всего через пару недель после этого разговора произошло событие, которое поначалу поразило Маргариту Бубер-Нойман и наполнило ее надеждами. Ее вместе с другими немецкими коммунистками, среди которых были Карола Неер, Бетти Ольберг и Валли Адлер, отправили сначала в Караганду, а затем - в гораздо более лучших условиях - в Москву, в Бутырскую тюрьму. Там солдат привел их в специальное помещение. Маргарита Бубер-Нойман вспоминает:

"В комнате сидели офицеры НКВД, которые вежливо предложили мне сесть. 'Как Ваше здоровье? Чувствуете Вы себя хорошо? Удалось Вам отдохнуть?' - спросил один из них в отеческом тоне. Затем он перелистал какие-то бумаги, лежавшие перед ним на столе. - 'Есть у Вас родственники за границей?' "

Сначала это показалось Маргарите Бубер-Нойман обнадеживающим и она сказала о своей сестре, жившей в Париже, но офицер тут же ее прервал: "Кто из Ваших родственников живет в Германии?" Она ощутила беспокорство, но на все вопросы о том, что с ней собираются сделать, офицер НКВД отвечал только: "Об этом я не могу Вам сейчас ничего сообщить. Это Вы узнаете достаточно заблаговременно!"

И вот так же, как это описано и Александром Вайсбергом, немецких коммунисток повели к парикмахеру, затем в помещение, набитое платьями, нижним бельем, обувью и шубами, и любезно предлагали брать все, что им нужно из одежды.

Затем через несколько дней Маргариту Бубер-Нойман вызвали в помещение Бутырской тюрьмы, в котором стоял длинный стол и было много чинов НКВД. Ей вручили печатный документ, в котором сообщалось, что приговор к пяти годам заключения заменен для нее "немедленной высылкой с территории Советского Союза". На ее вопрос: куда? - последовал лишь короткий ответ: "Об этом я не могу Вам ничего сообщить. Для этого у нас нет сейчас времени. Подпишите".

Вскоре после этого Маргариту Бубер-Нойман посадили в "черного ворона" - тюремную машину, в которой было тесно, потому что там уже сидело много людей, это были все немецкие антифашисты. Тюремная машина привезла их на Московский вокзал, с которого поезда отправлялись только в направлении Запада. В вагонных купе не было окон, лишь через решетки в проходах можно было увидеть что-нибудь снаружи.

Во время всего пути заключенных обслуживали, как никогда прежде: им давали хлеб, масло, сыр, консервы, чай и по пачке сигарет в день. Охранники были любезны, но не отвечали ни на какие вопросы о цели следования.

Некоторые еще надеялись, что везут, может быть, в Литву, тогда еще независимую. Однако утром 7 февраля 1940 года заключенные услышали выкрик: "Мы уже проехали Минск и едем дальше в направлении Польши!"

Позже раздалась команда: "Собираться! С вещами!" Решетки были забраны. Заключенные слезали на платформу и стояли там на ледяном ветру. Вдали можно было разглядеть здание вокзала. Это был Брест-Литовск (Брест-над-Бугом).

Маргарита Бубер-Нойман описывает передачу заключенных:

"Все лица одинаково застыли и не шевелились от страха. Мы стояли и смотрели на этот железнодорожный

мост, представлявший собой границу между Польшей, захваченной немцами, и ее частью, оккупированной русскими. По мосту к нам медленно шел военный. Когда он приблизился, я по головному убору узнала, что это был эсэсовец. Офицер НКВД и эсэсовец отдали друг другу честь. Энкавэдэшник достал из своей светлокоричневой удлиненной кожаной сумки лист бумаги. Он был почти на голову выше эсэсовца. У него было застывшее лицо, похожее на маску, как это пишется в плохих романах. Я не слышала, кого он еще называл. Когда-то до меня донеслось: Бубер-Нойман”.

На другой стороне выданных немецких коммунисток привели в деревянную постройку. Там они впервые увидели вблизи эсэсовские фуражки с черепом и скрещенными костями.

Выданных немецких антифашистов сначала доставили товарным вагоном в тюрьму в Бялас, небольшой польский город на занятой немцами территории. Оттуда их перевели в Люблинскую тюрьму и, наконец, в концлагерь Равенсбрюк. Там Маргарита Бубер-Нойман оставалась еще пять лет - до конца войны²³.

Глава 3

ВОЛНЫ ШОКА В МИРОВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

В официальной советской истории Коммунистического Интернационала, изданной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и переведенной на языки всех стран Восточного блока, о воздействии пакта между Гитлером и Сталиным на мировое коммунистическое движение говорится очень кратко. В книге, состоящей из 700 страниц, этому отведено всего два предложения: о том, что не все сразу поняли основания и побудительные мотивы этого внешнеполитического шага советского правительства; и что сначала пакт вызвал известное непонимание даже в рядах коммунистических партий¹.

Множество свидетелей того времени из различных стран подтверждают, однако, что реакции на самом деле оказались гораздо более серьезными, глубокими и различными, чем это можно предположить из лапидарного указания на "известное непонимание".

В дальнейшем приводятся собственные воспоминания этих современников о лавинообразных переменах в их тогдашнем политическом положении, в их ориентациях. Приводятся свидетельства из рядов подпольного коммунистического движения в Германии, из тюрем, концлагерей и из эмиграции. Затем следуют воспоминания современников из Франции (французская компартия была тогда самой сильной в коммунистическом мире после компартии Советского Союза), а также - из других стран: Англии, Италии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Бельгии, Швеции, Швейцарии и США.

НЕМЕЦКИЕ КОММУНИСТЫ В ПОДПОЛЬЕ, В ТЮРЬМАХ, КОНЦЛАГЕРЯХ И В ЭМИГРАЦИИ

*Настроения среди коммунистов,
работавших в немецком подполье*

Особенно мучительно восприняли пакт между Гитлером и Сталиным немецкие коммунисты, боровшиеся против нацизма в условиях жесточайшей конспирации. Приведем три характерных рассказа о тогдашней ситуации, принадлежащих участникам подполья из Золингена, Штутгарта и Хохгейма под Эрфуртом.

Вилли Дикхут - 1904 года рождения, золингенский рабочий и член КПГ с 1926 года; уже в 1933 году он

был арестован, однако, ко времени заключения пакта между Гитлером и Сталиным находился на свободе и снова работал в подпольной организации КПГ. О впечатлении, которое произвел пакт на коммунистов в Золингене, Дикхут рассказывает:

”В августе 1939 года Советский Союз заключил пакт о ненападении с фашистской Германией, что ужасно взбудоражило население и вызвало большое замешательство в среде рабочего класса. Наша подпольная организация попадала теперь в трудную ситуацию. Как нам было объяснить это нашим товарищам, всем сочувствующим нашему делу и классово сознательным рабочим? Нас осаждали вопросами, а у нас не было никакой информации из руководящих центров. Связь с местным руководством была прервана, потому что наша связная исчезла и ничего не сообщила о своей замене. Мы были полностью предоставлены сами себе”.

Немецкие коммунисты, работавшие в подполье, постарались обосновать заключение пакта тем, что Советский Союз должен был помешать созданию единого фронта капиталистических держав; что для своего собственного усиления ему нужно было, чтобы интересы капиталистических стран столкнулись. Наконец, говорилось, что Советскому Союзу нужно было выиграть время для лучшей военной подготовки к неминуемому столкновению с германским империализмом. ”На этом основании, - пишет Дикхут, - мы строили свою агитацию, стараясь справиться с замешательством”.

Никто не может себе представить, говорит Вилли Дикхут, что означало в той крайне трудной ситуации ”замешательство в наших рядах”². Доносительство тоже разыгралось, как никогда прежде. Даже трезво мыслящие люди были заражены в это время нацистской пропагандой.

Такое же настроение, как и в Золингене, царило среди коммунистов-подпольщиков в Штутгарте, где был и Евгений Эберле. Выросший в рабочей семье, Эберле в 1928 году вступил в КПГ. Кроме политической деятельности, он интересовался также литературой, историей и марксистской теорией и на протяжении нескольких лет преподавал в "Марксистской рабочей школе". В марте 1933 года он был арестован и отправлен в лагерь Хойберг. После освобождения он вернулся в ряды антифашистского сопротивления. Он пишет:

"Вместе с моими друзьями-коммунистами я был в полной растерянности, когда летом 1939 года Советский Союз и нацистское правительство, Германский рейх, заключили пакт о ненападении и договор о дружбе. 23 августа 1939 года министр иностранных дел Риббентроп по поручению Гитлера и Молотов по поручению Сталина подписали эти договоры в Москве. Для нас было совершенно непонятно, как Советский Союз мог пойти на заключение таких договоров с нацистской Германией".

Хотя они слушали иностранные радиопередачи и знали о "чистках" в СССР, вспоминает Эберле, но только соглашение между Гитлером и Сталиным вызвало у них прямое недовольство. Однако после начальной политической растерянности они пришли к оправданию политики Сталина: "Будучи настроенными правоверно, мы приняли германо-советские соглашения как 'оправданную, но временную защитную меру' со стороны Советского Союза"³.

Подобные соображения высказывались и коммунистами из Хохгейма под Эрфуртом. Об этом вспоминает Пауль Эльфлейн. Выходец из рабочей семьи, Эльфлейн в 1920 году вступил в КПГ, с 1923 года был председателем хохгеймской местной парторганизации. Несмотря на всю свою партийную активность тех лет, он пишет, что с конца 20-х годов он был критически настроен против

"зависимости КПГ от Москвы" и озабочен тем, что коммунистическое движение "все больше и больше становилось инструментом русской внешней политики". В июне 1929 года он узнал из коммунистической газеты о своем исключении из КПГ. Он примкнул к КПО ("Коммунистической партийной оппозиции"), возглавлявшейся тогда Брандлером и Тальгеймером, и был особенно тесно связан с Альфредом Шмидтом - давним деятелем партии и депутатом прусского ландтага от КПГ, который в то время также принадлежал к КПО. Эльфлейн пишет: "1939 год, пакт о ненападении между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Узнав об этом, я сразу побежал в редакцию газеты, чтобы убедиться, что это - правда. Действительно, там были вывешены телеграфные сообщения о пакте. Мне казалось это невозможным. При всем критическом отношении к Сталину на него все еще надеялись все антифашисты. И вдруг - такое: соглашение с Гитлером... Из всех, с кем я говорил об этом, только Альфред Шмидт одобрял это соглашение"⁴.

*Эрих Хонекер и Хейнц Брандт:
Два свидетельства из Бранденбургской тюрьмы*

В Бранденбургской тюрьме, как пишет сидевший в ней тогда Эрих Хонекер, находилось 3000 заключенных, среди них - 2200 политических. Вот два - правда, отличающиеся друг от друга - свидетельства о том, как восприняли пакт между Гитлером и Сталиным заключенные там коммунисты.

Относительно оптимистическую картину рисует в своих воспоминаниях Хонекер, выступающий с партийных позиций. Ему было тогда 27 лет, он родился в Вибельскирхене (земля Саар), с 1929 года принадлежал к

КПГ, с августа 1930 по август 1931 года он проходил курс обучения в коминтерновской школе им. Ленина в Москве и после возвращения в 1931 году стал руководителем саарского отделения Коммунистического союза молодежи Германии. После захвата власти Гитлером в 1933 году Хонекеру было поручено наладить сеть конспиративной связи в районах Мангейма и Франкфурта-на-Майне. 4 декабря 1935 года он был арестован в Берлине, доставлен в главное управление гестапо, находившееся на Принц-Альбрехт-штрассе, и в июне 1937 года был приговорен "Народным судом" к 10-ти годам тюремного заключения. В июле 1937 года его перевели в Бранденбургскую тюрьму (Бранденбург-Гёрден).

По описанию Хонекера известие о заключении пакта между Гитлером и Сталиным не вызвало там особенных дискуссий: "Когда утром 24 августа 1939 года фашистские газеты сообщили о подписании договора, мы с Максом Икером еще до семи часов организовали встречу с Максом Магдаленой и Фрицем Гросце в приемной зубного врача. Мы сходились в том, что заключение договора являлось дипломатическим успехом Советского Союза. Ведь благодаря этому он избегал опасности в одиночку противостоять единому блоку империалистических держав. Вместе с тем он сохранял за собой право торговли и выигрывал время для усиления своей оборонной мощи. Дальнейшее развитие событий подтвердило эти наши соображения, которых придерживалось большинство политических заключенных"⁵.

Более подробное и, наверняка, более соответствующее истине описание реакции на пакт мы находим в воспоминаниях другого узника Бранденбургской тюрьмы - Хейнца Брандта. Брандту было тогда 30 лет, он вырос в Берлине, в 1928 году вступил в Коммунистический союз молодежи, а в 1931 - в КПГ, причем он с самого начала

критически противостоял официальной линии партии, сосредоточенной на борьбе с "социал-фашизмом" СДПГ. Вскоре после захвата власти Гитлером, 5 марта 1933 года, Брандта, бывшего тогда агитатором на избирательном участке Берлин - Вейсензе, арестовали. Его держали в одном из своих подвалов штурмовики, подвергая истязаниям. Выйдя на свободу, Брандт сразу снова принялся за нелегальную работу, однако, 4 декабря 1934 года был арестован вторично. За распространение нелегальной заводской газеты КПП ("Сименс-Лаутшпрехер") и "приготовление к государственной измене" он был приговорен к долгосрочному заключению. В Бранденбургской тюрьме Хейнц Брандт наблюдал политическую поляризацию среди заключенных-коммунистов, которые делились в основном на две группы:

"Атмосфера среди нас, политических, в Бранденбургской тюрьме - не такая, как в тюрьме Лукау. К нам постоянно прибывает пополнение из 'аппарата' (штатные функционеры КПП). Все резче обозначаются две группировки.

Во-первых, - те, кто безоговорочно верен линии партии, кто ничего не забыл и ничему не научился. В тюрьме они еще больше затвердели и слепо доверяют политике Сталина и Коминтерна. Они обругивают всякую попытку сомнения, как уже начинающееся 'разложение'. Этот отряд верных партийцев непрерывно получает подкрепление из-за цепных арестов в верхах подпольного аппарата.

Однако растет и другая группировка, это - коммунисты, задумывающиеся над происходящим. Они связываются со всеми теми товарищами, которые уже задолго до этого перестали быть сталинистами: с членами СДПГ, Социалистической рабочей партии, Коммунистической

партийной оппозиции, с троцкистами, с группой 'Ной бегиннен'. Мы обмениваемся мыслями друг с другом и пытаемся объяснить с теми, кто неуклонно следует партийной линии. Однако эти дискуссии становятся тем враждебнее, чем более проблематичной выглядит в свете событий политика Коминтерна".

В качестве важнейших пунктов дискуссий Брандт называет московские показательные процессы, развитие гражданской войны в Испании и, наконец, пакт между Гитлером и Сталиным. До заключения пакта среди политических заключенных все еще существовала прочная солидарность:

"Несмотря на большие внутренние разногласия, мы держались сплоченно во всем, что касалось тюремной администрации. Это было молчаливой предпосылкой самых ожесточенных споров. Система взаимной моральной и материальной поддержки была налажена замечательно и функционировала бесперебойно (обмен мыслями, информацией, тайными записками, газетами, продуктами питания, табаком). Мы оставались большой семьей, хотя и с внутренними семейными раздорами". Брандт вспоминает, что тогда существовали связи и с охраной, и с заключенными, работавшими в электромастерских. Этим пользовались, чтобы узнавать самые последние известия зарубежных радиостанций.

Однако после заключения пакта между Гитлером и Сталиным прежнее ощущение большой семьи исчезло. Упомянув о том, что дискуссии по поводу пакта начали становиться "опасными для жизни", Брандт далее пишет: "После заключения 'пакта о ненападении' между Гитлером и Сталиным в наших отношениях возникло опасное обострение. Непокколебимые защитники партийной линии приветствовали заключение в августе 1939 года так называемого пакта о ненападении, потому что таким

образом начиналась, развязывалась война - долгожданная война 'империалистов между собой'. Мы же, принадлежавшие к другой группировке, были до глубины души поражены этим ужасным предательством международного рабочего движения, которое обнаруживало перед всем миром, что сталинское государство представляло собой такую же бесчеловечную деспотию, как и гитлеровское, только с другим знаком. 'Два сапога пара', 'ворон ворону глаз не выклюет' - так писали мы на волю, имея в виду пакт, но используя безобидные личные поводы, чтобы наши письма проходили через цензуру".

Между двумя основными группировками защитников и противников пакта находилась группировка умеренных. Хейнц Брандт пишет: "Промежуточное положение занимали те, кто предпочитал слушать, а не высказывать собственное мнение. Они не хотели окончательно определяться, поскольку сталинисты все время угрожали: 'Позднее партия обязательно призовет вас к ответу за ваши уклонения, за антипартийную критику'".

Дискуссия обостряла отношения между заключенными, захватывая все новые темы:

"Припертые к стенке, сталинисты разорвали прежние отношения солидарности. Положение стало очень сложным. Большинство коммунистов, предававшееся иллюзиям и нерешительности, находилось в состоянии подавленности, отчаяния и колебания между нами и непреклонными защитниками партийной линии.

Некоторые говорили, что они совершенно не понимают, почему это произошло, однако, и не соглашаясь с аргументацией защитников линии партии, они считали, что Сталину и Советскому Союзу нужно все-таки доверять. Они были уверены, что имелись какие-то веские, хотя еще и не уловимые для нас, загадочные причины...

Целый ряд политзаключенных питал иллюзорные надежды на то, что пакт мог бы повлечь за собой массовую амнистию антифашистов, освобождение всех нас, а также Эрнста Тельмана... Им казалось, что, по меньшей мере, этого мог бы потребовать теперь Сталин от Гитлера”.

Но критически настроенные коммунисты, к которым принадлежал Брандт, находили эти надежды, пренебрежительно названные ”теорией соломинки”, совершенно нереалистичными. Брандт пишет: ”Мы знали: не амнистия - война стоит на пороге”.

Мыслящие, критически настроенные коммунисты сформулировали свою принципиальную позицию по отношению к пакту. Выработанные ими тезисы гласили:

”- Фашизм представляет собой смертельную опасность для человеческого общества, особенно - в своей нацистской форме проявления; пакт с фашизмом, кем бы он ни заключался, является преступлением.

- Заключение такого пакта во имя неких мнимых интересов некоего мнимого рабочего движения означает не ошибку, но предательство - так же, как 4 августа 1914 года (согласие на предоставление военного кредита со стороны социал-демократической фракции рейхстага) означало не ошибку, но предательство дела социализма, великой идеи дружбы народов, интернационального братства.

- Пакт о ненападении является ярким историческим доказательством того, что сталинизм представляет собой не диктатуру пролетариата, а, скорее, наоборот, - диктатуру, господствующую над пролетариатом.

- 3-й Интернационал (Коминтерн) явно оказывается прямым придатком сталинской внешней политики, инструментом системы сталинского террора. Коминтерн во Второй мировой войне точно так же оказывается

‘гниющим трупом’, как в свое время - в Первую мировую войну - 2-й Интернационал.

- Международное рабочее движение, как показывает современная катастрофа, может возродиться только на совершенно новых началах, только благодаря принципиальному разрыву с террористической деспотией, только на началах демократии, таким образом - возникнуть заново. Только такая гуманистическая, социалистическая и демократическая платформа узаконивает - в политическом и моральном отношении - нашу борьбу против фашизма. Только исходя из такой основной концепции, фашизм может быть не только свергнут, но и преодолен”.

Заключительный вывод, по Хейнцу Брандту, таков: ”Пакт между Гитлером и Сталиным явился выражением не только временной и ограниченной общности интересов, но и частичного совпадения в самих системах фашизма и сталинизма, несмотря на их различные социальные, исторические и духовные корни и их общественную структуру... Тот, кто, как мы, видел в фашизме смертельного врага, тот не мог проходить мимо его теперешнего сообщника, сталинизма, но должен был бороться и с ним”⁶.

*Евгений Окс: Теологи и коммунисты
в концлагере Дахау*

В других тюрьмах и концлагерях между заключенными также происходили серьезные дискуссии о пакте между Гитлером и Сталиным, хотя, может быть, и не в такой отчетливой форме, как это было в Бранденбургской тюрьме.

О таких дискуссиях среди заключенных в концлагере

Дахау вспоминает Евгений Окс - квалифицированный слесарь-механик, член КПГ с 1925 года, бывший с конца 20-х годов партийным функционером и членом производственного совета (представителей рабочих и служащих). Как и упоминавшийся уже выше Пауль Эльфлейн, Евгений Окс был приверженцем оппозиции КПГ (КПО), которая выступала за единство профсоюзов и отвергала борьбу против социал-демократии как "социал-фашизма". После захвата власти Гитлером Окс участвовал в движении антифашистского сопротивления в Штутгарте, в декабре 1934 года был арестован и вскоре переведен в концлагерь Дахау, где находился под номером 32600 (кстати, там он неоднократно встречался с известным социал-демократом Куртом Шумахером, к тому времени также арестованным).

Заключение пакта между Гитлером и Сталиным оказалось для Окса меньшей неожиданностью, чем в описанных до сих пор случаях. Окс находился в это время в штрафной роте, в которой было много теологов (исследователей Библии). Они попали в заключение, потому что отказывались от военной службы, прежде всего - от присяги Гитлеру. Из этих теологов было составлено небольшое рабочее подразделение, которое каждый понедельник с утра отправлялось на грузовике в Зудельфельд под Байришцелем. Там они выполняли строительные работы для СС и только в субботу возвращались в лагерь. Поскольку эти строительные работы продолжались долгое время, теологи успели войти в контакт со своими охранниками. Однажды они сообщили, что люди из СС сказали им о договоренности между немцами и русскими по поводу раздела Польши.

Однако остальные заключенные, в том числе и Окс, не могли этому поверить. Все думали, что, поскольку теологи ничего, мол, не понимают в политике, то они пере-

дают всякие небылицы. Но через несколько недель обнаружилось, что теологи были правы. Евгений Окс вспоминает следующее:

”В августе 1939 года подтвердилось сообщение теологов о том, что немцы и русские договорились между собой о разделе Польши. В результате пакта о ненападении между гитлеровской Германией и Советским Союзом судьба Польши была решена. Нам, политическим заключенным, сначала был непонятен такой поворот событий. Мы не могли понять, как это фашисты и коммунисты могут о чем-нибудь договориться друг с другом”⁷.

*Вольфганг Абендрот:
Полемика в тюрьме Лукау*

Вольфганг Абендрот (1906-1985), родившийся в Эльберфельде, примыкал сначала к Социалистической молодежи, но вскоре перешел в Коммунистический союз молодежи Германии. Когда он был студентом, изучая юриспруденцию, он входил в Коммунистическую фракцию студентов (сокращенно: ”Костуфра”). В конце 20-х годов он, как и многие другие, перешел в оппозицию КПГ (КПО) и также некоторое время участвовал в движении ”Ной бегиннен” (Новое начинание).

После прихода Гитлера к власти в начале 1933 года Абендрот включился в подпольную борьбу, 22 февраля 1937 года был арестован в Берлине и отправлен в тюрьму на Принц-Альбрехт-штрассе, пользовавшуюся дурной славой. Оттуда в ноябре 1937 года его перевели в тюрьму строгого режима Лукау в области Нидерлаузиц. Камеры были переполнены; в одиночных камерах помещалось по четыре человека; две трети заключенных были

политические, треть - уголовники. Тюремная администрация придавала большое значение тому, чтобы в каждой камере находилось, по крайней мере, по одному уголовнику - для наблюдения за политзаключенными. Однако уголовники, как пишет Абендрот, были настолько простоваты, что переиграть их было легко.

Среди приблизительно 1000 политзаключенных, как вспоминает Абендрот, два-три человека были из оппозиции КПГ (КПО), несколько человек - из Интернационального социалистического союза борьбы и из Социалистической рабочей партии, а также около десяти заключенных из различных групп социал-демократов; все остальные были членами КПГ.

Политзаключенные в Лукау часто дискутировали о "политической линии", прежде всего, с членами КПГ, составлявшими большинство. Среди них находились, разумеется, и такие, которые не придерживались безоговорочно линии партии. Дебаты проходили в дружественной атмосфере - даже с самыми "упорствующими" членами КПГ. Уже в дискуссиях о московских показательных процессах получалось так, что некоторые говорили о невозможности поверить выдвинутым на процессах обвинениям. А затем, в последнюю неделю августа, заключенные узнали о пакте. Абендрот пишет:

"Когда был заключен пакт между Гитлером и Сталиным, я решительно выступил против него и тем самым вызвал в тюрьме сильные споры, резкую фракционную борьбу... Я охарактеризовал этот пакт, как 4 августа 1914 года для Коммунистического Интернационала... Соотношение сил во фракционной борьбе между защитниками и противниками пакта среди политических заключенных было сначала примерно 2 : 1... Таким образом, по этому вопросу старые фракционные разграни-

чения не являлись больше определяющими. Самый вопрос решался обеими сторонами в постоянной полемике...”⁸

В своих воспоминаниях, появившихся в 1976 году, Вольфганг Абендрот странным образом смягчает свое тогдашнее отношение к пакту и полагает, исходя из своих позднейших представлений, что Советский Союз должен был заключить такого рода пакт. Это, пожалуй, единственный случай изменения точки зрения на пакт со стороны его бывшего противника, находящего теперь - три десятилетия спустя - извинения и оправдания этому пакту. Обычно происходило обратное: многие современники, считавшие тогда, что пакт необходим, и защищавшие его, хотя и с некоторыми оговорками, только позже понимали подлинный характер пакта, после чего относились к нему крайне критически, даже отрицательно.

Эмигрантское руководство КПГ в Париже

Не только многие "простые" немецкие коммунисты, но и эмигрировавшие в Париж лидеры КПГ были поражены заключением пакта. Во главе эмигрантского руководства, которое официально называлось "Центральный комитет КПГ", стоял Франц Далем (1892-1981) - член КПГ с 1920 года, работавший сначала по преимуществу в Рейнской области, с 1928 года бывший членом ЦК и депутатом КПГ в германском рейхстаге, а также - лицом, ответственным за сообщение с отделом прессы советского посольства в Берлине.

После кратковременной работы в подполье КПГ в Берлине Далем эмигрировал через Прагу в Париж. Во время гражданской войны в Испании он был политруководите-

лем интернациональных бригад. Весной 1939 года, после поражения Испанской республики, он вернулся в Париж.

Из мемуаров Франца Далема, опубликованных в ГДР, ясно следует, что никто из эмигрантского руководства КПГ в Париже не рассчитывал на заключение пакта между Гитлером и Сталиным. До второй половины августа 1939 года у немецкой коммунистической эмиграции, согласно Далему, "сохранялся значительный простор для легальной независимой политической и культурной деятельности. Так, например, вплоть до последней недели августа с ненарушавшейся периодичностью выходил наш легальный политический еженедельник 'Дойче Фольксцайтунг'... По моим воспоминаниям за все это время не было никаких серьезных помех со стороны французской цензуры".

24 августа было напечатано последнее издание "Дойче Фольксцайтунг", на котором стояла дата 27 августа 1939 года. Там появился и подробный план мероприятий различных "дружеских кружков" с докладами и дискуссиями. Так, например, на 31 августа сообщалось, что в 20 часов 30 минут состоится "серьезный и веселый вечер диалектов" с "опробыванием различных немецких говоров".

Но этому вечеру не суждено было состояться. "Уже в ночь с 23 на 24 августа и в последующие ночи парижская полиция арестовала первых эмигрантов-коммунистов, находившихся в своих квартирах или в отелях, и отправила их в 'санте'", - вспоминает Далем. "Санте" называлась печально известная тюрьма для заключенных, считавшихся "опасными для государства". Правда, сначала это коснулось лишь небольшого круга эмигрантов из немецких коммунистов. Далем замечает: "Внезапные удары классового врага настигли нас врасплох".

Перемены, обусловленные пактом между Гитлером и

Сталиным, и страх многих французов перед немецким вторжением вели к тому, что "узы солидарности, связывавшие население и политэмигрантов, начали ослабляться". Теперь все чаще, пишет Далем, можно было услышать произносимое с презрением слово "боши" - оскорбительное прозвище немцев из времен Первой мировой войны. Росло число французов, не желавших иметь ничего общего с "бошами". "Разумеется, наиболее порочащим эмигранта в то время было подозрение в его принадлежности к коммунистам".

Положение секретариата ЦК компартии Германии в Париже, согласно Далему, было "в те восемь дней перед началом войны сложное, прямо-таки критическое"⁹.

Александр Абуш и официальное заявление КПП

Вопрос прежде всего заключался в том, чтобы подготовить официальное заявление ЦК КПП относительно пакта. Кроме эмигрантских деятелей КПП Герхарта Эйслера и Антона Акермана, к этому заданию был подключен также Александр Абуш (1902-1982).

Абуш, родившийся в Кракове и выросший в Нюрнберге, принадлежал к КПП уже с самого ее основания в конце 1918 года; он принимал активное участие в революционных битвах, проходивших под руководством КПП в Баварии и Тюрингии. С 1924 года он был главным редактором коммунистической газеты "Нойе Цайтунг" в Йене, затем - сотрудником пресс-службы КПП и редакции газеты "Роте Фане", а также с 1928 по 1933 годы - главным редактором коммунистической газеты "Рурэхо", выходившей в Эссене.

После 1933 года Абуш эмигрировал сначала в Саарскую область, был редактором тамошней "Арбайтерцай-

тунг”, а затем перебрался через Прагу в Париж, где он действовал как функционер, абсолютно верный линии партии. В его мемуарах, появившихся в ГДР, говорится:

”Конечно, мы тоже размышляли о причинах, перспективах, аргументах. Нас ругали, называя ‘большевистскими бюрократами’, потому что при всем том, что мы думали о случившемся, мы с самого начала были готовы с подлинной непоколебимостью преодолевать трудности сложившегося положения... В Люксембургском саду на одной из скамеек я встретился с Францем Далемом. В политической оценке пакта о ненападении с первого же момента обнаружилось единство мнений: Теперь тем более - все для Советского Союза!”¹⁰

Вместе с Эйслером и Акерманом Абуш составлял набросок заявления ЦК КПГ по поводу германо-советского пакта о ненападении. Задача была не легкой, пишет Абуш, поскольку КПГ попадала теперь ”в ситуацию анти-империалистической войны на два фронта”. Для немецких коммунистов речь шла о том, чтобы ”полностью осмыслить диалектику, проявляющуюся в ходе событий, и тем самым - позицию Советского Союза с точки зрения всемирно-политической стратегии”¹¹.

25 августа подготовленный набросок заявления с незначительными изменениями был принят эмигрантским секретариатом ЦК КПГ. Очевидно, что эмигрантские деятели немецкой компартии действовали по собственному почину, поскольку ни Далем, ни Абуш в своих (очень подробных) мемуарах ничего не сообщают о какой-либо инструкции или директиве Коминтерна из Москвы; если бы такой факт имел место, они обязательно упомянули бы об этом.

В заявлении КПГ от 25 августа 1939 года сначала приветствуется заключение пакта как ”деяние во имя мира со стороны Советского Союза”. Далее говорится,

что следует из всех сил стремиться к тому, чтобы такие же "пакты мира" были заключены с Польшей, Францией, Англией и Румынией, равно как и с другими странами; что Гитлер заключил пакт, находясь в крайне затруднительной ситуации, и только весь немецкий народ может стать гарантом его соблюдения, но для этого сам народ должен "взять судьбу немецкой нации в свои руки". Говорилось, что будущее Германии зависит в первую очередь от рабочего класса и что теперь нужно было достичь необходимого единства путем создания "революционной единой партии" и объединить немецкий народ в "антифашистский народный фронт"¹².

В действительности, ориентация и формулировки заявления КПГ, составленного без указаний из Москвы, не отвечали ни тогдашней политике СССР, ни особенностям антифашистской борьбы в Германии.

Критические голоса среди немецких эмигрантов

Критические голоса, раздававшиеся также среди эмигрантов-коммунистов, почти не упоминаются в воспоминаниях Франца Далема и Александра Абуша. Лишь из одного единственного короткого эпизода в мемуарах Абуша можно заключить, что функционеры, верные линии КПГ, наталкивались на возражения. Абуш сообщает о своем разговоре с немецкими писателями (и членами компартии) Густавом Реглером и Альфредом Канторовичем, находившимися в эмиграции. "В полном отчаянии" прибыли они из Южной Франции в Париж. "Пакт! Пакт! Как мог Сталин так поступить с нами?" - было их первым вопросом. "С большим терпением, как подчеркивает в своих мемуарах Абуш, он попытался объяснить позицию Советского Союза. По его описанию Кан-

торович, казалось, "стал постепенно прислушиваться к аргументам" в защиту пакта, а Реглер по-прежнему возражал. Резюме Абуша таково: "Мы как коммунисты находились в тем более опасном положении, поскольку вчерашние друзья могли сегодня стать врагами"¹³.

К критически настроенным эмигрантам во Франции принадлежал также бывший немецкий коммунист Генри Якоби. Во время Веймарской республики он работал среди марксистской молодежи и в рабочем движении, примыкал к марксистам, группировавшимся вокруг Манеса Шпербера и занимавшимся индивидуальной психологией. В 1930 году, несмотря на некоторые сомнения, Якоби решил вступить в КПГ из-за растущей опасности нацизма. Когда после перехода власти к Гитлеру руководство КПГ стало утверждать, что немецкий рабочий класс не потерпел поражения, Якоби решил порвать с КПГ и примкнул - в подполье - к группе левых социалистов "Функе" (Искра).

При Гитлере Якоби был арестован и в конце июня 1934 года приговорен к двум годам и четырем месяцам строгого тюремного заключения. В конце июня 1936 года он был выпущен из Бранденбургской тюрьмы и эмигрировал сначала в Прагу, а оттуда - в Париж, где он еще до обнародования пакта между Гитлером и Сталиным узнал о сближении Советского Союза и гитлеровской Германии:

"Слухи о союзе между Гитлером и Сталиным распространялись. Группа 'Функе' - тем более, благодаря информации, полученной от одного из наших польских друзей, - считала эти слухи вполне правдоподобными. Коммунисты и их приверженцы ничего не подозревали, они считали, что такая возможность даже не подлежит обсуждению, и приписывали распространение слухов 'фашистско-троцкистским диверсантам'. Они, как и прежде, стремились к созданию Народного фронта против

Гитлера, который бы поддерживал СССР и в который 'Дойче Фольксцайтунг' надеялась включить также папу римского. Однако сразу после того, как пакт между Гитлером и Сталиным стал действительностью, коммунисты начали говорить о нем как об олицетворении воли народов к миру"¹⁴.

Якоби принадлежал к дружной группе мыслящих социалистов, старавшихся в неподкрашенном виде воспринимать крушение политического мира, в котором они до сих пор жили. Он пишет:

"Могучее рабочее движение в Средней Европе развалилось, танки Гитлера господствовали над Европой, соратники Ленина по Октябрьской революции были расстреляны как шпионы, Испанская республика была брошена европейскими демократиями на произвол судьбы, ее революционное движение было прикончено агентами Советской России и, в конце концов, Сталин заключил союз с Гитлером.

С трудом, но приходилось теперь ставить под вопрос некогда усвоенное и отказываться от мира представлений и хода мыслей, принадлежавших прошлому. Труднее всего было тем, кто все еще не мог разделаться с мифом об Октябрьской революции.

Мы были в этом маленьком провинциальном городке как обломки затонувшего судна, выброшенные морем на берег, но мы никак не могли поверить, что взятый нами курс был неверен"¹⁵.

"Дискуссия о бюрократии" в Монтобане

Маленький провинциальный город, упоминаемый Генри Якоби, был французский город Монтобан, в котором группа немецких эмигрантов-социалистов, а также не-

которых марксистов, бежавших от наступавшей германской армии, нашла не только убежище, но, к своему удивлению, также и замечательно подобранную городскую библиотеку. Якоби и его друзья скоро открыли, что там скрывались настоящие сокровища. Небольшая группа эмигрантов заинтересовалась сочинениями из времен борьбы между централизованной королевской властью и классом дворянства, в особенности их интересовало развитие бюрократии, приобретающей тогда могущество.

Как они довольно скоро обнаружили, при обычном марксистском рассмотрении вопроса, сконцентрированном на противоречиях между дворянством и буржуазией, не обращалось внимания на существенные моменты возникновения современного национального государства. С увлечением читали отбившиеся от масс товарищи, как в тогдашних сочинениях дворянства господство Людовика XIV сравнивалось с восточной деспотией и звучали горькие жалобы на постоянный рост бюрократии. Но бюрократия продолжала расти. Даже Французская революция не смогла с этим справиться. Якоби нашел в одной пожелтевшей записной книжке цитату из Сен-Жюста: "Революционными являются законы, но не те, кто их исполняет. Чем больше служащие подменяют собой народ, тем меньше остается места для демократии".

Занимаясь историей роста бюрократических тенденций и усиления роли бюрократии в период высшего расцвета абсолютизма, Якоби пришел к заключению, что и советская общественная система должна характеризоваться как бюрократическая форма власти.

Попытка Якоби лучше понять современность благодаря рассмотрению исторического процесса бюрократизации и обособления государства также встретила возражения во время дискуссий в группе. Сначала больше

всего выступали против его тезиса о том, что советская общественная система - это бюрократическая форма власти. Все участники этой монтобанской группы были врагами сталинизма. Они не были также приверженцами Троцкого. Но они, как до тех пор и сам Якоби, видели в России со времен Октябрьской революции государство рабочих, которое Сталин предал и, установив свой режим, сбил с правильного пути.

Они все еще находились под властью революционного мифа и того факта, что была уничтожена частная собственность на средства производства. И то, что Якоби отрицал наличие в СССР основных черт социалистического общества и признавал возможным существование не-капиталистического строя (который не являлся бы и социалистическим!), оказалось для некоторых неприемлемым. И не только потому, что возможность такого другого строя разрушала надежду на возвращение Советской России к своему "социалистическому" истоку, но и потому, что тем самым подрывалась вера в "исторический закон", согласно которому социализм должен был сменить капитализм.

Однако в позднейшие годы, пишет Якоби, некоторые из тогдашних партнеров по дискуссии присоединились к этому толкованию и отказались от "надежды на Россию"¹⁶.

Ю. К. в Лондоне: Сигара в честь заключения пакта

Перенесемся из Монтобана в Лондон, от критически размышлявших социалистов - к верному партийной линии Юргену Кучинскому, функционеру, стоявшему тогда во главе коммунистической эмиграции в Англии.

Юрген Кучинский, родившийся в 1904 году в семье банкира в Эльберфельде, учился в университетах Берлина, Гейдельберга и Эрлангена, в 1930 году вступил в КПГ и вскоре после этого стал редактором экономического отдела в центральном органе КПГ "Роте Фане". После 1933 года он эмигрировал сначала в Прагу, недолгое время был в СССР и в октябре 1936 года прибыл в Париж, где он получил от Вальтера Ульбрихта задание отправиться в Англию в качестве политического руководителя немецких коммунистов-эмигрантов. Этим он и занимался с октября 1936 года по 1941 год.

Группа коммунистов, руководимая Кучинским, должна была составлять листовки, размножать их с помощью английских товарищей типографским или другим способом и распространять среди немецких моряков или другими путями переправлять в Германию. Кроме того они занимались тем, что печатали в Англии статьи и брошюры, выступали с докладами, освещая ситуацию в нацистской Германии, и старались мобилизовать все силы на борьбу против фашизма среди широких кругов немецкой эмиграции. И вот приходит известие о заключении пакта между Гитлером и Сталиным.

В своих мемуарах, появившихся в ГДР, Юрген Кучинский обозначает себя инициалами Ю.К. и все время пишет о себе в третьем лице. Реакция Ю.К. на пакт, по крайней мере, по сравнению с некоторыми упоминавшимися здесь современниками, была несколько необычной: "Само собой разумеется, - пишет он, - заключение пакта между Советским Союзом и гитлеровской Германией в августе 1939 года должно было вызвать сначала удивление. Поэтому Ю.К. тотчас же решил обсудить ситуацию с руководящими товарищами. Но прежде чем встретиться с ними, он зашел в лучшую табачную лавку Белсайз-Парка и купил себе большую сигару. Все товарищи знали, как

он любил сигары, но что это удовольствие (из-за их дороговизны в Англии) эмигрант мог позволить себе только в том случае, если кто-то угостит его сигарой. И вот, когда Ю.К. закурил, он объяснил товарищам, что он делает это 'в честь пакта, благодаря которому Советский Союз сможет остаться в стороне от надвигающейся войны'. Жест, но и по сей день один из товарищей время от времени напоминает ему об этом заседании, на котором его сигара сообщила всем чувство уверенности в собственном положении"¹⁷.

*Париж: Выход, найденный
эмигрантом Торвальдом Зигелем*

В то время как в Лондоне Юрген Кучинский, радуясь заключению пакта между Гитлером и Сталиным, позволил себе выкурить сигару, в Париже немецкий эмигрант Торвальд Зигель был в высшей степени озадачен и потрясен этим событием.

В исторических описаниях Торвальд Зигель не упоминается, но о нем пишет в своих мемуарах Теодор Бальк - верный линии партии коммунист югославского происхождения, который в 20-х годах находился в рядах КПГ и в 1933 году был арестован в Берлине. После освобождения ему удалось бежать за границу, он нелегально пробрался в Париж и там встретился с Зигелем, который предложил ему жить в своей квартире. Поскольку Зигель был в хороших отношениях со своими портье, он в первый же вечер взял Балька к себе, представив его как своего кузена, ненадолго приехавшего погостить в Париж.

После обнародования пакта между Гитлером и Сталиным начались бесконечно длинные дискуссии между са-

мостоятельно мыслившим Зигелем и верным партийцем Бальком. Зигель сразу же встал на ту точку зрения, что "можно было бы избежать войны, если бы Советский Союз не заключил этот пакт". Он все время повторял: "Социалистическое государство связало себя узами с фашистским Третьим рейхом", и что "пакт между Гитлером и Сталиным означает начало войны".

Однажды вечером, когда они вместе возвратились домой, Зигель пригласил Балька на минуту зайти в его комнату. Он достал чемодан, вынул из него какой-то пакет, развернул бумагу и поставил на стол небольшой широкогорлый флакон. Там был цианистый калий. Зигель похитил его из химической лаборатории на тот случай, если он попадет в руки нацистов.

По поводу пакта между Гитлером и Сталиным Зигель все время вспоминал, чем кончились речи вождей социал-демократии об отстаивании интернациональных позиций, когда разразилась Первая мировая война. Он постоянно возвращался к аналогии между 1914 и 1939 годами, к поведению Второго Интернационала в начале войны 1914 года и поведению руководства Третьего Интернационала в августе 1939 - так часто, что говорил уже просто о "четырнадцатом" и "тридцать девятом": "Тогда, как и теперь, рабочие вожди отступились от своих идей. В четырнадцатом - вожди Второго, в тридцать девятом - вожди Третьего Интернационала. В четырнадцатом - тем, что из противников войны они превратились в ее приспешников, сегодня - тем, что они заключили пакт с заклятым врагом рабочего класса, с Гитлером".

Бальк возражал ему: нужно все же иметь доверие к руководителям и к Коммунистическому Интернационалу. - Доверие? Зигель не давал смутить себя подобными аргументами: "Что в четырнадцатом говорили рабочим, которые с изумлением взирали на то, как их вожди

становились с ног на голову? Им говорили: доверьтесь своим опытным вождям, а не собственным глазам. Ваши вожди стоят не вверх ногами, это вам только кажется. И рабочие поверили. И это было как раз неверно. В корне неверно. Ну, и что же мне говорят сегодня? Доверие! Хотя бы тебе и казалось, что твои руководители находятся в положении вверх ногами. Да, если бы русские не ошибались уже так часто. Процессы. Расстрелы. Тогда ты молчал, ибо все не мог вынести окончательного суждения. Но теперь, теперь ты должен видеть ясно: прямая линия ведет от процессов к пакту... И зачем тогда было уверять мир в том, что Тухачевский - нацист и поэтому представляет собой опасность, если теперь они сами сошлись с нацистами?"

Бальк ссылался на Мюнхенское соглашение, на политику западных держав, поставивших целью привести к столкновению Третьего рейха и Советского Союза. Он полагал, что истина заключается не в фотографиях, на которых Риббентроп и Сталин стояли рядом, не в подписях, которые так неожиданно соединились на этой бумаге с пактом. Цель была ясна: время - время для того, чтобы Советский Союз мог во всеоружии встретить врага, когда час пробьет. Эти "уже в который раз повторявшиеся споры" не убеждали Зигеля. Более того, Бальк замечал в его настроении некоторые настораживающие и даже пугающие перемены: "Флакон с ядом, на целый день исчезавший из поля зрения Зигеля, теперь снова занимал его внимание".

На следующий день было воскресенье. Бальк с Зигелем пили по второй чашке кофе; все было, как обычно бывало в полдень. С улицы раздался голос разносчика газет: "Русские вступили в Польшу". Их дискуссия продолжилась, Бальк описывает ее так: "Ну вот, сказал

Зигель, теперь это не имеет больше смысла. Нет, не имеет смысла. Что одни, что другие.

Когда двое делают похожие вещи, возражал я, это не обязательно означает то же самое. Если русские и вступили в Польшу, то из стратегических соображений. В предвидении нападения Гитлера на Советский Союз, которое должно было последовать.

Ах, говорил он, знает он, мол, эти речи по бесчисленным германским заявлениям. С этими словами опасений за собственную безопасность нацисты нарушили все договоры, милитаризовали Рейнскую область, заняли Прагу, напали на Польшу.

А также, эти области Польши населены украинцами, - продолжал я нащупывать другие аргументы. В 1920 году по линии Керзона они должны были бы отойти к Советскому Союзу. Таким образом, они отделялись от Польши. Разве не выгоднее было бы украинцам, чтобы они воссоединились со своим народом в составе социалистической республики, а не попадали бы под иго нацистов?

Ах, эта песня была ему тоже хорошо знакома. Под предлогом права народов на самоопределение Гитлер, мол, занял Австрию, заполучил Судетскую область и начал войну против Польши”.

Бальк еще раз попытался переубедить своего оппонента и заклинал его: ”Нужно ждать, Зигель, нужно ждать!” Но Зигель не поддавался больше на уговоры: ”Ждать? Это не имеет больше смысла”¹⁸.

Они расстались. Теодор Бальк совершил в это воскресенье большую прогулку по Парижу. Домой он вернулся только ночью. Там он нашел Торвальда Зигеля, уже покончившего собой.

*Немецкая эмиграция в Голландии:
"Известие о пакте вызвало шок"*

Понятие "шок" в связи с воздействием пакта на тогдашних антифашистов и эмигрантов встречается отнюдь не только у тех, кто позже порвал с партией. Этим понятием пользуется даже Эвальд Муншке в своих мемуарах, появившихся в то время, когда он был генерал-майором "Национальной народной армии" ГДР. Муншке, родившийся в Берлине в 1901 году, член КПГ с 1923 года, в начале 30-х годов работал в военно-политическом отделе партаппарата. После прихода Гитлера к власти Муншке эмигрировал в СССР, где он посещал "Коммунистический университет народов Запада". Во время Гражданской войны в Испании он был ротным политкомиссаром 13-ой Интернациональной бригады и принимал участие в боях в горах Сьерра-Невады. После поражения Испанской республики он получил задание с подложным паспортом отправиться в Голландию. Находясь там, он узнал о пакте между Гитлером и Сталиным: "Нельзя умолчать о том, что известие о заключении германосоветского пакта о ненападении в первый момент вызвало шок и среди эмигрантов. Завязались ожесточенные дискуссии", - пишет Муншке. Он сам оставался однако непоколебим в следовании партийной линии.

Поскольку его мемуары вышли в восточно-берлинском Военном издательстве, мы должны понимать иронию, содержащуюся в его словах, как непреднамеренную: "Глубокое знание условий, приобретенное за долгие годы пребывания в Советском Союзе, помогало мне... скорее схватывать смысл тактических перемен в советской политике. Я с рвением пускался в споры. Ведь теперь больше, чем когда-либо, нужно было призывать товарищей к железной сплоченности"¹⁹.

*Хейнц Кюн в Брюсселе:
Свадьба, принятая за праздник в честь пакта*

Нет воспоминаний немецких эмигрантов-коммунистов, в которых рассказывалось бы о настроениях немецкой эмиграции в Бельгии. Зато об этом вспоминает известный социал-демократ Хейнц Кюн, со своей стороны хорошо информированный тогда о коммунистах. Кюн, родившийся в 1912 году в рабочей семье в Кёльне, с 1928 года входил в социалистическое движение молодежи "Фалькен" ("Соколы"), изучал национальную экономику в Кёльнском университете, в октябре 1931 года вступил в организацию "Железный фронт" ("Рейхсбаннер Шварц-Рот-Гольд"). Позже, находясь в чешской Судетской области, он использовал "пограничное сообщение" для переброски печатной продукции в Германию, зашивая тексты, напечатанные на тонкой, немнущейся типографской бумаге, в одежду связных или доверяясь воздушным шарам и ветру. В июле 1936 года Кюн был направлен в Бельгию, чтобы включиться там в подготовку издания социал-демократической газеты "Фрайес Дойчланд". В Брюсселе он очень необычным способом узнал о пакте между Гитлером и Сталиным:

"23 августа 1939 года Гитлер со Сталиным заключили свой пакт, 26 августа мы с Марианной заключили наш: мы женились. Потребовалось много времени на то, чтобы она смогла нелегально получить из Германии бумаги, необходимые для заключения брака. И вот, ввиду приближающейся опасности мы решили узаконить наши отношения: просто гражданская формальность, совершение которой мы вечером отпраздновали в кругу наших друзей по молодежно-движенческому обычаю - с пением наших песен под гитару и губную гармошку. Это был на долгое время последний веселый вечер. На сле-

дующее утро перед нашими дверями стояли служащие полиции. Мы уже думали - из-за шумного вечера, а нет, говорят нам: 'Вы праздновали вчера заключение германо-советского пакта'. И только по предъявлении нашего свидетельства о браке злобный донос соседей растворился в поздравлениях и улыбках".

Далее, вслед за описанием этого личного события, Хейнц Кюн вспоминает о том, какое действие произвел тогда пакт на немецких эмигрантов-коммунистов, находившихся в Бельгии: "Как мы узнали от наших связанных, на кадры КПГ, еще работавшие в подполье, пакт между 'красным Ватиканом' и коричневым дьяволом подействовал как богохульство. Наблюдался не только сильный подрыв доверия, человеческие трагедии разыгрывались среди правоверных коммунистов. Да и как им было понять, что слово фашизм вдруг было вычеркнуто из словаря коммунистических функционеров и что в войне обвинялся не Гитлер, а западные державы? Готовые к ожесточенным дискуссиям, мы разыскивали в Брюсселе коммунистических функционеров в заведениях, где они обычно собирались, но никого нельзя было уже найти"²⁰.

*Карл Кунде: Замешательство в лагере
для интернированных Кенуа*

Дискуссии о пакте между Гитлером и Сталиным ни в коем случае не ограничивались первыми днями после его заключения, они продолжались в течение месяцев - особенно во французских лагерях для интернированных, где тогда находились многие немецкие антифашисты.

Об этом рассказывает Карл Кунде, рабочий-металлист, родившийся в 1904 году в Нойштеттине и молодым

человеком вступивший в КПГ. Он также прошел все этапы преследований, связанные с развитием событий после 1933 года: подполье, арест, концентрационный лагерь и эмиграцию.

В Париже он был арестован 4 сентября 1939 года как иностранец германского происхождения и после нескольких промежуточных пунктов в начале апреля 1940 года попал в лагерь Кеуа в департаменте Луара, где он вместе с другими 500-ми интернированными услышал о пакте; он вспоминает: "Пакт между Гитлером и Сталиным привел к ужасному замешательству и в наших рядах. Среди нас, коммунистов, этот пакт стал предметом самого подробного обсуждения". Кунде защищал пакт (и тогда, и позже), но он ясно видел, насколько серьезными были его последствия: "Эти дискуссии вызывали деморализацию и уменьшение нашей группы. Среди нас не было больше согласия и это сказывалось также практически, на лагерной работе. С этих пор мы видели свою первостепенную задачу в том, чтобы аппарат КПГ в лагере сохранял свою силу. С теми, кто не был уже полностью согласен с нами, прекращали отношения. Из-за этого усиливалась наша изоляция. Это было трудное время".

Генрих Брандлер, который вместе с Августом Тангеймером возглавлял тогда Оппозицию КПГ, также попал в лагерь Кеуа; Кунде пишет: "Мы наблюдали, как КПО формировала свою группу в лагере. Нам было трудно тогда дискутировать с этими людьми, мы даже называли их 'пятой колонной'".

В лагере Кеуа Кунде встречался и с коммунистическими писателями, среди них были Ганс Мархвица, автор книги "Штурм Ессена", а также Людвиг Турек, чья книга "Пролетарий рассказывает" была широко известна в кругах немецкой компартии. Турек, как пишет Кунде,

примкнул к группе интернированных, которые наиболее резко нападали на пакт, на компартию и Советский Союз. Итоги дискуссий о пакте между Гитлером и Сталиным в лагере Кепуа Кунде подводит следующим образом:

"Большинство отклоняло точку зрения партии. С Мархвицей, в отличие от Турека, еще можно было дискутировать... Но и в самой партии после заключения пакта между Гитлером и Сталиным появились шатания. Однако полный разрыв наблюдался в отношении с другими интернированными, далекими от КПГ. В это время все были возмущены соглашением с Гитлером: с социал-демократами и членами КПО невозможно было разговаривать, со многими коммунистами - тоже. Мы противостояли всем им как группа, защищавшая версию КПГ, а именно: что Советскому Союзу нужно было время для подготовки к решающему бою. Я и сегодня стою на своей тогдашней точке зрения"²¹.

*Швейцария: Ханс Тойбнер и
"руководство южного центра"*

Ханс Тойбнер, правоверный функционер КП, находился ко времени заключения пакта между Гитлером и Сталиным в Швейцарии. Родившийся в 1902 году в Ауэ в семье текстильщика, Тойбнер уже в 1919 году вступил в КПГ. В 1924-1930 годах он был редактором коммунистических газет, в 1927-1930 получал политическое образование в школе Коминтерна в Москве.

Арестованный после прихода Гитлера к власти, Тойбнер провел два года в тюрьме сторогого режима Лукау. В 1935 году он эмигрировал в Прагу; во время Гражданской войны был в Испании, эпизодически

работал редактором "Свободного немецкого радио" ("Дойчер Фрайхайдсзендер"); попав затем во Францию, он был в марте 1939 года направлен эмигрантским руководством КПГ в Швейцарию, в Цюрих, где возглавил "руководство южного центра" антифашистских действий, отвечая таким образом за деятельность в южногерманском регионе.

О восприятии пакта между Гитлером и Сталиным в Швейцарии Тойбнер пишет, что "многие находились в непонимании" и некоторые говорили, что вскоре должно наступить "примирение между большевизмом и фашизмом". Особенно трудно, считает Тойбнер, пришлось немецким эмигрантам-коммунистам: "Некоторые коммунисты также обнаруживали замешательство и непонимание... Эмигранту, кусок хлеба которого зависел от хозяйского милосердия, начинали втолковывать: 'Почему же вы не отправитесь к своему Сталину, который уже братается с Гитлером? Вы ведь можете теперь вернуться в Германию, раз Сталин примиряется с этими свастиконосцами'. От этого очень горек становился хлеб беженцев. Воздух, которым они дышали, был отравлен. Нужна была хорошая политическая подготовка и большая моральная сила, чтобы не дать себя сломить и открыто отстаивать истину". Тойбнер так же, как это было видно на примерах компартий Франции, Англии и эмигрантского руководства КПГ в Париже, старался убедить себя и других в том, что борьба против фашизма продолжалась. Он написал для газеты "Зюддойче Фолькштимме", нелегально распространявшейся в Германии, статью под заголовком "Советский Союз - оплот мира. Грязные нацистские выдумки по поводу СССР / Никогда не бывать союзу между Гитлером и Сталиным". В ней, обнаруживая полное непонимание действительного характера пакта, Тойбнер писал, что Советский Союз

якобы никогда и не думал "связывать себя с Гитлером и с его преступным политическим авантюризмом... Советский Союз будет всегда стоять на стороне народов, которым угрожает фашизм и которые готовы защищаться от его нападений... Итак, это невозможно, никогда не быть союзу между Советами и Гитлером".

Тойбнер видел, как сильно взволновал этот пакт жителей Швейцарии: "На площадях и улицах образовывались группы людей. 'Ну вот, - говорили, - все же Гитлер и Сталин объединились'. Везде, куда ни пойдешь, можно было наблюдать, что замешательство и безмозглость нарастали среди самых широких слоев населения с неопикуемой силой. Теперь исключительно важна была быстрота реакции. Уже было недостаточно статьи, процитированной выше".

Тойбнер написал еще одну обстоятельную статью под показательным заголовком: "Политика Советского Союза - политика мира / Пакт о ненападении - это не союз и не договор о содействии". В этой статье Тойбнер выступил против попыток гитлеровской системы обезоружить рабочий класс и внушить движению Сопротивления парализующую мысль о том, что, если, мол, уж Советский Союз прекращает борьбу против фашизма и идет с ним на сближение, то что же тогда можем мы? наше сопротивление Гитлеру, мол, бессмысленно. Тойбнер призывал немецкий народ к восстанию против Гитлера и т. д. Но пока он писал все это и занимался переправкой "Зюддойче Фольксштимме" в Германию, в Москве шли интенсивные переговоры об окончательном разделе Польши²².

*Карл Мевис в Мальмё: "Пакт с дьяволом"
и новая ориентация "товарищей в стране"*

Когда речь шла о "товарищах в стране", всегда имелись в виду коммунисты, нелегально работавшие в Германии. Этим обозначением пользовались тогда в эмигрантском правлении КПГ в Париже и в "руководящих центрах", находившихся в странах, граничащих с Германией, а также в руководстве Коминтерна в Москве.

Но что знало тогда руководство Коминтерна в Москве о "товарищах в стране"? Какой информацией оно располагало? Об этом имеется единственное свидетельство современника - Карла Мевиса, действовавшего тогда в шведском портовом городе Мальмё; через несколько недель после заключения пакта он был вызван руководством Коминтерна в Москву для доклада о настроении "товарищей в стране".

Карлу Мевису было тогда 32 года, летом 1939 года ему было поручено, находясь в Мальмё, поддерживать сообщение с нелегальными КП в Германии и способствовать их деятельности. Мевис, родившийся в 1907 году, обучался слесарному делу в железнодорожных ремонтных мастерских гор. Касселя, в 1923 году он вступил в Коммунистический союз молодежи Германии, с 1925 года он был председателем организации КСМГ в Гессен-Вальдеке и редактором местной коммунистической газеты "Нойе Арбайтерцайтунг".

В 1932-34 годах Мевис был в Москве и занимался в коминтерновской школе им. Ленина. Поздней осенью 1934 года он был направлен на подпольную работу в Германию. Летом 1935 года он снова прибыл в Москву в качестве делегата немецких коммунистов на 7-ой международный конгресс Коминтерна. Вслед за тем, на так называемой "Брюссельской конференции" КПГ (состояв-

шейся на самом деле поблизости от Москвы) он был выдвинут кандидатом в члены ЦК. После непродолжительной подпольной работы в Гамбурге Мевис - через Париж - попал в Испанию (июль 1937 - апрель 1938), где он был представителем КПГ и, по свидетельству очевидцев, принимал активное участие в подавлении оппозиции независимых левоориентированных антифашистов. В апреле 1938 года Мевис был отозван в Париж, там он входил в эмигрантское руководство КПГ и в январе 1939 года в качестве полномочного члена ЦК КПГ, состоявшего тогда из 17-ти человек, принимал участие в "Бернской конференции" (состоявшейся на самом деле недалеко от Парижа, в местечке Дравей под Жювизи). Затем из Парижа Мевис был направлен в шведский портовый город Мальмё, где он и узнал о пакте между Гитлером и Сталиным:

"Разумеется, 'пакт' - как везде называли этот договор - застал и нас несколько врасплох; кроме всего прочего, мы очень сильно надеялись на достижение, по крайней мере, какого-то единства действий между западными державами и Советским Союзом против главного поджигателя войны в Европе". Но теперь Мевис тотчас же встал на точку зрения партии и стал проводить ее на деле.

"Прежде всего, нужно было помочь товарищам 'в стране' освоиться с новой ориентацией". Однако для этого почти оставалось времени, поскольку прежде, чем удалось проанализировать договор и его последствия, началось вторжение гитлеровской Германии в Польшу: "Еще труднее стало объяснять товарищам 'в стране' особенности этого пакта с дьяволом", - вспоминает Мевис.

Незадолго до этого он получил известие о том, что он должен явиться с докладом в Москву. Со шведским паспортом он прибыл в Москву и встретился там с ве-

дущими функционерами эмигрантского руководства КПГ, в том числе - с Филиппом Денгелем, Вальтером Ульбрихтом и Гербертом Венером (известным тогда в Коминтерне под псевдонимом Курт Функ). В беседах речь шла о ситуации в Германии и о необходимости теперь уже "тактической ориентации". Карл Мевис жил в гостинице "Люкс", и его приглашал побеседовать также чехословацкий функционер Клемент Готвальд (тогда - секретарь Коминтерна по делам Средней Европы). Между тем наступил конец ноября 1939 года, когда Мевис должен был отчитываться перед Президиумом Исполкома Коминтерна. Об этом он вспоминает так:

"Вильгельм Пик советовал мне говорить в деловом тоне и не делать никакого специального упора на отдельных вопросах. Конечно, вначале я несколько нервничал. В конце концов, здесь сидели не только Георгий Димитров, Хосе Диас и Отто Куусинен, но и такие товарищи, как Андре Марти, которые не согласились бы ни с чем, что не основывалось бы на точных данных.

Пользуясь типичным партийным языком, Мевис сделал вполне оптимистический доклад о положении дел и заявил, что "наша партия представляет собой все еще сплоченную организацию, которая, несмотря на значительную децентрализованность, сохранила способность к действию".

Затем он перешел к пакту между Гитлером и Сталиным и сказал о его восприятии: "Очевидно, никого не удивит тот факт, что договор между Советским Союзом и гитлеровской Германией у многих товарищей вызвал непонимание... Некоторые из наших товарищей не смогли полностью осознать причины, приведшие к этому договору; некоторые аспекты вызвали чувство неприятия, другие повели к неверным толкованиям". Но закончил Мевис, как обычно, оптимистически: Немецкие коммуни-

сты испытывают глубокое доверие к Советскому Союзу и многие из них поняли, "что в современных условиях Советский Союз не мог поступить иначе"²³.

Так представляет дело Карл Мевис. Такова и была информация о настроении "товарищей в стране", которой располагало руководство Коминтерна в Москве.

ПАКТ И КОММУНИСТЫ ВО ФРАНЦИИ

Воздействие пакта на французских антифашистов было особенно глубоким и важным. Это определялось двумя причинами. Во-первых, ФКП была самой большой компартией в мире, не считая Советского Союза, и пакт между Гитлером и Сталиным задевал ее особенным образом, во-вторых, во Франции жили тогда десятки тысяч политических эмигрантов-антифашистов из Германии, Италии, из многих восточноевропейских стран, а больше всего - с марта 1939 года - из Испании.

Сначала - о Французской КП. В период Народных фронтов 1936-38 годов эта небольшая партия превратилась в довольно влиятельную политическую силу. Внушительно возросло число членов партии: в конце 1937 года оно достигло уже 328.000 человек (тогда как партия французских социалистов насчитывала 286.000 членов). На выборах весной 1936 года коммунисты получили 15,3 процента всех голосов (социалисты - 19,3 процента). Коммунисты Франции выступали в это время решительными защитниками республики, их голоса обеспечили в 1936 году правительству Народного фронта, возглавлявшемуся Леоном Блюмом, большинство в парламенте.

Еще в марте 1939 года, на XVIII съезде ВКП(б) в Москве, Мануильский выставлял французскую компартию в качестве яркого примера: "Коммунистическая партия Франции была зачинателем в борьбе за антифашистский Народный фронт. За пять лет она выросла с 40.000 членов до 270.000 членов на сегодняшний день. В развертывании антифашистского движения Коммунистическая партия Франции опиралась на лучшие традиции своего рабочего класса и своего народа"¹.

Так говорил Мануильский в марте 1939 года. Но уже в конце августа эта партия, бывшая недавно столь мощной, находилась в полном развале. После периода Народного фронта французские коммунисты особенно остро пережили шок, вызванный пактом между Гитлером и Сталиным, и это нашло отражение в появившихся с тех пор мемуарах ведущих функционеров ФКП.

*Тийон и Черетти: Удар в лоб -
как на скотобойне*

Шарль Тийон, как и многие французы, узнал о пакте между Сталиным и Гитлером во время отпуска. Тогда Тийону было 43 года, он родился в 1897 году в Рене, был сначала слесарем, потом матросом; в 1919 году он являлся одним из инициаторов мятежа на французском флоте в Черном море (что должно было помешать поддержке белых в ходе Гражданской войны в России). В ФКП Тийон состоял с декабря 1920 года - с самого ее основания; сначала он занимался в основном профсоюзной деятельностью, представляя интересы коммунистов (и был за это не раз арестован); с весны 1931 года он входил в ЦК ФКП, с августа 1932 года стал членом По-

литбюро. После победы Народного фронта весной 1936 года Тийон вошел в парламент как депутат КП Франции; во время Гражданской войны в Испании он был в генеральном штабе Интернациональных бригад и после поражения республики в марте 1939 года вернулся во Францию.

23 августа Тийон как раз находился в отпуске, который проводил с друзьями в небольшом селении, расположенном на берегу реки Вьенны: "В тот день, 23 августа, после обеда мы пошли, как обычно, на реку ловить раков, там было место, окруженное старыми пнями. Когда вечером мы вернулись домой, по радио передали, что как раз сегодня был подписан пакт о ненападении между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Известие показалось мне настолько грандиозным, что я по какой-то глупости сначала совершенно не подумал о драматических последствиях, вытекающих из этого... Однако я чувствовал, что меня все больше и больше одолевает страх... Как же, и партийное руководство ничего не знало об этом? Как это понимать? Что же будет с нашей партией в этой неотвратимо надвигающейся на нее буре?"²

Тийон принадлежал тогда к руководству ФКП, а Черетти, о котором речь пойдет дальше, был функционером Коминтерна, работавшим во Франции (под псевдонимом Пьер Аллар).

Джулио Черетти, итальянец, родившийся в 1903 году в Сесто (Флоренция), состоял в итальянской компартии и затем последовал в изгнание во Францию - сначала в Лион (1927-29), с 1929 года был в Париже, где работал вместе с руководителем ИКП Тольятти и другими ведущими деятелями итальянской компартии, жившими в изгнании. Но в то же время Черетти участвовал и во французском "Движении противников фашизма и войны".

О пакте между Гитлером и Сталиным он узнал, находясь в Париже:

"Наша борьба против Гитлера и Муссолини была не просто борьбой, нет, эта борьба была нашим кровным делом. Жестоким было теперь пробуждение, вызванное пактом, подписанным в советской столице. Нет, нас не то чтобы растормошили, прогоняя сон, нам будто нанесли тяжелый удар в лоб, как на скотобойне.

Возможно, советские товарищи неверно оценили последствия этого шага для рабочего движения, для партии, которая создавала Рабочий фронт: преданные делу активисты, казалось, совсем потеряли голову, не понимая, какой политической линии нужно теперь придерживаться и что будет дальше".

Джулио Черетти предчувствовал, что войны теперь уже не избежать и что это будет небывалая война. В этой ситуации оставалось только верить в Советский Союз: "Таков был один из поворотных моментов, когда решающим основанием нашей деятельности становилась вера, наше прямо-таки слепое доверие к социализму, к первой в мире социалистической стране"³.

Адам Райский: "Объяснить необъяснимое"

В воспоминаниях Шарля Тийона и Джулио Черетти речь идет вовсе не о впечатлениях отдельных лиц - о том же говорят другие современники, входившие тогда в ФКП или связанные с нею.

В этом отношении интересны воспоминания журналиста и коммуниста Адама Райского, происходившего из Польши. В 1934 году Райский был делегатом конгресса коммунистической молодежной организации Франции в Иври и с этого времени находился в контакте с руко-

водством ФКП, в том числе - с Морисом Торезом, Жаком Дюкло и Раймоном Гюйо, возглавлявшим тогда Коммунистический Интернационал молодежи. Адам Райский работал в центральном органе печати ФКП "Юманите" и часто встречался также с другими руководящими деятелями компартии, например, с Андре Марти, Марселем Кашеном и с писателем Луи Арагоном, связанным с ФКП. О времени, когда был заключен пакт между Гитлером и Сталиным, Райский вспоминает следующее:

"Поздно вечером 23 августа 1939 года прозвучало известие о подписании пакта о ненападении между Москвой и Берлином; это было, как удар грома на душном предгрозовом небе европейского континента, ожидавшего в атмосфере крайнего напряжения, что будет заключен союз трех держав - Франции, Англии и СССР.

Невозможно! Невероятно! В прессе, как и на улице, эти выкрики показывали лишь всеобщую озадаченность, что касалось и коммунистов. Нужно только представить себе, что вот Москва совершенно внезапно отказывается от подписания договора с демократическими странами, чей военно-экономический потенциал - в соединении с советским - все еще мог бы удержать экспансионистские устремления Гитлера.

Оправившись от первого натиска впечатлений, мы постарались затем объяснить необъяснимое. Поначалу наш анализ касался только дипломатических последствий происшедшего; никто не отваживался предположить, что пакт действительно может повлечь за собой перемены идеологического характера... Нам и в голову не приходило, что пакт открывал зеленый свет для войны - настолько твердо мы были уверены в "мирных устремлениях страны социализма"⁴.

Двое швейцарских граждан - Пауль Тальман и его жена Клара, долгое время активно работавшие в комму-

нистическом движении, тоже узнали о пакте между Гитлером и Сталиным в Париже. Пауль Тальман, родившийся в 1901 году в Базеле, и Клара Энсер, бывшая на семь лет младше его, оба в 20-х годах стали членами КП Швейцарии и несколько лет провели в Москве. Исключенные в 1928 году из КПШ, они оставались в рядах социалистического движения, в 1936 году отправились в Испанию и сражались в отряде народной милиции на Арагонском фронте, при этом они были настроены явно антисталинистски. Во время Гражданской войны они были арестованы в республиканской Испании как "фашисты" и освобождены только благодаря ходатайствам своих друзей-социалистов. Затем они прибыли в Париж. Как они пишут, они еще задолго до обнародования пакта "пришли к выводу, что Сталин заключит союз с Гитлером". Тем не менее, рассказывая о воздействии пакта на французских коммунистов, они вспоминают: "Несмотря на это предчувствие, безнравственный пакт вызвал и у нас ощущение сильного шока. Образец авторитарной тайной дипломатии, пакт вызвал сначала полное замешательство, а затем - глубокую горечь. В рядах ничего не подозревавших коммунистов началась паника. Без директив из Москвы коммунистические руководители не могли разобраться в сложившейся ситуации. До сих пор гитлеровский фашизм клеймили как главного врага рабочего класса и пролетарского государства. И что же теперь? Это рабочее государство входило в союз с фашизмом и вся концепция коммунистической стратегии полностью опрокидывалась. Те, чья неуклонная верность сказывалась в следовании за каждым поворотом партийного флюгера, судорожно искали объяснений случившемуся. Коммунистический бард Луи Арагон, сложивший вирши о Сталине - 'Солнце народов', писал в вечерней газете 'Суар': 'Поджигатели

войны отбиты, мир обеспечен'. Тем не менее, большая часть партии поначалу была сбита с толку и не знала, как относиться к этому союзу. Часть парламентской фракции восстала, многие члены муниципальных и центральных советов вышли из партии, многие порвали свои членские книжки"⁵.

Совещание руководства французской компартии

Ввиду такого непредвиденного события трудности, вставшие перед руководством французской компартии, были огромными: никаких директив из Москвы, большая часть собственных кадров - в отъезде. Руководство ФКП в эти роковые дни находилось в руках Марселя Гиттона (1903-1941), члена партии с ее основания в декабре 1920 года, входившего в состав ЦК, Политбюро и бывшего депутатом КП во французском парламенте. К тому времени в его ведении находились организационные вопросы ФКП, но после заключения пакта между Гитлером и Сталиным он порвал с партией и сделался - по сообщению некоторых современников - вроде бы даже полицейским сыщиком.

Разбросанность руководящих кадров еще более усложняла положение ФКП. Только к середине дня 24 августа наиболее видные функционеры получили приглашение на совещание, которое состоялось 25 августа в Париже, на улице Ле-Пеллетье, 44. Шарль Тийон - один из самых видных участников этого совещания - вспоминает следующее:

"Утром 25-го я появился в помещении ФКП на улице Ле-Пеллетье; общительный одорукий привратник, находившийся на своем посту, был взволнован больше, чем обычно.

- Что же ты думаешь об этом?

- Н-да, нас ожидает война, пожалуй, даже мировая!"

В этом совещании принимали участие члены ЦК и депутаты от ФКП во французском парламенте. Тийон заметил, что среди присутствующих явно ощущалось 'недовольство'. Обмен мнениями, в результате которого ясно обозначились два направления, очевидно не принес руководству желаемой уверенности. Рено Жан и Соссе, два крестьянских депутата ФКП, предложили послать партийную делегацию в советское посольство, которая призвала бы СССР и дальше выступать на стороне демократических стран против гитлеровской Германии.

Торез, согласно Тийону, держался высокомерно и возмущался теми, кто критиковал пакт: как можно, мол, даже думать о том, чтобы вмешиваться в дела СССР. Никто не решался сказать об этом, но сговор между Молотовым и Риббентропом явно нарушил все положение дел французской компартии. Торез ограничился на этом заседании призывом, напечатанным в утреннем выпуске "Юманите": "Сталин прав, не позволяя в одиночку втянуть себя в войну. Военные договоры, коль скоро Париж и Лондон того пожелают, все еще возможны; разумеется, при том условии, что никакая антикоммунистическая или антисоветская ориентация не заслонит интересов мира. Мир возможен и далее. Однако если начнется война с Германией, коммунисты в первую очередь встанут на защиту национальной безопасности". Такова была принятая на совещании линия партии. Шарль Тийон пишет в своих воспоминаниях:

"Германо-советский пакт вызвал сенсацию, всех взбудоражил, оглушил нас, разбил нам сердце; но нам не нужно было отказываться от самих себя, поскольку мы и дальше собирались воевать против гитлеризма. Если Сталин действовал в интересах СССР как страны

социализма, за нами оставалось право действовать - насколько мы могли - в интересах Коммунистической партии Франции"6.

А. Росси также рассказывает об этом важном совещании, хотя к тому времени он уже не принадлежал к руководству ФКП. Под псевдонимом А. Росси выступает на самом деле Анджело Таска (1892-1960), который еще перед Первой мировой войной участвовал в социалистическом движении молодежи в Турине. Таска принадлежал к основателям Коммунистической партии Италии в январе 1921 года, позже он играл руководящую роль в движении профсоюзов и кооперативов и был делегатом ИКП на 4-ом конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года. Затем под партийными кличками Валле и Риенци он принимал участие в подпольной борьбе итальянских коммунистов, а с декабря 1926 года работал для Коминтерна во Франции. Под своей тогдашней партийной кличкой "Серра" он участвовал в 6-ом конгрессе Коминтерна летом 1928 года. К тому времени он был членом Исполкома Коминтерна (ИККИ) и входил в оба высших руководящих органа - Президиум и Секретариат ИККИ. Вскоре после 6-го конгресса и внезапно развернувшейся борьбы против так называемого "правого оппортунизма" и "социал-фашизма" Таска вошел в конфликт с руководством Коминтерна и лично со Сталиным. В 1929 году он был исключен из итальянской компартии и с тех пор действовал в рядах Социалистической партии Франции, но всегда поддерживал связи с коммунистами во Франции и был хорошо информирован об их делах.

Вот его описание совещания на улице Ле-Пеллетье:

"На первом заседании группы 25 августа, на котором было поставлено на голосование решение, выдвинутое Торезом, царила нездоровая, напряженная атмосфера... Не кто иной как Рено Жан, которому из-за его грубой

непосредственности многое сходило с рук, воскликнул: 'Так что же это значит? Объясните нам. Это же значит - война'. Торез, который знал не больше остальных, выдвинул несколько сомнительных гипотез. Поскольку все это были блуждания в потемках, Гюстав Соссе, парламентский депутат ФКП от департамента Дордонь, предложил, чтобы в советское посольство была направлена делегация, которая побудила бы посольство обратиться в Москву с просьбой об официальном заявлении, где говорилось бы, что в случае нападения Гитлера на Данциг, означающего военное столкновение со странами западной демократии, Советский Союз автоматически становится на сторону тех стран, которые борются за свою независимость.

На это Торез, державшийся до тех пор осторожно и примирявший спорящих, реагировал с исключительной жесткостью: 'Мы не имеем права вмешиваться во внешние дела России'. Дальше он начал кричать: 'Такое предложение равносильно предательству. Этим мы показали бы, что мы не доверяем Москве'.

На следующий день после этого совещания Соссе вышел из партии. Его примеру последовал еще один парламентский депутат ФКП от департамента Дордонь - Поль Лубраду. За ним последовали Жюль Фурье и Марсель Брут, оба - депутаты ФКП от Парижа, а также - Жильбер Деклерк, депутат ФКП от департамента Нор".

Пять диссидентов опубликовали заявление, в котором говорилось: "Мы настаиваем и в дальнейшем на политике сопротивления агрессору и поддержки демократий, которые противятся режиму порабощения. Мы по-прежнему выступаем против всяких коленопреклонений перед Гитлером и его режимом; мы осуждаем германо-советский пакт"⁷.

В воззвании критиковались все, кто поддерживал сталинскую политику, забывая об интересах Франции.

Марсель Турель и коммунисты в Тулузе

До сих пор речь шла только о Париже и преимущественно о вышестоящих функционерах. А как выглядело дело с точки зрения низовых организаций, находившихся в других местах? Об этом рассказывает Марсель Турель в своих мемуарах, опубликованных в 1980 году.

Выходец из рабочей семьи, Турель вступил в коммунистическую партию в 1935 году. Во время Гражданской войны в Испании он занимался переброской иностранных добровольцев в страну, затем вернулся в окрестности Тулузы. О заключении пакта он узнал во время отпуска, который проводил вместе со своими друзьями-коммунистами Морелем и Ляроком:

”Я был как раз в Фау-Пти, где проводил несколько отпускных дней, когда до меня дошла эта новость, поразившая меня как гром среди ясного неба. Известие передали нам два социалиста из соседней деревни, поскольку радио у нас не было. Наше удивление было столь велико, что, следуя первой реакции, мы отнеслись к ним как к провокаторам. Уходя, они смеялись, как будто довольные тем, что сыграли с нами злую шутку. К вечеру мы с Морелем и Ляроком спустились в деревню; заголовок во всю газетную полосу уничтожал всякие иллюзии. Можно представить себе, в каком страхе и замешательстве мы провели следующий день. Напрасно пытался я дозвониться до партийного центра в Тулузе.

На следующий день, 24 августа, не оставалось уже никакой возможности для сомнений; вся пресса сообщала о том, что германо-советский пакт подписан. Мы были

прямо раздавлены... Днем позже, к вечеру мы добрались до Тулузы. Мы сразу же позвонили всем ответственным лицам, которые были в отпуске, или послали им телеграммы, чтобы немедленно вызвать их; последовали два дня тревожного ожидания без каких-либо директив со стороны партии... И что толку было пытаться объяснить необъяснимое? Советы, как всегда, приняли свое решение в одиночку, даже не сообщив об этом ответственным деятелям братских партий и совершенно не заботясь о том, какое воздействие окажет это решение на членов этих партий.

Те немногие ответственные работники партии, которых нам удалось собрать в Тулузе, колебались между верой и сомнением и находились в подавленном состоянии... Ввиду такого важного события без директив мы были неспособны проявить ни малейшей инициативы. Да и как нам было решиться на какие-то действия, когда мы привыкли получать инструкции сверху?"

Только утром 27 августа прибыл Пуртале - депутат ФКП от департамента Альп-Маритим (Приморские Альпы) и уполномоченный представитель ЦК: "Но, казалось, что Пуртале, как и мы, чувствовал себя очень неловко во всем, что касалось интерпретации пакта между Гитлером и Сталиным. Хотя он получил перед отъездом какие-то смутные директивы, но твердой линии у него не было, поскольку всего руководства ФКП не было в это время во французской столице".

Марсель Турель в спешке организовал вечером собрание, пригласив на него как можно больше ответственных работников. Уже в начале собрания ему пришлось принять заявление о выходе из партии Марселя Марки. И хотя в этом регионе не было больше таких сенсационных выходов в связи с пактом, однако ряд товарищей все-таки ушел из партии.

Речь представителя ЦК Пуртале недвусмысленно показала, что и для руководства ФКП подписание пакта явилось полной неожиданностью. Открытое оправдание пакта в стране, сказал Пуртале, было бы равносильно самоубийству; партия не смогла бы противостоять волне возмущения и упреков, отчетливо проявившейся уже теперь. С другой стороны, нужно понять также ситуацию советского правительства и Сталина; нельзя подвергать сомнению ум человека, который так уверенно возглавляет отечество рабочих. Из речи Пуртале товарищи вынесли впечатление, что партия колеблется между безоговорочной преданностью Москве, с одной стороны, и сохранением своей национальной политики, направленной на единство и борьбу против гитлеровского фашизма, с другой.

Турель вспоминает, "что на этом собрании участники в первый раз не пришли ни к какому согласию. Некоторые товарищи выказали нерешительность, в результате чего обнаружилась первая трещина в стене слепого послушания".

Как вспоминает Турель, французская компартия выбрала среднюю линию: несмотря на большие трудности, вытекающие из наличия этого пакта для французских коммунистов, следует принимать его как необходимое зло. С другой стороны, говорилось, что пакт между Гитлером и Сталиным не означал никаких изменений в политике ФКП, направленной на борьбу с фашизмом. "Таким образом, - пишет Турель, - мы должны были проводить двойную политическую линию:

- Приятие пакта как временного компромисса.
- Продолжение нашей национальной оборонительной политики ввиду провокаций со стороны Гитлера.

Этой линии придерживались, однако, лишь до 20 сентября, до того дня, когда руководство ФКП не перешло

впрямую на сторону Коммунистического Интернационала, провозгласив новый курс - на осуждение "империалистической войны с обеих сторон"⁸.

Запрет коммунистической прессы во Франции

В то время как ФКП находилась в состоянии полного замешательства, французское правительство постановило запретить коммунистическую прессу в стране. С точки зрения тогдашнего французского правительства пакт Сталина с Гитлером означал, что коммунисты и те, кто им симпатизировал, становились пассивными союзниками нацистов и превращались в потенциальную "пятую колонну".

Как раз в то время, когда руководству ФКП трудно было объяснять и оправдывать пакт перед своими приверженцами, оно парадоксальным образом освободилось от этой обязанности благодаря запрету коммунистической прессы. Тогдашнюю ситуацию описал Жорж Коньо (1901-1978), парламентский депутат ФКП, бывший в то время главным редактором газеты "Юманите". Он вспоминает, что, когда он вернулся из отпуска по болезни, 24 августа 1939 года, как обычно, собралась "вся редакция газеты для оценки положения". 25 августа "Юманите" еще выступила с заверением, что будет "стоять в самых первых рядах" борьбы против агрессора⁹. Коммунистическая партия Франции, решительно говорилось в передовой статье, больше, чем когда-либо, является врагом фашизма во всем мире, в первую очередь гитлеровского фашизма. Но двумя днями позже, пишет Коньо, 27 августа были запрещены все газеты и журналы ФКП.

Запрет распространялся на "Юманите" (тогдашний тираж - 320.000 экз.), а также на газету близкого КП

направления "Суар" и еще на 195 ежедневных и еженедельных газет, издававшихся различными коммунистическими и прокоммунистически настроенными организациями. Только газета "Ви Увриер", орган Всеобщей конфедерации труда (профсоюзной организации коммунистического направления), смогла выходить еще три недели и тем самым де-факто стала партийным органом. Усиленно проводились обыски и уже вскоре были арестованы первые распространители листовок.

Франц Далем вспоминает в своих мемуарах, что парижская полиция уже 25 августа вторглась в редакцию "Юманите" и конфисковала только что отпечатанный выпуск газеты за этот день. 26 августа ФКП удалось, однако, еще раз выпустить свой центральный орган; лишь часть выпуска была на этот раз конфискована полицией, и это при том, что ФКП тогда еще призывала к борьбе против Гитлера: "Настал час, когда от французов требуется единство. Если Гитлер решится на осуществление намерений, которые он вынашивает, французские коммунисты в первых рядах встанут на защиту независимости народов, демократии и демократических свобод Франции, поставленных под угрозу". Несмотря на это, вскоре последовал полный запрет - не только "Юманите", но и всей коммунистической прессы. О последствиях Далем пишет:

"Подавление уважаемой и влиятельной тогда прессы французской братской компартии подействовало опустошительно. Хотя французские коммунисты, несмотря на все запреты, начали сразу же выпускать нелегальное издание 'Юманите' и некоторое количество листовок, однако все это достигало теперь лишь какой-то части масс". Существенные заявления французской компартии, пишет Далем, оставались большей частью неизвестными в широких слоях населения. Далем критически

замечает: "Это факт, что такие массивные удары со стороны классового врага застали нашу братскую французскую компартию в состоянии отнюдь не достаточной подготовленности... В течение нескольких дней реакции удалось тогда в значительной мере изолировать ФКП от масс"¹⁰.

После запрета ее прессы КП Франции находилась в состоянии полного смятения. Полиция стала наблюдать за помещениями, в которых находились партийные организации, активистов (на партийном языке - "кадры") арестовывали при распространении листовок, так что потребовалось проведение подпольных собраний. Многие функционеры не ночевали больше у себя дома. Руководство было в значительной мере парализовано. Жак Дюкло, который временно занимался делами Генерального секретариата, был обеспокоен, поскольку он потерял всякий контакт с Коммунистическим Интернационалом¹¹.

*Джорджо Амендола об эмигрантском руководстве
КП Италии*

В руководстве итальянской компартии, эмигрировавшем во Францию, после заключения пакта между Гитлером и Сталиным также царил необычайное смятение - пожалуй, лишь немногим меньшее, чем в ФКП.

Об этом свидетельствует Джорджо Амендола, бывший в то время членом эмигрантского руководства ИКП в Париже. Рожденный в 1907 году, Амендола изучал экономику в университете Неаполя и в 1929 году примкнул к компартии Италии, находившейся тогда на нелегальном положении. Сначала он работал в итальянском подполье, после чего несколько лет нелегально находился среди

итальянских эмигрантов в Париже. По возвращении в Италию он был в июне 1932 года арестован и осужден. Пять лет он провел в ссылке на острове Понца, в июне 1937 года был освобожден и в октябре снова прибыл в Париж. Он хотел сразу же отправиться в Испанию, но руководство ИКП решило, что он должен оставаться в Париже и возглавить издательство, публикации которого предназначались для итальянских эмигрантов во Франции.

Советская "большая чистка" 1936-1938 годов сказалась и на итальянских коммунистах во Франции: "Бдительность превращалась в бюрократический конформизм, которого прежде мы не встречали в повседневной жизни итальянской коммунистической партии", - вспоминает Амендола; самокритика и исключения "нередко сопровождались инцидентами, достойными сожаления", однако все это, к счастью, не выходило за пределы "чисто итальянских норм поведения", хотя ослабляло руководство и угрожало антифашистской политике единства. Такова была ситуация к моменту, когда стало известно о заключении пакта между Гитлером и Сталиным:

"Заключение договора крайне обострило кризис, который переживала антифашистская политика единства в течение 1938-39 годов, и сразу же привело к изоляции коммунистов", - пишет Амендола. Руководящие коммунисты, такие, как Тольятти, Лонго, Монтаньяна и другие, были арестованы в Париже: "Коммунистическая партия оказалась в изоляции, каналы сообщения были нарушены, основные руководители находились под арестом, наблюдался полный разрыв с другими антифашистскими силами".

Среди итальянских коммунистов, как сообщает Амендола, образовались три направления. Одна группа

коммунистов была готова воевать на стороне Франции в убеждении, что речь шла о демократической войне против нацизма. Однако проявившееся вскоре поведение французских властей, прежде всего, аресты и другие репрессии подействовали как холодный душ и охладили рвение некоторых.

Вторая группа считала, что необходима борьба как против германского, так и против англо-французского империализма. Третья группа заявляла, что итальянским коммунистам следует сосредоточиться на борьбе против итальянского фашизма: "Всё для Италии, все направлено на Италию, фашизм остается нашим врагом, даже если Советский Союз, заключивший германо-советский пакт, относится к нему иначе"¹².

Однако поначалу, как пишет Амендола, было трудно осуществлять это на деле: "Товарищи находились в изоляции и сообщение отсутствовало, так что трудно было что-либо предпринимать. При таких обстоятельствах установление политической линии очень затруднялось. К этому добавлялось и то, что ряд итальянских коммунистов из протеста против пакта отошел от партийных дел, некоторые даже совсем вышли из партии. Из итальянской коммунистической эмиграции здесь в первую очередь нужно назвать Адами (партийная кличка Романо Коччи), который с 1936 года входил в ЦК ИКП и был исключен из партии, потому что выступал против германо-советского пакта. В итальянских тюрьмах некоторые ведущие коммунисты также выступали против пакта, среди них - Умберто Террачини и Камилло Равера, пользовавшиеся общепартийной известностью. Террачини было тогда 44 года, он принадлежал к основателям ИКП в 1921 году, в Москве (под именем Урбани) он входил в Исполком Коминтерна и в Президиум ИККИ; занимаясь подпольной деятельностью в Италии, он был в 1926 году

арестован и приговорен к 22 годам 9 месяцам тюремного заключения. Камилло Равера также был членом ИКП с ее основания; в 1930 году, во время нелегального пребывания в Италии, он был арестован и приговорен к заключению чрезвычайным судом. Оба они, Террачини и Равера, недвусмысленно высказались против пакта и были исключены из партии.

Эти факты Амендола, в отличие от других историков, относящихся к коммунистическому движению, излагает открыто; так же и то, что критики партийной линии (опять-таки редкость для коммунистического движения) были снова приняты в ИКП и участвовали в дальнейшей борьбе. Амендола пишет:

”Большая часть их работала в партизанском движении и вернулась благодаря этому в партию. Многие сражались также во французском Сопротивлении. И в итальянских тюрьмах были коммунисты, настроенные против германо-советского пакта; я думаю при этом об известном случае, связанном с именами Террачини и Раверы. Оба они лишь позже, после возвращения Тольятти, были снова приняты в партию. Как бы то ни было, германо-советский пакт обострил уже имевшиеся противоречия и смятение внутри организованного антифашистского движения”¹³.

Тереза Ноче: Положение итальянских коммунистов во Франции

Описание Амендолы подтверждается также воспоминаниями Терезы Ноче - жены одного из вождей ИКП Луиджи Лонго. Тереза Ноче (1900-1980), происходившая из рабочей семьи, с самой ранней юности участвовала в рабочем движении. Она также принадлежала к основа-

телям итальянской компартии в начале 1921 года, тогда ее называли "бурной мадонной". Поработав в итальянском подполье, в 1926 году она поехала в Советский Союз, посещала там коминтерновскую школу им. Ленина, возвратилась в Италию, руководила там первой забастовкой в период итальянского фашизма, организованной вопреки запрету властей, затем участвовала в Гражданской войне в Испании в составе Гарибальдийской бригады. После поражения Испанской республики Тереза Ноче находилась в Париже, работала журналисткой, писала корреспондентские отчеты для нелегальной газеты "Унита" в Италии и для газеты "Воце делла Италия" во Франции.

Ее муж, Луиджи Лонго, в то время был президентом "Итальянского народного союза" - итальянской антифашистской организации во Франции, в которой была сильна коммунистическая тенденция и которая заботилась об итальянцах, эмигрировавших из Италии и возвращавшихся из Испании.

Положение эмигрантского руководства КП Италии, как сообщает Тереза Ноче, было довольно безнадежным: "К этому времени вообще нельзя было понять, в каком направлении развивалась партия... После роспуска Центрального комитета даже неизвестно было, кто ею руководит". В этой ситуации и поступило известие о заключении германо-советского пакта. Тереза Ноче вспоминает следующее:

"За день до этого мы еще боролись за объединение Франции и Англии с Советским Союзом против Гитлера. И тот факт, что так называемые демократические правительства явно не хотели ничего знать о таком союзе, рассматривался как предательство. Никто не считал возможным, что именно Советский Союз подпишет пакт с нацистской Германией... Сначала товарищи не

хотели верить этому сообщению. Это казалось несомненной провокацией. Когда же нам пришлось убедиться в том, что это правда, мы стали искать причины. Руководство итальянской партии, бывшее тогда - как уже говорилось - далеко не в полном составе, выступило со своими объяснениями слишком поздно. Некоторые товарищи уже пришли к выводу, что заключение пакта объясняется несостоявшимся договором Советского Союза с франко-английской стороной; другие отклоняли всякие объяснения”.

Еще на неделе между заключением пакта и вступлением Франции в войну с Германией (2 сентября) Луиджи Лонго и многие бывшие добровольцы Интернациональных бригад думали, что они и дальше смогут бороться с немцами во Франции, как это было в Испании. Говорили даже о создании легиона итальянских добровольцев во французских войсках. ”В хаотической (как пишет Тереза Ноче) ситуации, сложившейся в те дни”, некоторые ответственные руководители КП - такие, как Романо Коччи (Адами), секретарь ”Итальянского народного союза” - из протеста против русско-германского договора выступили против политики партии и вышли из ее рядов. Несмотря на запутанную ситуацию и недостаточное понимание многими причин, вызвавших заключение пакта, большинство итальянских эмигрантов-коммунистов, согласно Терезе Ноче, сохраняли верность партии.

Во время этого замешательства начались аресты со стороны французской полиции: ”Едва распространилось известие о подписании русско-германского пакта, французское правительство начало арестовывать антифашистов и, в первую очередь, коммунистов - совершенно все равно, были это французы, итальянцы, поляки, испанцы, чехословаки или евреи”.

В эту волну арестов попал и Луиджи Лонго. Тереза

Ноче пишет: "Одного за другим забирали товарищей. Кто не мог уйти в подполье, старался сменить квартиру. Коммунистическая пресса была сразу запрещена, в том числе и 'Воче'. Мы, для которых нелегальное положение не являлось чем-то необычным, не оставались в бездействии. Французская партия также пыталась что-то предпринимать, хотя смятение в ее рядах было еще большим... В непосредственно следовавшее затем время число арестов среди итальянцев и бывших добровольцев Интернациональных бригад все возрастало. Когда уже была запрещена 'Юманите' и началась охота на французских коммунистов, мы не могли больше ожидать помощи и с их стороны".

Самые активные высшие функционеры итальянской компартии были арестованы, среди них - Паэтта, Эудже-нио Реале, Марио Монтаньяна.

Тереза Ноче вспоминает: "Каждый день кто-нибудь из наших не являлся на встречу. У них дома я находила детей и жен в слезах. Помогать семьям становилось все труднее: число арестованных было велико, а денег - в обрез. С ними нужно было обходиться бережливо, помогая семьям, которые были совсем лишены средств".

Особенно поразило Терезу Ноче то, что в этой ситуации ее близкий друг, Лео Вальяни, ушел из партии. С Лео Вальяни она особенно дружила. Когда Вальяни вместе с многими другими итальянскими антифашистами во Франции был арестован, его жена должна была рожать; она была еще очень юной и Тереза Ноче заботилась о ней, особенно потому, что ее родители почти не занимались ею: "С Лео меня всегда связывала сердечная дружба, - вспоминает Тереза Ноче, - но после подписания русско-германского пакта между нами часто возникали споры". Вскоре после этого она получила известие, особенно затронувшее ее: Вальяни покинул

партию из-за своего несогласия с русско-германским пактом и позицией партии по этому вопросу. "Я была этим очень огорчена. Мы с Лео были друзьями, вместе работали. Я была на их свадьбе с Нидией, после его ареста заботилась о ней и ребенке, которого тогда ей предстояло рожать".

Тереза Ноче вспоминает и о многочисленных спорах с Лео Вальяни по поводу советско-германского пакта. Но все-таки она была потрясена тем, что он отрекся от партии. Сначала она не хотела верить этому известию. Когда она убедилась в том, что это правда, она даже заплакала: "Подруги по партии впервые видели меня жалкой, глупо расчувствовавшейся. Потеря товарища и дорогого друга, последовавшая в такой момент и таким образом, подействовала на меня жестоко и ужасающе"¹⁴.

"Спазматические явления"
у писателя Ильи Эренбурга

В высшей степени необычную реакцию на пакт между Гитлером и Сталиным описывает советский писатель Илья Эренбург, который в августе 1939 года находился во Франции в качестве корреспондента советской правительственной газеты "Известия".

Илье Эренбургу было тогда 48 лет, почти с самой юности он участвовал в нелегальном социалистическом движении в царской России. В 17 лет он в первый раз попал в дореволюционную тюрьму. Однако ему удалось бежать из царской России, он прибыл в Париж, где в 1910 году опубликовал свой первый сборник стихов. В парижском кафе "Ротонда" он подружился со многими значительными художниками и писателями, среди которых были Пикассо, Леже, Аполлинер и Модильяни. После

1917 года, во время Гражданской войны Илья Эренбург был некоторое время в Советской России, в 1921 году он уехал обратно в Париж, известность ему принес его первый большой роман "Необычайные похождения Хулио Хуренито"; в 20-е годы он жил то в Советском Союзе, то за границей и написал ряд романов, обративших на себя большое внимание. В 1936-38 годах, во время Гражданской войны в Испании, он был там корреспондентом советских газет. После поражения Испанской республики он работал во Франции корреспондентом газеты "Известия" и узнал о заключении пакта между Гитлером и Сталиным в Париже:

"Вскоре после того как я вернулся в Париж, я услышал по радио, что в Москве подписано соглашение между Советским Союзом и Германией... Умом я понимал, что случилось неизбежное. А сердцем не мог принять".

Илья Эренбург встретил Сурица, бывшего тогда советским послом во Франции:

"Суриц показал мне последний номер "Правды". Я увидел фотографию: Сталин, Молотов, фон Риббентроп и какой-то Гаус; все удовлетворенно улыбались. (Риббентропа я увидел шесть лет спустя в Нюрнберге; но там он не улыбался, предвидел, что его повесят.)

Да, я все понимал, но от этого не было легче...

В тот день я заболел болезнью, непонятной для медиков: в течение восьми месяцев я не мог есть, потерял около двадцати килограммов. Костюм на мне висел, и я напоминал пугало... со мною это произошло внезапно: прочитал газету, сел обедать и вдруг почувствовал, что не могу проглотить кусочек хлеба. (Болезнь прошла так же внезапно, но началась, - от шока: узнав, что немцы вторглись в Бельгию, я начал есть. Врач глубокомысленно сказал: 'Спазматические явления...')

А события разворачивались быстро. Советско-герман-

ский договор был опубликован 24 августа. 1 сентября Молотов заявил, что этот договор служит интересам всеобщего мира. Однако два дня спустя Гитлер начал вторую мировую войну”¹⁵.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПАКТА НА АНТИФАШИСТОВ ДРУГИХ СТРАН

*Англия: Воспоминания Эдит Боун
и Дугласа Хайда*

По сравнению с мощной французской компартией КП Великобритании никогда не играла большой роли. Но даже и в ней Народный фронт вызвал явный приток числа членов: с 6000 в 1934 году - до 18.000 весной 1939 года. "Ее влияние в профсоюзах и внутри лейбористской партии выросло", - утверждал Мануильский на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года, сопроводив, однако, эти слова следующим критическим замечанием: "Несмотря на этот успех, Коммунистическая партия Англии является все-таки наиболее отсталой секцией Коминтерна. Ей не удалось пробиться к основным слоям рабочего класса Англии"¹.

Два английских коммуниста тех лет, Эдит Боун и Дуглас Хайд, хотя и различным образом, описывают свои впечатления тех лет.

Эдит Боун ко времени заключения пакта было 50 лет, она родилась в 1889 году в Бухаресте, закончила медицинский факультет Будапештского университета и во время Первой мировой войны работала в военном госпитале в Венгрии. Потрясенная несправедливостью и страданиями, связанными с войной, она приехала в ян-

варе 1919 года с делегацией Красного креста в Советскую Россию и перешла на сторону большевиков. Во время Гражданской войны она работала в Красной армии, затем была курьером Коминтерна, позже работала в советском торговом представительстве в Берлине, оставаясь при этом сотрудницей Коммунистического Интернационала. После прихода Гитлера к власти в 1933 году Эдит Боун находилась сначала в Париже, принимала участие в издании "Коричневой книги" и затем эмигрировала в Англию.

Эдит Боун оправдывает пакт между Гитлером и Сталиным при помощи несколько необычной для нее аргументации, поскольку она осуждала все, что происходило в Советском Союзе в сталинскую эпоху, основываясь на своих впечатлениях от революционной России (после 1919 года). В своих мемуарах она пишет: "Я была в Петрограде в 1919 году, и я читала действительно абсурдные утверждения в некоторых изданиях британской прессы, где рассказывались ужасные истории о национализации женщин и тому подобном. Разумеется, после этого я не верила всяким страшным сказкам про Советский Союз... Пакт с нацистской Германией был в моих глазах всего лишь искусным маневром, позволявшим выиграть время для того, чтобы Россия могла взяться за подготовку и мобилизацию своих вооруженных сил ввиду неизбежной и надвигающейся решительной схватки".

Хотя Эдит Боун в это время все еще оправдывала советскую политику, она критиковала необходимость постоянно "высказываться за", как это было принято в британской компартии; она пишет: "Мне было очень трудно придерживаться партийных постановлений, потому что, во-первых, я люблю говорить правду и, во-вторых, хотела бы выражать свое мнение; однако обе эти склонности не поощрялись в партии. Кроме того, я не

люблю говорить "да", если я с чем-то не согласна, а как раз этому нужно учиться в коммунистической партии. Так это было, так и остается"².

Эдит Боун столкнулась с "детски поверхностной политикой" английского коммунистического руководства, которое повторяло и защищало все крутые повороты политики СССР. Все это, - пишет она сегодня, - уже тогда вызывало в ней "сильное отвращение", и поэтому она временно отстранилась от участия в партийной жизни. Однако окончательный поворот она пережила только десятилетие спустя. В 1949 году она посетила страну своего рождения - Венгрию; и вот 1 октября, когда она находилась уже в будапештском аэропорту, ожидая посадки в самолет на Лондон, в этот момент ее арестовали и на семь лет посадили в тюрьму, откуда она освободилась лишь благодаря Венгерской революции 1956 года. Тогда она вернулась в Англию - с новым опытом и в новом умонастроении.

Дугласу Хайду, работавшему в английской коммунистической газете "Дэйли Уоркер", было труднее защищать пакт между Гитлером и Сталиным. В первый раз за время своей коммунистической деятельности он оказался во власти серьезных сомнений. Дуглас Хайд, родившийся в 1911 году в Бристоле, происходил из религиозной семьи и с ранней юности находился под впечатлением социальной ангажированности христианства, но во время мирового экономического кризиса он все больше разочаровывался в христианском подходе к реформам, который казался ему недостаточным. Тогда Хайд вошел в организацию "Международная рабочая помощь" ("Межрабпом"), которая считалась внепартийной, но находилась под господствующим влиянием коммунистических партий. Наконец, в 1928 году он вступил в КПВ и поначалу пытался еще объединить христианство и

коммунистическую идеологию, но потом все больше отдавался партийной деятельности. В начале 1938 года он переехал в Лондон и работал там редактором в газете КПВ "Дэйли Уоркер". Пакт между Гитлером и Сталиным, как считает Хайд, "нисколько не беспокоил" опытных функционеров, но у многих членов партии он вызвал "сомнения и трудности". Некоторые представители интеллигенции, которые в период Народного фронта прибились к британской КП, теперь также отвернулись от нее с отвращением. Один известный писатель, который во время антифашистского Народного фронта вступил в компартию, писал в эти дни Хайду: "Чума пусть заберет обоих ваших дядей - дядю Джо Сталина и дядю Адольфа Гитлера".

Большинство партийных пропагандистов, пишет Хайд, спрашивали себя, как же им объяснить все это своим приверженцам. Тревожно чувствовали себя члены партии на предприятиях, оказавшись мишенью для вопросов и насмешек своих товарищей по работе. Особенно сильно критиковали пакт англичане, которые сражались за Испанию и целью которых было "рассчитаться с нацистами". "В первый раз за многие годы", - пишет Хайд о себе самом, - он усомнился в том, "что партийная установка была верной": "я чувствовал себя несчастным и подавленным и доходил чуть ли не до того, чтобы оставить всю свою политическую деятельность"³.

После короткого перерыва Хайд, как и многие другие, все-таки снова взялся за партийную работу. Что его больше всего убедило и впечатлило, это - энтузиазм членов партии в борьбе против гитлеровской Германии во время Второй мировой войны. Только после конца 1945 года, и прежде всего из-за положения дел в Восточной Европе, он стал относиться к партии все более критически; он был возмущен коммунистическим путем в Пра-

ге в феврале 1948 года и показательными процессами в Восточной Европе; в конце 40-х годов он вышел из компартии и позднее вернулся к католицизму.

Италия: Антонио Пезенти в тюрьме Фоссано

Тот факт, что многие итальянские коммунисты - как в эмиграции во Франции, так и в итальянских тюрьмах - с полным недоверием отнеслись к пакту и что некоторые из них даже вышли тогда из партии, уже упоминался в рассказе Амендолы. Но, разумеется, были и такие итальянские коммунисты, которые сразу встали на защиту пакта. Особенно интересный пример тому - Антонио Пезенти; ему было тогда 29 лет, ко времени заключения пакта он находился в итальянской тюрьме и как раз в это время перешел от социалистов к коммунистам.

Антонио Пезенти, родившийся в 1910 году в Вероне и выросший в интеллигентной семье, настроенной антифашистски, учился в Падуанском университете и затем провел три года (1931-34) в Вене, Берне, Париже и Лондоне. В эти три года он вошел в контакт с советскими дипломатами, но оставался все еще социалистом. После возвращения в Италию он стал в декабре 1934 года профессором университета в Сассари, но уже в конце 1935 года был арестован. Во время своего многолетнего заключения в тюрьме Фоссано Пезенти постепенно сделался коммунистом. Решающим толчком к тому послужил пакт между Гитлером Сталиным.

Пезенти вспоминает следующее:

"В конце августа 1939 года был заключен германосоветский пакт о ненападении, который для всех нас, кто находился в заключении, несомненно представлял собой

горькую пилюлю... В спальнях помещениях высказывались оценки и шли дискуссии". Хотя Пезенти сожалел о заключении германо-советского договора, однако он был убежден, что, в конце концов, это был верный шаг, и старался объяснить это своим товарищам в тюрьме: "Правда, такое понимание вещей вызывало среди нас очень даже немалые споры. Однако я настолько был убежден в своей точности зрения, что мне хотелось открыто защищать свою позицию. Я чувствовал себя обязанным вмешиваться в споры, бурно разыгрывавшиеся в спальнях залах, и особенно, когда товарищи из 'Справедливости и свободы' представляли пакт как 'предательство', хотя сомневающимся хватало и среди коммунистов"⁴.

Тогда-то Пезенти написал письмо в ИКП и доводил до сведения всех, что только теперь он понял, что он коммунист, и просил партию рассматривать это как официальное заявление.

*Венгрия: Золтан Ваш
в Будапештской тюрьме*

Для венгерского коммуниста Золтана Ваша пакт между Гитлером и Сталиным означал поначалу "идеологическую неразбериху", которая, однако, странным образом разрешилась для него, в конце концов, освобождением из тюрьмы и поездкой в СССР.

Золтан Ваш (1903-1982) происходил из буржуазной семьи, с 16-ти лет он принимал участие в коммунистическом молодежном движении, существовавшем тогда нелегально. В 18 лет он был уже арестован, благодаря советско-венгерскому обмену пленными попал в Советский Союз, провел там три года и возвратился в 1924 году в Венгрию для нелегальной работы. Через год Ваш

был снова арестован и приговорен к 15-ти годам тюрьмы. Известие о заключении германо-советского пакта он получил следующим образом:

”Я узнал об этом событии, когда после окончания моей часовой прогулки один офицер, настроенный профашистски, сказал мне: ‘Вчера Гитлер и Сталин подписали пакт, с этого дня они - единомышленники’ ”. Легальным путем газеты вообще не доходили до Золтана Ваша, только иногда ему удавалось достать один-другой номер газеты контрабандой. Он ничего не знал о пакте между Гитлером и Сталиным, поэтому и не понял, что собственно имел в виду офицер. Тот, однако, продолжил свои объяснения и сказал, что два министра иностранных дел - фон Риббентроп и Молотов - подписали договор между Германией и СССР.

Ваш вспоминает: ”Я все еще не решался поверить этому известию, потому что тюремные офицеры занимались так сказать и ‘уловлением душ’. Все время я подвергался попыткам всячески переубедить меня, заставить отречься от коммунизма. Меня уже неоднократно кормили всякими небылицами. Но тюремный офицер показал мне снимок, который венгерские газеты перепечатали из ”Правды”. На нем были изображены Молотов и фон Риббентроп в Москве при подписании договора. Центральной фигурой на снимке был Сталин.

’Невероятно’, - сказал я. Тем не менее, я начал перестраиваться на то, чтобы понять непонятное. В течение всей моей коммунистической деятельности, даже и в тюрьме, я вместе с коммунистами всего мира был твердо убежден в следующем: то, что хорошо и выгодно для Советского Союза, то безусловно хорошо и для приверженцев коммунизма, хорошо для всех коммунистических партий... Эта принципиальная установка помогла мне

теперь понять и известие, которое сообщил мне тюремный офицер”.

Ваш тоже считал тогда, что Советский Союз пытается только выиграть время, он тоже надеялся, что продолжится борьба коммунистов против фашизма. Но когда в конце сентября 1939 года Ваш узнал, что Советский Союз подписал с Германией договор о взаимных границах и дружбе, у него, как он пишет в своих воспоминаниях, "перехватило дыхание". "Так и я впал в идеологическую неразбериху, я, коммунист, заточенный в тюрьме. Мог ли я предположить, что как раз этот пакт позволит мне освободиться и в ноябре 1940 года вместе с Ракоши отправиться в Советский Союз?"

Действительно, осенью 1940 года было заключено соглашение между венгерским правительством Хорти и Советским Союзом, по которому ряд заключенных венгерских коммунистов смог выехать в СССР; за это Советский Союз передал Венгрии несколько венгерских знамен, которые в 1848 году, после поражения венгерской революции, были взяты войсками русского царя в качестве трофеев.

Золтан Ваш прибыл в Советский Союз осенью 1940 года, пробыл там только четыре года, в 1944 году возвратился в Венгрию, был бургомистром Будапешта и позднее возглавлял работы по планированию. С 1945 года Ваш был членом ЦК венгерской партии, в 1948-53 годах - даже членом Политбюро. После смерти Сталина выступал за реформы, поддерживал Имре Надя и венгерскую революцию 1956 года. За это он был вместе с Имре Надем депортирован в Румынию и только в 1958 году смог вернуться в Будапешт. В партию Золтан Ваш больше не возвращался, до своей смерти в 1982 году он жил в Венгрии в полном уединении, занимаясь писательским трудом.

*Коммунисты Югославии: Согласны с пактом,
но борьба продолжается*

Во главе находившейся тогда под запретом югославской компартии стоял Иосип Броз, известный под именем Тито. Ему было тогда 47 лет, он родился в 1892 году в семье хорватского крестьянина, был рабочим-металлистом; во время Первой мировой войны (15 марта 1915 года) он попал в русский плен, из которого освободился благодаря революции 1917 года. В сентябре 1920 года Тито вступил в КП Югославии, кроме того, входил в профсоюз рабочих-металлистов Хорватии. Он был арестован и с конца 1928 года по 1934 находился в заключении. С июля 1934 года Тито становится членом ЦК, с декабря - членом Политбюро. Когда Тито стал генеральным секретарем КПЮ, он перенес руководство компартией из эмиграции в Югославию. В 1938-39 годах Тито два раза побывал в Москве и ощутил в ходе чисток, что там с большим недоверием относятся к югославским коммунистам. В марте 1939 года Тито вернулся в Югославию.

"Затем наступил август 1939 года: советско-германский пакт. Мы принимали этот договор как дисциплинированные коммунисты и рассматривали его как необходимую меру для обеспечения безопасности Советского Союза, являвшегося в то время единственным социалистическим государством в мире. Мы ничего не подозревали тогда о существовании секретных соглашений, позволявших СССР посягать на права других (прежде всего - малых) наций.

Но этот советско-германский договор несколько не отвлек нас от тщательных приготовлений, направленных на защиту родины от возможного нападения, не повлиял он и на общую партийную линию, - направленную на

великую битву с немецким и итальянским империализмом”⁶.

Руководящая идея, заключающаяся в согласии с пактом, но продолжении борьбы с германским фашизмом, выступает также в воспоминаниях Милована Джиласа и Светозара Вукмановича.

28-летний Милован Джилас уже тогда принадлежал к руководству КП Югославии. Ко времени заключения пакта между Гитлером и Сталиным он был членом ЦК и Политбюро. Хотя позже Джилас стал одним из самых резких критиков коммунистической диктатуры, тогда, в 1939 году, он был еще убежден в верности сталинской линии. В своих воспоминаниях, появившихся в 1973 году, он пишет, что тогда он принял германо-советский пакт с безоговорочным одобрением: ”Все руководящие коммунисты поступили таким же образом, хотя имелись и известные колебания, - пишет Джилас. - Мы уже были натренированы в том, чтобы испытывать абсолютное доверие к Советскому Союзу и ко всем решениям советского руководства”. При этом Джиласу было ясно, что пакт способствовал началу войны и находился в непосредственной связи с вопросом о Польше:

”Сообщения о германо-советском пакте всего несколько дней тому назад появились в утренних газетах. У Национального театра я встретил одного левого интеллигента, я уже не помню, кто это был. Он полагал, что это событие должно иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Я резко напал на него. Я видел в этом только положительные аспекты для Советского Союза, а отсюда - и для нас, коммунистов. Я знал, что нападение на Польшу было неизбежным и что западные державы ответят на это объявлением войны. Таким образом, думал я, Советскому Союзу предостав-

ляется грандиозная возможность для распространения социализма за счет обеих воюющих сторон”⁷.

Возможно, в действительности Джилас был все-таки сильнее озадачен происшедшим, чем он высказывается об этом в своих воспоминаниях. По крайней мере, так пишет об этом Светозар Вукманович-Темпо, бывший рядом с Джиласом в то время, когда стало известно о заключении пакта между Гитлером и Сталиным.

Светозару Вукмановичу (Темпо - его партийная кличка) было тогда 27 лет; он родился, как и Джилас, в Монтенегро, учился юриспруденции в Белградском университете, участвовал сначала в коммунистическом студенческом движении и в 1932 году стал членом нелегальной КП Югославии. В 1935 году Вукманович сдал государственный экзамен по юриспруденции, но юристом никогда не работал, а занимался исключительно подпольной партийной деятельностью. Он пишет в своих воспоминаниях, что иногда у него были сомнения (например, он сомневался в том, что Троцкий действительно был "агентом империализма"), но, несмотря на это, он неустанно продолжал свою партийную деятельность, был неоднократно арестован и сидел в тюрьме; в последний раз он освободился из заключения только в июле 1939 года. Во время подписания пакта Вукманович был членом регионального комитета КП в Сербии. Он пишет:

"Однажды в августе 1939 года я встретил Джиласа, который находился в состоянии крайнего возбуждения. Только что был опубликован германо-советский пакт о ненападении. Джилас возбужденно ходил по комнате и пытался уяснить себе, какое значение будет иметь этот поворот событий для сохранения нашей собственной партии. Через некоторое время он сказал: 'На нашу готовность защищать родину это вообще никак не влияет - ничто не может сбить нас с этого пути!' На меня

произвело глубокое впечатление то, как мужественно отстаивал он свои позиции в новой и запутанной ситуации”⁸.

Однако, несомненно, что и у югославских коммунистов возникали в связи с пактом проблемы личного и политического характера. Вилько Винтерхальтер, в это время состоявший уже в КП Югославии и ставший позже биографом Тито, пишет в своей книге, появившейся в 1969 году: ”Даже сегодня, 30 лет спустя, бывает все еще трудно описать свои мысли и чувства по поводу некоторых событий в интернациональном рабочем движении”. Все активные участники коммунистического движения натолкнулись тогда в связи с пактом на некую границу, ”до которой можно и нужно понимать вещи рационально, до которой они остаются логически оправданными”. Эта ситуация, пишет Винтерхальтер, сковала их инициативу и мешала ”поиску собственных решений, которые всегда необходимы”⁹.

Иржи Пеликан и критически настроенные школьники в Праге

С марта 1939 года германские войска оккупировали Чехословакию и чешские земли были официально объявлены ”протекторатом Богемии и Моравии”. Через пять месяцев дело дошло до пакта между Гитлером и Сталиным. В трагической ситуации оказались коммунисты Чехословакии.

Иржи Пеликан, родившийся в 1923 году в небольшом чешском городе Оломоуце, как раз в это время вступил в компартию, находившуюся в подполье. Образцом для юного Иржи Пеликана служил его брат, бывший на семь лет старше его, учившийся медицине и с 1936 года

состоявший в партии. Брат внушал ему: "Если у тебя есть сомнения, доверься Советскому Союзу и партии, потому что они знают, что нужно делать".

После Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 года пятнадцатилетний Иржи Пеликан вместе со своими друзьями переживал состояние, в котором смешивалось бессилие и горячее желание что-нибудь сделать. Через несколько месяцев после Мюнхена, в марте 1939 года, Чехословакия была оккупирована.

Брат Пеликана был членом подпольной коммунистической ячейки. Благодаря ему Иржи Пеликан попал в летний лагерь, который подпольно руководился компартией, представляя собой ее организацию. "Мы проходили курсы политучебы по марксизму, антифашистской борьбе, диалектическому материализму, истории Советского Союза, - вспоминает Пеликан. - По вечерам у лагерного костра мы пели революционные песни, песни советских партизан, декламировали стихи". Некоторых из нас старшие товарищи готовили к подпольной борьбе.

Вскоре после этого Пеликан вступил в подпольную КП Чехословакии: "Один хороший знакомый, который оказался партийным секретарем в нашем городе, сразу созвал нас вместе. Он спросил, готовы ли мы распространять листовки и партийную газету, вести агитацию среди гимназистов? Мы были готовы. Он обучил нас правилам проведения подпольных акций. И кроме того, поскольку мы включились в подпольную работу, он дал нам возможность без испытательного срока вступить в коммунистическую партию... С этого дня мы принадлежали ко всей большой, не только чехословацкой, но интернациональной семье коммунистического движения. Для меня это было исключительным событием. Это было началом двойной жизни: с одной стороны - школа и поведение обычного школьника, как это рекомендовалось

партией; с другой - тайные акции вечером или ночью, выполнение заданий, дававших мне ощущение, что я служу важному делу. Наш идеал был у нас перед глазами: советское общество, которое не страдало от угнетения человека человеком, от безработицы и несправедливости... Мы были мотором истории!"

Но это была лишь одна сторона медали, пишет Пеликан, ибо теперь ему и его товарищам пришлось столкнуться с чем-то совершенно новым, что представлял собой пакт между Гитлером и Сталиным.

"Известие о пакте между Германией и Советским Союзом оглушило нас, как раскат грома. В нашем представлении Советский Союз был главным противником гитлеровской Германии. Как же мы должны были понимать теперь этот пакт? Я отчетливо помню многие бессонные ночи, дискуссии с моим братом и другими товарищами; они объясняли нам: Советскому Союзу угрожает изоляция со стороны союзных сил Запада; Франция и Великобритания не хотят заключать с ним настоящего пакта; они хотят, чтобы на него напала Германия и чтобы он был уничтожен". Еще интереснее была аргументация старшего брата Иржи Пеликана, к которой нужно будет еще раз вернуться позже:

"Мой брат все время повторял: 'Ты должен понять нас. В революции бывают периоды наступлений и отступлений. Определенный отход может поначалу казаться поражением, но позже он может обернуться победой. Поскольку СССР - единственная социалистическая страна в мире, он должен был не дать себя окружить и заключил этот пакт с Гитлером, как и Ленину когда-то пришлось в Брест-Литовске договариваться с императором: он использовал противоречия между капиталистическими странами, чтобы спасти социализм и возбудить про-

цесс, который, в конце концов, должен был пойти ему на пользу.

Все это так, но как мне было объяснить это моим школьным товарищам? 'Вот, - говорили они, - Сталин объединился с Гитлером и, если ты симпатизируешь коммунистам, это значит, что ты - предатель: теперь ведь и Москва отреклась от Чехословакии'".

Пеликан старался объяснить им тактические причины, оправдывающие заключение пакта, хотя эти дискуссии, как он писал позже, вовсе не рассеивали его собственных сомнений. Дело было не только в пакте, но и в том, что тогда было слышно из Москвы: "В чешских передачах московского радио расхваливались, к нашему большому удивлению, успехи советского сельского хозяйства, увеличение количества свиней и сельскохозяйственных машин в то время, как вокруг нас гестапо арестовывало, пытало и убивало наших товарищей и патриотов. Но об этом ни слова не говорилось по радио 'Москва', ни слова критики в адрес гитлеровского режима"¹⁰.

Большое смятение, охватившее коммунистов Чехословакии, оккупированной немецкими войсками, отражается и в других воспоминаниях. Например, Густа Фучикова, вдова Юлиуса Фучика (которого она называет Юлек), вспоминает о том, как они восприняли известие о заключении пакта, находясь в Пльзени:

"В августе 1939 года Советский Союз заключил с гитлеровской Германией пакт о ненападении. Люди были в смятении, для нас это тоже было неожиданностью. Многие приходили к Юлеку - бургомистр, наш жилец, железнодорожник, высланный из Словакии, и многие рабочие, занятые в пльзеньской промышленности, и все они в один голос сетовали: 'Вот, русские отступились от нас! А мы только им и доверяли, на них были направлены все

наши надежды об освобождении от Гитлера. Вместо этого они с ним подружились! С главным нашим врагом!"

Однако самого Фучика Густа Фучикова, чьи мемуары появились в Чехословакии (и позднее в Восточном Берлине), представляет верным партийцем, не терявшим надежд: "Юлек не колебался. Он непоколебимо верил в Советский Союз. Терпеливо он разъяснял людям, что западные державы ведут предательскую политику и настроены против СССР. Он заверял каждого в том, что Советский Союз никогда не оставит наш народ в беде..."¹¹

Бельгия: Леопольд Треппер и "Красная капелла"

Леопольд Треппер, позднее известный как легендарный руководитель "Красной капеллы", работал тогда в Бельгии по заданию советской разведки. Треппер родился в Польше и в юности уехал в Палестину, там в 1925 году он вступил в компартию (КПП), неоднократно был арестован и позднее работал секретарем восточного отдела партии в Хайфе. В 1932 году Треппер приехал в Советский Союз, где он закончил "Коммунистической университет национальных меньшинств Запада", принимал участие в знаменитом 7-ом конгрессе Коминтерна (25 июля - 8 августа 1935 года), после чего был приглашен в управление советской военной разведки (на Знаменской ул., 19). По ее заданию он отправился в декабре 1936 года в Антверпен, а затем, в начале 1937, в Париж. Летом 1937 года Треппер вернулся в Москву и получил задание создать в Брюсселе разведывательный центр под прикрытием импортно-экспортной организации, которая была осенью 1938 года основана и зарегистрирована под названием "The Foreign Excellent Trench-Coat". Треппер снимал тогда в Брюсселе непри-

метное жилище на авеню Больс, 117. Здесь он узнал о заключении пакта между Гитлером и Сталиным; в автобиографии Треппер пишет:

"Я мог наблюдать, какое замешательство вызвал этот политический шаг у воинственных бельгийских коммунистов. Одни смирились с тяжелым сердцем, другие в отчаянии выходили из партии".

О том, как отнеслись к пакту он сам и его друзья по "Красной капелле", находившейся тогда в процессе создания, Треппер рассказывает:

"В этой буре, когда история обличала ложь воззрений и идеалов, мы - создатели первоначального ядра 'Красной капеллы' - цеплялись за одно единственное соображение: какие бы еще виражи ни предпринял Сталин, война с Германией была неизбежна. Такая ориентация спасала нас от крушения в этой буре. Нужно было выстоять, что бы там ни происходило. У нас могли быть и были разные настроения, но мы не имели права дезертировать, отказавшись от исполнения нашей миссии".

Но и этой позиции нелегко было придерживаться, поскольку Трепперу скоро пришлось убедиться в том, что Москва, по всей видимости, не испытывала больше интереса к разведывательной деятельности, направленной против гитлеровской Германии.

Он пишет об этом: "В конце 1939 года я понял, что новое руководство Центра не заинтересовано больше в создании 'Красной капеллы'. Оттуда не только перестали присылать обещанных связных в филиал 'Roi du Caoutchouc', но я получил несколько радиogramм, в которых каждое слово обычно тщательно взвешивалось, и в них настаивали на том, чтобы я отослал Аламо и Кента (Сьерру) в Москву, а Лео Гросфогеля в США. Что касается меня, я должен был также вернуться в Москву... С тех пор я получал указания, не имевшие ничего общего с

созданием 'Красной капеллы' и даже ставившие под угрозу ее существование и ее цели"¹².

*Швеция: Разногласия в лагере
для интернированных Лока Брун*

До сих пор речь шла почти исключительно о первых реакциях на заключение пакта. Но проблемы, противоречивые оценки и дискуссии возникали еще в продолжение месяцев. Об этом рассказывает Рут Зейдевиц, которая весной 1940 года попала в шведский лагерь для интернированных Лока Брун, где было много эмигрантов (преимущественно немцев и австрийцев), успевших вовремя бежать в Швецию из занятых уже немцами Норвегии и Дании.

Рут Зейдевиц, урожденная Левинская, родилась в 1905 году в Оппельне (Ополе), изучала историю искусства и философию в университете Бреслау, в 1923 году вступила в партию социал-демократов и переселилась в Вену, где она, чтобы обеспечить себе независимый заработок, стала профессиональной портнихой. Позже она приехала в Германию, принадлежала там к левому крылу СДПГ, некоторое время находилась под влиянием сочинений Троцкого. В 1931 году она вступила в "Социалистическую рабочую партию", все руководство которой осуществлял Макс Зейдевиц, ставший потом ее мужем. После победы Гитлера Рут Зейдевиц бежала в Чехословакию, куда в 1934 году прибыл и ее муж, тайно вступивший в компартию, но для общественности все еще остававшийся руководителем вышеназванной партии. После Мюнхенского соглашения, осенью 1938 года супруги Зейдевиц уехали в Норвегию, там они в первое время жили у Вилли Брандта в Осло, пока не сняли себе соб-

ственное жилье. Когда 9 апреля 1940 года Гитлер напал на Норвегию, они оказались в гротескной ситуации: им нужно было бежать от гитлеровских войск, а советские газеты в это время с одобрением сообщали о нападении гитлеровской Германии на Данию и Норвегию. Совершив рискованный переход границы, они попали в Швецию и там были отправлены в лагерь для интернированных Лока Брун (Даларна). Здесь много спорили о пакте между Гитлером и Сталиным:

"Через открытое окно я могла слышать, о чем говорили снаружи, на скамейке, - вспоминает Рут Зейдевиц. - Самые резкие споры шли о германо-советском пакте. Одни размышляли о том, на самом ли деле Советский Союз собирался, как он предлагал правительствам Англии и Франции, создать прочный оборонительный блок против фашистской Германии и для этого заключить договор с ними. Другие говорили, что неверно было бы утверждать, будто оба западных партнера вовсе не намеревались серьезно вести переговоры с СССР, что западные державы относились к вопросу с полной ответственностью. Это неверно, возражали третьи, иначе бы они не посылали в Москву для переговоров таких незначительных, второклассных и третьеклассных представителей. Четвертые находили возмутительными утверждения некоторых коммунистов о том, что Англия и Франция будто бы хотели при помощи этой неблагоприятной тактики только выиграть время для ведения тайных переговоров с гитлеровской Германией".

С очевидным сочувствием рассказывает Рут Зейдевиц о нескольких австрийских коммунистах, остававшихся верными партии: "Что же, вы совсем ничего не понимаете?" - горячились они, выступая против тех "туполобых", которые не понимали, что "Советский Союз должен считаться с возможностью нападения нацистов и

защищаться. Ему ведь нужно выиграть время - вот в чем дело!" Так это и продолжалось, спорящие все время перебывали друг друга, нападали друг на друга, и вряд ли кто-нибудь уже понимал, чью правоту теперь следует признавать"¹³.

*Вальтер Брингольф в Швейцарии:
"Пакт означает выдачу Польши"*

Одна из самых примечательных реакций на пакт между Гитлером и Сталиным принадлежит Вальтеру Брингольфу (1895-1981), бывшему одним из ведущих швейцарских коммунистов, но к тому времени уже вернувшемуся к социал-демократам.

Вальтер Брингольф был делегатом на Втором конгрессе Коминтерна в Москве летом 1920 года, он принадлежал к основателям КП Швейцарии в марте 1921 года, с 1925 был коммунистическим депутатом от кантона Шафхаузен в Национальном совете (швейцарском парламенте), в конце 20-х годов перешел в оппозицию КП (КПО), многие годы был председателем городского общинного совета Шафхаузена, в конце 30-х годов вместе со своими друзьями-коммунистами вошел в Социал-демократическую партию Швейцарии, был председателем ее фракции в швейцарском парламенте в 1945-52 годах и председателем СДП Швейцарии в 1952-62 годах.

Летом 1939 года Брингольф был в Париже и встречался там с Вилли Мюнценбергом, который в это время уже порвал с компартией и издавал свой собственный журнал "Цукунфт". Из Парижа Брингольф поехал в Швейцарию, в Базеле его настиг экстренный выпуск газеты "Национальцайтунг" с заголовком "Перед заключением германо-русского пакта о ненападении". Брин-

гольф поехал из Базеля дальше в Цюрих и встретился там с тогдашним председателем СДП Швейцарии Хансом Опрехтом и некоторыми другими ведущими швейцарскими социал-демократами для обсуждения положения.

Сразу вслед за этим Брингольф написал свой комментарий к событиям, который 22 августа 1939 года (таким образом, еще за день до подписания пакта!) был напечатан в социал-демократической газете "Фольксрехт" под заголовком "Договоренность между Берлином и Москвой". Там Брингольф писал, что это известие чрезвычайно важно для рабочего класса и для всех, кто находится в борьбе против фашизма, поскольку связано с новым глубоким разочарованием. Далее Брингольф писал буквально следующее:

"Текст пакта о ненападении в данный момент еще не известен. Пакт как таковой означает (и в этом мы ни на минуту не должны заблуждаться) выдачу Польши. Даже в том случае, если пакт о ненападении подразумевает только нейтральную позицию Советского Союза в возможной европейской войне, Польша становится открыта для немецкого вторжения... Гитлер совершил последние приготовления к этой войне. Германская армия готова к походу на Польшу... Из-за такого нового поворота событий чрезвычайно осложняется и положение Швейцарии. Несмотря на это, мы не хотим и не должны ни на минуту терять веру в свободолюбивые силы Европы и прежде всего в свои собственные силы. Для тех, кто понимает положение вещей, помощь со стороны России всегда находилась под вопросом. Если Россия теперь уходит в сторону и не интересуется больше борьбой против национал-социализма и итальянского фашизма, обуянных безумной жадной властью и завоеваний, нам не остается ничего другого, как принять это к сведению. Это связано с чувством разочарования, возмуще-

ния, горечи. Но ни на минуту это не должно приводить к пораженчеству, к уменьшению веры в наши собственные силы. Свободолюбивые силы Европы должны исполнить свою миссию и рабочий класс Швейцарии не может отказаться от участия в этой борьбе”¹⁴.

*Тревоги политсекретаря КП Швейцарии
Жюля Юмбера-Дроса*

Жюль Юмбер-Дрос, бывший тогда политическим секретарем КП Швейцарии, уже был полон сомнений относительно сталинской политики Москвы, когда до него дошло известие о заключении пакта между Гитлером и Сталиным.

Юмбер-Дрос (1891-1971) был сначала протестантским священником и во время Первой мировой войны как убежденный пацифист отказался от военной службы. Он принадлежал к левому крылу швейцарской социал-демократической партии, уже в 1920 году приезжал в Москву и неоднократно встречался там с Лениным. В марте 1921 года он участвовал в создании КП Швейцарии и вскоре после этого, на 3-м конгрессе Коминтерна в Москве (22 июня - 12 июля 1921 года), он был выбран в секретари ИККИ. В качестве коминтерновского эмиссара Юмбер-Дрос (под различными псевдонимами) много раз бывал у коммунистов Франции, Италии, Испании и Южной Америки. В управлении Коминтерна он с лета 1924 года являлся членом оргбюро и ноября 1926 года - членом политсекретариата. Когда в конце 1928 года началась борьба с левосектантским уклоном Коминтерна, Юмбер-Дрос подвергся нападкам со стороны самого Сталина и был отстранен от всех должностей в Коминтерне. Он выступил с самокритикой

вернулся в Швейцарию и оставался там еще несколько лет членом Политбюро и политсекретарем КПШ.

В дни, когда был заключен пакт, он много общался с другим деятелем швейцарской компартии - Марино Боденманом, который также принадлежал к основателям КПШ, с середины 20-х годов был членом Политбюро, с 1939 года - коммунистическим депутатом в швейцарском парламенте и, в то же время, редактором партийной газеты "Фрайхайт" в Базеле.

Юмбер-Дрос пишет:

"Новость (о пакте) сообщил мне, разбудив меня в шесть часов утра 24 августа 1939 года, Марино Боденман, бывший тогда редактором 'Фрайхайт'. Моя первая реакция была - буквально: 'Вляпались! Этого только нам не хватало!' Что теперь делать? Конечно, попытаться объяснить это тем, что СССР хочет уклониться от войны и сохранить мир для своего народа. Конечно же, этим мы и занимались... Между тем, я ощущал новый поворот сталинской политики как предательство всей нашей борьбы за мир, борьбы против фашизма. Ибо было очевидно, что Гитлер прежде, чем начать войну, хотел обезопасить себя от помех на Востоке. Германия не могла воевать на два фронта и пакт о ненападении обеспечивал ей, если не прямую военную поддержку, то все-таки благожелательный нейтралитет со стороны СССР и некоторую помощь, в которой Германия нуждалась. Этим пактом Сталин обязывался не оказывать поддержки державам, которые могли бы напасть на гитлеровскую Германию... Этот пакт был только началом, за которым последовали новые предательства: вторжение в Польшу Красной армии и раздел ее между Гитлером и Сталиным, агрессия против Эстонии, Латвии и Литвы и присоединение их к СССР, хотя Ленин признал их независимость... Я все еще оставался на посту председателя Коммунисти-

ческой партии Швейцарии... Стоило бороться за спасение Советского Союза и свободы во всем мире. Несмотря на Сталина и вопреки его политике"¹⁵.

О душевном разладе, который испытывал тогда Юмбер-Дрос, говорит в подробном интервью его жена Женни, также всю жизнь очень активно занимавшаяся политикой. Они оба, ее муж и она, даже во время больших процессов в Москве верили официальной коммунистической информации, хотя и относились к ней несколько критически. В то же время они, впрочем, как и многие другие коммунисты тех лет, надеялись на положительные перемены в будущем: "Мы были убеждены, что когда-то произойдет большой перелом и все пойдет по верному пути. Мой муж и я оставались в партии до тех пор, пока это было возможно, пока нас не исключили". На вопрос, не испытывали ли они при этом "душевного разлада", Женни Юмбер-Дрос ответила: "Еще большим этот разлад стал в 1939 году, когда был заключен союзный договор между Гитлером и Сталиным, когда мы почувствовали, что что-то неладно. Тогда мы испытывали большие сомнения, но, несмотря на это, продолжали работать, хотя мы были уже отстранены от всякой деятельности и находились в партии в очень изолированном положении"¹⁶.

Таинственные "топиньерские радисты"

Высота "Топиньер" ("Кротовый холм") находится в горах французской Швейцарии, на уровне 1200 метров. Тогда там в совершенном уединении стоял модернизированный крестьянский двор. Задняя часть дома представляла собой хлев, над ним помещался сеновал, жилая часть дома состояла из трех комнат. Глубоко внизу можно

было видеть долину кантона Монтрё и Женевское озеро. Вокруг высились французские Альпы, достигающие 3000 метров. За домом росло после нарциссов. Цветы пахли так сильно, что по ночам приходилось закрывать окна. Дороги к дому не было, машину приходилось оставлять за полкилометра от него, в ближайшем селении. Только узкая, едва заметная тропинка в траве вела на "кротовый холм". Здесь, на высоте Топиньер, находилась радиостанция, перекрывавшая расстояние более чем в 2000 километров и поддерживавшая связь с Москвой.

Радиопередатчик был хорошо укрыт. В верхней комнате был встроенный бельевой шкаф, под нижним отделением которого находилось полое пространство, закрытое досками. Там и был установлен передатчик, который во время работы его не приходилось даже вынимать оттуда. Оба отверстия для банановых штепселей были заткнуты кусочками дерева и выглядели снаружи, как естественные сучки.

Рут Вернер прибыла на Топиньер в октябре 1938 года. Ей был тогда 31 год, она родилась в Берлине, училась сначала книготорговому делу, в мае 1926 года вступила в КПГ. Очень скоро ее стали использовать для "особых заданий": сначала, в 1930-32 годах, она была в Китае, где учила китайский язык и обучалась правилам конспиративной работы у знаменитого советского шпиона Рихарда Зорге. В 1933 году она вернулась в Советский Союз, где проходила дальнейшую подготовку в школе "разведчиков" (слово "шпион" там всегда используется для противников, своих шпионов называют "разведчиками"). Через Прагу и Триест в апреле 1934 года Рут Вернер снова прибыла в Китай; на этот раз она вела разведывательную работу в Шанхае, Мукдене и, наконец, в Пекине. Вернувшись в 1935 году в Москву, она получила задание учить польский язык, в феврале

1936 года приехала в Варшаву и затем, в конце года, в Данциг; и там, и там она устанавливала передатчики и вела сообщение с Москвой.

Весной 1938 года Рут Вернер снова была в Советском Союзе и, как можно заключить из ее воспоминаний, появившихся в ГДР, совсем не заметила, что шла там большая чистка. Вместо этого она рассказывает о том, как получила повышение в чине, став из капитана майором, и как "советский президент" Калинин вручал ей орден Красного Знамени. Ее следующим заданием было: отправиться сначала в Англию, а затем осесть в Швейцарии для осуществления оттуда радиосвязи. В Лондоне она встретила человека, работавшего на советскую разведку: "Я рассказала ему только самое необходимое: я нуждаюсь в одном или двух товарищах, которые показали себя храбрыми и надежными в испанских сражениях и были бы готовы отправиться в Германию для опасной подпольной работы. Советский Союз я не упоминала вовсе".

Таков рассказ Рут Вернер; позднее обнаружится важность ее последнего сообщения. С помощью упомянутого агента она нашла двух молодых надежных товарищей. Один из них был Аллан Фут, получивший вскоре подпольную кличку "Джим"; Рут Вернер его оценивает так: "Он соображал быстро и задавал разумные вопросы. Он казался ловким и находчивым, это было выгодно для нашей работы; в новой, необычной ситуации он должен был реагировать быстро. Несомненно, он показал себя храбрым бойцом в Испании, иначе его не предложили бы взять на эту работу... Джим произвел на меня хорошее впечатление". Критически отмечает Рут Вернер, что Джим придавал слишком большое значение хорошей еде и любил выпить и что иногда его высказывания приобретали налет цинизма, - но поскольку он выска-

звался таким образом только против политических врагов, это не казалось чем-то отрицательным. 30-летний Джим был высокий светлокожий рыжеватый блондин со светлыми ресницами и голубыми глазами, он хорошо выглядел и умел держаться в обществе. Он должен был внимательно следить за обстановкой, находясь в Мюнхене, искать знакомств среди нацистов и, если это будет возможно, установить связь с авиационными заводами фирмы "Мессершмитт".

Второй сотрудник, также английский коммунист, был 25-летний Лен, шатен с густой шевелюрой, со сросшимися бровями и ясным взглядом темно-зеленых глаз, худой, но мускулистый и сильный. На критический взгляд Рут Вернер он производил несколько мальчишеское, незаконченное впечатление, но зато, в противоположность Джиму, был неприветлив в материальном отношении. Он с воодушевлением согласился, когда узнал, что его рекомендовали для опасной работы в нацистской Германии. Он должен был обосноваться во Франкфурте-на-Майне и пытаться завязать контакты в химическом концерне "ИГ Фарбен-индустри".

Оба они должны были не только собирать информацию, но также подготавливать почву для актов саботажа и других подпольных акций, а затем проводить их.

Последним, в конце апреля 1939 года, в группу вошел "Герман", который поселился в западной Швейцарии, во Фрибуре, с тем, чтобы первые месяцы вести себя тихо, найти подходящее место и установить там второй радиопередатчик. Он был немецким коммунистом, сражавшимся в Испании; к нему Рут Вернер испытывала полное доверие. Единственное, за что можно было зацепиться у "Германа", - его финский паспорт, хотя он ни слова не знал по-фински.

В начале октября 1938 года Рут Вернер добралась до

Швейцарии и после короткого пребывания в Лозанне поселилась в уже описанном выше доме на высоте Топиньер. Ей сравнительно быстро удалось приступить к работе. Сообщение с Москвой было хорошее, укрытие - даже отличное. Из прихожей на втором этаже дома одна дверь вела на чердак, который служил сеновалом; крестьянин выбирал сено с внешней стороны, не добываясь при этом до той второй двери, от которой единственный ключ находится у Рут Вернер; в сене она и прятала свои материалы. Очень скоро она завела знакомства в Женеве, в том числе - с одним англичанином, занимавшим высокое положение в Лиге Наций, и с женщиной, заведовавшей библиотекой Лиги Наций и знавшей многих людей. Теперь Рут Вернер, вслед за английским, русским, польским и китайским языками, выучила еще и французский.

Она полностью отдавалась борьбе с гитлеровской Германией, что означало не только сбор информации, но и организацию саботажа и поддержку движения Сопротивления. В этой ситуации ее достигло известие о заключении пакта между Гитлером и Сталиным. Как раз тогда она встретила с "Германом" в Цюрихе. Рут Вернер пишет:

"Пакт о ненападении между Сталиным и Гитлером заставил нас о многом задуматься. Мы понимали, что западные державы надеялись на сокрушительное столкновение Советского Союза и нацистской Германии, отводя себе при этом роль третьего, который с улыбкой пожинает плоды; этому нужно было воспрепятствовать. Однако нельзя было поддаваться эмоциям, нужно было полагаться только на разум, чтобы реагировать верно"¹⁷. Таковы осторожные формулировки Рут Вернер, воспоминания которой вышли в ГДР. О своем ближайшем сотруднике Джиме она упоминает позже в своих мемуарах под

именем Аллана Фута, называя его "предателем", который порвал отношения с системой и с Советским Союзом.

Кажется однако, что на самом деле пакт произвел гораздо более глубокое впечатление на группу "топиньерских радистов". Названный выше Александр Фут (соответственно "Джим") рассказывает об этом со своей точки зрения. Он много лет активно работал против гитлеровской Германии, после освобождения Парижа его направили туда, но в январе 1945 года он с первым советским самолетом был отозван в Москву. Там ему пришлось пройти через унижительные допросы, прежде чем его московские хозяева вернули ему свое доверие. Все это продолжалось в течение месяцев. Затем он дополнительно обучался разведывательному делу в СССР и в начале 1947 года получил задание отправиться на некоторое время в Германию, выдавая себя за немца, а оттуда - в Аргентину, чтобы создать там шпионскую сеть, работающую против США.

Между тем, двухлетнее пребывание в Советском Союзе вылечило Фута от просоветских иллюзий и он решил только для видимости согласиться на это задание. Следуя предписанию, он поселился в Восточном Берлине, откуда должен был приступить к выполнению задания. 2 августа 1947 года Фут покончил с этой своей деятельностью: он покинул советский сектор Берлина, переехал через Западный Берлин в британскую зону, а затем уехал в Англию.

В своих воспоминаниях, появившихся в 1954 году, Александр Фут ("Джим") подтверждает некоторые сведения о "топиньерской" группе, сообщаемые Рут Вернер. Следует отметить, однако, и некоторые расхождения. Рут Вернер, работавшую тогда под именем "Соня", на самом деле звали Мария Шульц; ее муж Альфред Шульц, о котором она не упоминает в своих воспоминаниях,

работал для советской разведки в Польше и на Дальнем Востоке, где он в это время и находился. "Герман", о котором она пишет, это - Франц Альман, немецкий коммунист с большим партийным стажем, подпольная кличка которого в "топиньерское" время была не "Герман", а "Алекс". Молодой англичанин, упоминаемый ею под кличкой "Лен", на самом деле - Билл Филипс, выступавший тогда под именем "Жак".

В отличие от Рут Вернер, Александр Фут вспоминает, что они и в Германии привлекли к делу большое число своих людей и, кроме крупного акта саботажа, должны были подготовить план покушения на Гитлера. Рут Вернер странным образом не упоминает об этом.

Согласно Футу, пакт между Гитлером и Сталиным также поразил их гораздо сильнее, чем это описывает "Соня" в своих воспоминаниях, вышедших в ГДР. "Громом среди ясного неба" называет пакт Александр Фут, и далее он пишет:

"Первый и единственный отклик на заключение пакта, полученный нами из Москвы, пришел днем позже, когда Соне было приказано вызвать из Германии по возможности всех агентов и осведомителей и прекратить всяческие контакты с оставшимися там сотрудниками. Это была моя первая встреча с реальной советской политикой, это подействовало на меня, как шок. На Соню, коммунистку старого закала, видевшую в последние восемь лет в фашизме мировую угрозу № 1, это подействовало, конечно, тоже ужасно. Но, будучи верным членом партии, она настолько прониклась партийной дисциплиной, что ее второй натурой стало повиновение любому приказу партии; несмотря ни на что, она всегда была убеждена, что основополагающая линия партии однозначно связана с борьбой против фашизма. Теперь одним ударом это все опрокидывалось. И она, верная

партийка, должна была теперь рассматривать нацистов как своих друзей, а демократические страны - как возможных врагов. Такой переворот во всем ее сложившемся мировоззрении требовал от нее, действительно, непосильного... Внешне Соня подчинилась полученным предписаниям и, согласно приказу, распустила организацию, созданную ею с таким трудом; но я думаю, что с этого момента она потеряла свой прежний энтузиазм"18.

Фут пишет, что вся их секретная деятельность была остановлена (как и в "Красной капелле" в Брюсселе); пока Соня "боролась со своей совестью", он должен был выполнить трудное задание: отозвать из Германии всех, кто был связан с их группой.

*Джордж Чарни: Пакт обнаружил слабость
и смятение в рядах американских коммунистов*

За пределами Европы особенно сильно подействовало заключение пакта на американских коммунистов и, тем самым, на их приверженцев и на многих антифашистов в США. Это ясно выступает из воспоминаний Джорджа Чарни, бывшего в свои 34 года организационным секретарем КП США, ответственным за весь регион Новой Англии.

Под впечатлением захвата власти Гитлером Чарни вступил в сентябре 1933 года в КП США. Благодаря антифашистской борьбе периода Народного фронта он еще больше утвердился в коммунистических взглядах: "Опыт Интернациональных бригад в Испании, призыв Советского Союза поддержать Чехословакию, убедительная позиция Литвинова в Лиге Наций, пламенные речи о единстве антифашистских сил, готовность подкрепить их военным соглашением - все это способствовало укреп-

лению моей веры в политику коммунистического движения, которую проповедовало советское правительство". Тем большие проблемы возникли перед ним, когда был обнародован пакт между Гитлером и Сталиным: "Поэтому подписание нацистско-советского пакта повергло нас в шок, - вспоминает Чарни. - Причина этого шока коренилась прежде всего в том, что мы полностью отдавались антифашистской борьбе. Жестокие бои в Испании, события в Германии, ужасное предчувствие мировой войны внушали нам непреклонную ненависть к фашизму. Пакт обнаружил слабость и смятение в наших рядах... Отчасти эта шоковая реакция зависела от внешних влияний, приносилась со стороны друзей и тех, кто был с нами связан, со стороны большой еврейской общины Нью-Йорка, со стороны моих родителей".

Но чувство единства с партией было еще настолько сильным, что, несмотря на некоторые сомнения, Чарни и его друзья приняли официальные объяснения. Конечно, защищать эту линию было не легко. Так, например, Чарни должен был выступать перед коммунистами и их приверженцами в рабочем Восточном районе Нью-Йорка (Лоуэр Ист-Сайд). Он вспоминает, что собравшиеся находились в крайне возбужденном состоянии. Они слушали его доказательные рассуждения об успокоенности западных держав относительно Гитлера. Но он почувствовал и то, что очень трудно было установить контакт со слушателями. Он почувствовал болезненную неуверенность, которая потом еще многие годы мучила его самого и многих его товарищей.

Особенно удручающе подействовала на американских коммунистов речь Молотова, в которой он сказал, что отношение к идеологии нацизма - это "дело взглядов". Чарни пишет, что его друзья среди американских коммунистов старались обойти молчанием и забыть эти

слова: "Это выглядело так, будто мы боялись анализировать вытекающие отсюда последствия. Но, несмотря на это потрясение, мы продолжали сохранять верность Советскому Союзу, он просто не мог быть неправ, он по-прежнему оставался родиной социализма, единственной силой, которая могла спасти мир от катастрофы. И нам удалось подавить свои сомнения".

Таковы тогдашние впечатление Джорджа Чарни и его друзей. Он написал интересные воспоминания, появившиеся в 1968 году, в которых он сообщает еще некоторые детали, относящиеся к дальнейшему восприятию пакта, прежде всего, касающиеся распространенного тогда тезиса об "оттяжке" времени. Относительно решающего довода, проводившегося для оправдания пакта, несмотря и на осознание всех его отрицательных сторон, Чарни пишет:

"В годы войны об этом забыли, но при взгляде назад - на историческую катастрофу - об этом невозможно не вспомнить. Большие потери в военной мощи, гражданском населении и материальной оснащенности, понесенные Советским Союзом из-за внезапного нападения, разбивают тот старый довод в оправдание пакта, согласно которому он якобы обеспечил СССР время для военных приготовлений... Трудно измерить моральный урон, понесенный коммунистическим движением в западном мире вследствие заключения пакта". Правда, Джордж Чарни с надеждой добавляет: "Возможно, эта эпоха еще будет подвергнута всеобъемлющей критике со стороны советских историков"¹⁹.

Такова позиция Джорджа Чарни. Можно с уверенностью предположить, что многие советские историки и прежде были готовы и очень даже хотели подвергнуть эту эпоху "всеобъемлющей критике", но до недавних пор в СССР это было невозможно. В течение многих десятиле-

тий в СССР не разрешалось исследование пакта между Гитлером и Сталиным, равно как - всех процессов, вызвавших это событие, и всех его последствий. Существование дополнительного секретного протокола отрицалось, всякие ссылки на него находились под строгим запретом, что придавало советским статьям, воспоминаниям и книгам о Второй мировой войне, выходявшим до недавних пор, двусмысленный и отчасти ложный характер.

*Пегги Деннис в Нью-Йорке:
"Скажи, что это - неправда!"*

Пегги Деннис, вступившая в КП США в 1925 году в Калифорнии, будучи молодой девушкой, пробыла в партии 51 год. 7 июня 1976 года она объявила о своем выходе из компартии. Уже весной 1931 года она в первый раз ездила в Москву. Ее муж, Юджин Деннис, бывший позже генеральным секретарем КП США, работал в дальневосточной секции Коминтерна. В середине 30-х годов они оба вернулись в США. Они жили в Нью-Йорке (на 171-й улице), когда пришло известие о заключении пакта между Гитлером и Сталиным: Пегги Деннис вспоминает:

"Охваченная глубоким ужасом, я кричала и просила все время мужа: 'Скажи, что это - неправда!'" Юджин Деннис старался успокоить ее и самого себя. Он просматривал большую кипу папок с материалами из газет последних месяцев, которые она сама вырезала и сортировала. Он цитировал речь Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года; вспоминал о том, что в начале апреля США признали фашистское правительство Франко, и о тех трудностях, которые испытывали запад-

ные союзники при переговорах с Москвой летом 1939 года.

На вопрос Пегги Деннис: поведет ли это теперь к немедленному признанию фашизма, - ее муж ответил только следующее: "Советский Союз только перехитрил буржуазные демократии, ибо они хотели побудить Германию и СССР к войне друг против друга, а сами спокойно наблюдать это со стороны, чтобы потом подобрать остатки".

Но, на самом деле, будущий генеральный секретарь КПСША Деннис был глубоко поражен. Пегги Деннис, называвшая мужа Джин, вспоминает: "Джина я видела редко. Он постоянно находился на собраниях в городе. Возвращаясь домой, он вел себя напряженно, погружался в свои мысли, молчал и уклонялся от попыток втянуть его в дискуссию. Было видно, что он глубоко озабочен".

Между тем, стало известно заявление Молотова, сделанное в конце октября, в котором говорилось, что фашизм - это всего лишь идеология, которую можно принимать или отвергать. После этого резко обострились проблемы и противоречия. Пегги Деннис была ошеломлена:

"Хотя я могла понять прагматический, практический характер пакта, однако этот поворот в понимании фашизма и отказ от многолетней борьбы с ним, подчинявшей себе наше интернациональное движение, это было преступно... Я хотела ясных ответов, но Джин уклонялся от них. Он находился в тупиковой ситуации. Противоречие между своей компартией и Советским Союзом было для него почти непредставимым".

Но в действительности вопрос состоял именно в этом: в независимости КП США от советских внешнеполитических интересов. Оглядываясь на то время, Пегги Деннис делает вывод: "Большой упадок, в котором оказалась

американская КП, был вызван не столько даже заключением германо-советского пакта. Виною тому были неспособность и нежелание американского партийного руководства (включая сюда и Джина) осмыслить это событие, исходя из американской обстановки, независимо от Москвы”²⁰.

*Клаус Менерт: Реакция левых
американских студентов в штате Гавайи*

Клаус Менерт, известный немецкий публицист и эксперт по восточным делам, ко времени заключения пакта между Гитлером и Сталиным был профессором Гавайского университета и преподавал там политические науки. Ему было 33 года. Он родился в 1906 году в Москве, вырос в Штутгарте; с молодости он занимался изучением Советского Союза. Летом 1932 года Менерт побывал в СССР и написал книгу “Молодежь в Советской России”. В 1934-36 годах он снова был в Москве в качестве корреспондента. Затем, проработав некоторое время приглашенным доцентом в Калифорнийском университете в Беркли, он стал в 1937 году профессором Гавайского университета в Гонолулу и преподавал там политические науки и новую историю. Клаус Менерт вспоминает следующее:

”Пакт Гитлера со Сталиным вызвал шок среди американских интеллигентов, склонявшихся к левизне. Их не удивило поведение Гитлера, от него они и так ожидали всего самого дурного. Но Сталин их очень огорчил. Многие годы они защищали его от его критиков, аргументируя это тем, что он ведь выступал против Гитлера. И вот теперь он становился заодно с Гитлером”²¹.

*Джон Гейтс (КП США): Глубоко пораженные
- предоставлены самим себе*

Джон Гейтс сходным образом описывает реакцию американских коммунистов на пакт и подчеркивает, что тогда была действительно необходима политическая линия, независимая от Москвы. Гейтс, родившийся в 1913 году в Нью-Йорке, уже в школьные годы обратился к социалистическим идеям. Его отец потерял свое небольшое дело во время мирового экономического кризиса. Поэтому после школы и в летние каникулы мальчик должен был зарабатывать себе на жизнь. В марте 1931 года Гейтс вступил в комсомольскую организацию и участвовал в движении за права безработных, с 17 до 44 лет (1931-58) он был членом американской компартии. В конце 1936 года он отправился добровольцем в Испанию и сражался там в составе Линкольновской интернациональной бригады.

Ко времени заключения пакта между Гитлером и Сталиным Гейтс уже вернулся в США. Он пишет, что этот пакт был "подобен удару молнии", и далее он вспоминает следующее:

"Партийные функционеры, как и рядовые члены партии, впали в состояние крайнего смятения. Произошло невозможное. Мы очень надеялись, что обнаружим в договоре какую-то лазейку, позволяющую отступление, но официальный текст не предусматривал ничего подобного. Шли дни, а из Москвы не поступало никаких разъяснений. Глубоко пораженные этим событием, мы, американские коммунисты, были предоставлены самим себе; несомненно было бы лучше, если бы мы и оставались в этом положении".

Съезд американской компартии состоялся, как пишет Гейтс, "среди растущего замешательства". Юджин Деннис, бывший уже тогда полномочным секретарем КП,

представлял еще своего рода среднюю линию. Он призывал к борьбе на два фронта: с одной стороны, против фашистского врага, с другой - также против умиротворяющих демократических правительств, которым нельзя было доверять в борьбе против фашизма. Однако эта линия, вспоминает Гейтс, продержалась недолго.

Крутой политический поворот, связанный с пактом, очень повредил КП США:

"Далекоидущая смена курса нанесла нам большой урон, - пишет Гейтс. - Нас обвиняли в том, что политика антифашистского Народного фронта была для нас лишь маневром, тактикой, направленной на захват власти. Теперь, мол, стало ясно, что антифашизм никогда не принимался нами всерьез. Но не только реакционеры, а и все демократические силы предъявляли нам обвинения. Специально для нас были изобретены новые понятия, выразившиеся в словосочетаниях 'красные фашисты' и 'комнацисты'. Правда, известное политическое оправдание тому имелось: ведь мы сами когда-то стали называть социалистов 'социал-фашистами'. На самом деле, несмотря на все ошибки социалистов и коммунистов, ни те, ни другие никогда и нисколько не были фашистами.

Единство, созданию которого мы способствовали, и союзы, которые мы заключали с влиятельными силами в американской жизни, - все это было уничтожено одним ударом".

Многие ведущие представители рабочего движения в этой ситуации отказывались от всякого дальнейшего сотрудничества с коммунистами. То же самое касалось движения американских негров и больших американских студенческих союзов. Джон Гейтс пишет: "Видные представители интеллигенции, такие, как Грэнвилл Хикс, вышли из партии. Хотя потери в наших рядах были и не

особенно значительными, однако существенно снизилась возможность нашего влияния”²².

Комментарий Льва Троцкого из Мексики

Лев Троцкий, ближайший соратник Ленина во время революции 1917 года, основатель и руководитель Красной армии в годы Гражданской войны, находился к моменту заключения пакта между Гитлером и Сталиным в Койоакане в Мексике.

После высылки из СССР в конце 1928 года Троцкий нашел свое первое прибежище в Турции, четыре года он жил на острове Принкино. С 1933 года по лето 1935 он жил во Франции - сначала в Сен-Пале под Руаном (на берегу Атлантического океана), потом в Барбизоне под Парижем. Реакционные и сталинистские газеты соревновались в травле Троцкого. Выдавая себя за почетного профессора из Румынии по имени Луи Левель Леон, Троцкий укрывался в различных местах Франции, поддерживая постоянное сообщение с троцкистскими группами в различных странах. В это время он работал над биографией Ленина. Но он не мог оставаться и во Франции. Наконец, он получил положительный ответ от норвежского правительства, тогда социал-демократического, на свой запрос об убежище. 15 июня 1935 года Троцкий въехал в Норвегию, жил там сначала у редактора-социалиста Кнудсена в местечке Вексхалль около Хёнефосса, где его вскоре после прибытия посетил лидер социал-демократов Трюгве Ли, бывший тогда министром юстиции (впоследствии он был Генеральным секретарем ООН).

В Норвегии Троцкий продолжил работу над биографией Ленина и начал писать свою, пожалуй, самую значительную книгу "Обманутая революция". Но и в Норве-

гии он находился в постоянной опасности. 6 августа 1936 года в дом, где он жил, ворвались норвежские фашисты (приверженцы Квислинга), которые перерыли его бумаги. Советское посольство также все настойчивее требовало высылки Троцкого, заявляя, что его дальнейшее пребывание будет "наносить вред" норвежско-советским отношениям. Под этим давлением норвежское правительство усилило наблюдение за Троцким. В начале сентября 1936 года Троцкий был интернирован в Сундбю (30 километров на север от Осло); день и ночь его и его жену Наталью охраняли 20 полицейских. Никто не мог посещать Троцкого, кроме норвежского адвоката. Для получения газеты он должен был просить особое разрешение. Его корреспонденция подвергалась цензуре.

Поэтому Троцкий был рад, что его друзья (в первую очередь, мексиканский художник Диего Ривера) старались добиться для него политического убежища в Мексике. 13 декабря 1936 года он получил положительное известие: мексиканский президент Карденас дал согласие на въезд Троцкого в страну. 19 декабря 1936 года Троцкий со своей женой Натальей под надзором полиции отплыл от Норвегии на танкере "Рут". Кроме них и полицейской охраны, на судне больше не было пассажиров. Во время плавания Троцкий анализировал московский показательный процесс Зиновьева и Каменева, состоявшийся в августе этого года, и работал над своей книгой "Преступления Сталина".

Троцкий и его жена испытывали большие сомнения относительно судьбы, ожидавшей их в Мексике, но на этот раз их опасения казались необоснованными. 9 января 1937 года они прибыли в Мексику. Троцкий так описал их прибытие: "9 января, жарким тропическим утром наш танкер вошел в гавань Тампико. Мы все еще не знали, что нас ожидает. Но все прошло хорошо. Вскоре

после того, как мы вошли в гавань, к танкеру подошел правительственный катер с представителями местных и центральных властей, с мексиканскими и иностранными журналистами и, самое главное, с верными и надежными друзьями... После четырех месяцев ареста и изоляции встреча с друзьями была особенно теплой! Норвежские полицейские, которые, наконец, вручили нам наши паспорта, смущенно наблюдали предупредительное обхождение с нами мексиканского генерала полиции... Выйдя из атмосферы ужасного произвола и изматывающей неизвестности, мы на каждом шагу встречали гостеприимство и внимание"²³.

11 января Троцкий с женой прибыли в Койоакан (предместье Мехико). Там они остановились у Диего Риверы - в Голубом доме, просторном, светлом, украшенном фресками художника; везде было много цветов и произведений народного искусства. В середине двора (что особенно запомнилось Троцкому) росло апельсиновое дерево.

Уже в первый день по прибытии Троцкого посетили его друзья Отто Рюле и его жена Алиса. В дневнике, опубликованном только в 1979 году, Алиса Рюле-Герстель вспоминает об этой встрече с Троцким: "Мы уселись с ним на примитивные кожаные стулья, какие делались в деревнях мексиканскими индейцами... Троцкий был очень непринужденный, веселый, подвижный, выглядел довольно молодо". Он говорил с ними по-немецки, а когда пришел Диего Ривера - по-французски. Обоими языками (замечает Алиса Рюле-Герстель) он владел почти безупречно.

Троцкий рассказал о плавании на небольшом норвежском танкере, доставившем его в Мексику, о строгой охране, о запрете слушать радио и о том, что никто не сообщал ему, куда его везут. Затем он рассказал о

своем скандинавском убежище: "С иронией и горечью говорил Троцкий о Норвегии, где его под давлением русских сначала посадили под арест, а затем выслали из страны. Норвежскому министру юстиции, социал-демократу, он сказал: 'Когда-то Вы за это еще поплатитесь. Вспомните меня, когда Вы окажетесь в изгнании'".²⁴

Пророчество Троцкого оправдалось. Не прошло и четырех лет, как в апреле 1940 года норвежское правительство, включая министра юстиции Трюгве Ли, было вынуждено покинуть страну и несколько лет оставалось в эмиграции в Лондоне.

С января 1937 по март 1939 года Троцкий жил в доме Диего Риверы, выдающегося художника, принадлежавшего к основателям Мексиканской КП, бывшего с 1922 года членом ЦК, но вышедшего из партии из протеста против сталинского подавления троцкистов в конце 20-х годов. Здесь, в Койоакане, Троцкий пережил второй большой московский процесс, на котором в конце января 1937 года снова предстали ближайшие соратники Ленина. В ходе этого процесса Троцкий обвинялся в заключении секретного договора с Гитлером и японским императором, направленного на военное поражение Советского Союза и передачу Советской Украины Третьему Рейху. Наталья Троцкая вспоминает: "С карандашом в руках Лев Давидович, перевозбужденный, переутомленный, часто с высокой температурой, был поглощен списком измышлений, которых становилось так много, что опровергнуть их было невозможно"²⁵.

Но и в Мексике Троцкому не удается избежать вражеских нападок. Мексиканские профсоюзы были тогда оплотом сталинизма. Их руководитель Ломбардо Толедано и мексиканская компартия яростно протестовали против пребывания Троцкого в Мексике. Они не собирались успокаиваться до тех пор, пока этот "вождь го-

ловного отряда контрреволюции” не будет выслан. Угрозы становились все более резкими. Перед домом Диего Риверы пришлось установить полицейскую охрану, а изнутри дом охраняли троцкисты. Здесь Троцкий закончил свою книгу “Преступления Сталина”, отсюда осуществлял он оживленную связь с внешним миром; его посетителями были политические беженцы из Европы и прежде всего, конечно, троцкисты из различных стран.

Троцкий принадлежал к тем немногим, кто предвидел заключение пакта между Гитлером и Сталиным и высказался об этом в печати. После Мюнхенского соглашения западных держав с Гитлером, состоявшегося осенью 1938 года и означавшего фактически выдачу Чехословакии, Троцкий предупреждал: “Крушение Чехословакии - это крушение интернациональной политики Сталина последних пяти лет... Теперь мы с уверенностью можем ожидать, что советская дипломатия попытается пойти на сближение с Гитлером - ценой новых отступлений и капитуляций”²⁶.

Через несколько месяцев, в феврале 1939 года, Троцкий ушел от Диего Риверы и снял дом в предместье Койокана Авенида Вьена, где на каменистых улицах было пусто и пыльно. Наталья Троцкая вспоминает: “Мы сняли в Койокане большой запущенный дом, который очень легко поддается ремонту; он стоит посреди довольно обширного сада, в котором по утрам на старых деревьях щебечут птицы. Местность уединенная, на одной стороне - широкий ручей, большей частью пересохший, на другой - пыльная проезжая дорога и несколько мексиканских деревянных хижин. Стена, которую мы построили, окружает наши владения. Посетитель входит в них через массивные железные ворота, которые один молодой товарищ открывает, только следуя точному указанию, после то-

го, как он внимательно рассматривает посетителя. Снаружи, за 30 метров от ворот, полиция выстроила кирпичный домик (казиту), в котором проделаны бойницы. Оттуда полицейские наблюдают за нашей безопасностью"²⁷.

Жизнь Троцкого была сосредоточена на работе: корреспонденция, статьи, книги, заметки для задуманных сочинений. С издательством "Харпер" Троцкий заключил договор на биографию Сталина. Этой книгой он занимался непрерывно. Наталья Троцкая вспоминает, что он с большим удовольствием писал бы о чем-то другом (например, он давно мечтал написать книгу о дружбе и сотрудничестве между Марксом и Энгельсом, об их совместных открытиях, об их всегдашней расположенности друг к другу). С печалью она замечает, что издатель и публика больше интересовались "представителем ужасной тирании"²⁸.

Посреди работы над биографией Сталина, которую ему не суждено было закончить, потому что 20 августа 1940 года он был убит одним из сталинских агентов, узнал Троцкий о заключении пакта между Гитлером и Сталиным.

Уже в первой своей статье, посвященной этому событию, Троцкий выявил последствия пакта для Коминтерна: "Коминтерн, важнейшее орудие Кремля для воздействия на общественное мнение других стран, явился на самом деле первой жертвой германо-советского пакта. Судьба Польши еще не решена. Но Коминтерн уже труп"²⁹.

Несколькими днями позже, но еще до вторжения советских войск в Польшу, Троцкий указывал на связь между пактом и судьбой этой страны, утверждая, что германо-советский пакт определяет поражение Польши³⁰. Когда же 17 сентября 1939 года советские войска вошли в Польшу и тем самым совершился ее раздел между Гитлером и Сталиным, Троцкий предсказывал, что Польшу

ша еще возродится, Коминтерн - никогда³¹.

В своей основной статье на эту тему Троцкий указывал на то, что заключение пакта между Гитлером и Сталиным не было внезапным решением кремлевского руководства, но результатом многолетних приготовлений, причем московские показательные процессы, по Троцкому, должны были облегчить Сталину достижение соглашения с гитлеровской Германией:

"Теперь открылось, что Кремль давно искал военного соглашения с Гитлером, чтобы выступить против так называемых демократий. В течение всех этих лет Коминтерн целиком и полностью стоял за основание союза демократических стран против фашизма.

Теперь даже самые неисправимые приверженцы Кремля должны будут признать, что московские процессы были не чем иным, как маскировкой для союза между Сталиным и Гитлером. По обвинению в сотрудничестве с нацистами была уничтожена с помощью этих процессов вся старая большевистская гвардия. Теперь обнаружилась истина"³².

Пакт 1939 года и Брестский мир 1918 года

Троцкий был, вероятно, единственным, кто тогда подробно остановился на аргументе, который много обсуждался среди обеспокоенных коммунистов различных стран и выдвигался в качестве возможного оправдания пакта. Речь идет о сравнении пакта между Гитлером и Сталиным с мирным договором, который был заключен Лениным в Брест-Литовске весной 1918 года.

Старые коммунисты хорошо помнили договор, заключенный в Брест-Литовске. Взяв в ноябре 1917 года власть, большевики объявили "мир всем народам". Правительства Англии, Франции и других стран Антанты

не пошли тогда на это советское предложение. А войска императорской Германии произвели в это время стремительное наступление на Советскую Россию, которому она не могла противостоять, поскольку царская армия уже распалась, а Красная армия находилась в процессе возникновения. Слабой тогда Советской России не оставалось поэтому ничего другого, как пойти на компромисс и приобрести мир ценой отказа от значительной части своих территорий.

Исходя из этого, некоторые думающие коммунисты заключали следующее: тогда, в начале 1918 года, Ленин должен был пойти на компромисс, чтобы добиться мира для Советской России. Тем же оправдывалось на их взгляд поведение Советского Союза в 1939 году, когда снова возникла угроза нападения империалистической Германии. Согласно этой аргументации, в августе 1939 года так же, как и в 1918 году, речь шла о неприятном, но необходимом компромиссе. Именно это, как может вспомнить читатель, приводил в качестве довода старший брат Иржи Пеликана. О таких попытках оправдания пакта Троцкий говорит следующее:

”Действительно, есть люди, которые осмеливаются сравнивать пакт между Гитлером и Сталиным с Брест-Литовским договором. Какое искажение фактов! Переговоры в Брест-Литовске велись на виду у всего мира. В распоряжении Советского правительства в конце 1917 и в начале 1918 годов не было ни одного боеспособного батальона. Германия Гогенцоллернов напала на Россию и заняла советские области и военные опорные пункты. У молодого советского правительства не было никакого другого выбора, как только подписать мирный договор. Мы все публично объясняли этот мир капитуляцией беззащитного революционного правительства перед превосходящими силами врага...

Новый пакт, пакт между Гитлером и Сталиным, был заключен, несмотря на существование сильной армии, насчитывающей несколько миллионов солдат; непосредственной целью пакта было: освободить Гитлеру руки для занятия Польши, которая затем подлежала разделу между Берлином и Москвой. В чем же аналогия?"³³

Противопоставляя брест-литовский договор 1918 года и московский 1939-го Троцкий мог бы указать также на ленинское различие между позволительным и необходимым компромиссом, с одной стороны, и абсолютно недопустимым - с другой. Весной 1920 года Ленин пояснял свой брест-литовский компромисс следующей притчей о вооруженных бандитах:

"Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. 'Do ut des' ('даю' тебе деньги, оружие, автомобиль, 'чтобы ты дал' мне возможность уйти подбру-поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс 'принципиально недопустимым' или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев в автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу".

С другой стороны, продолжает Ленин, бывают и такие компромиссы, в которых не пострадавший от нападения добивается свободы благодаря выкупу, но в которых человек помогает бандитам с тем, чтобы участвовать в дележе добычи, и таким образом становится их сообщником. Это Ленин называет "предательством", примером такого компромисса, "который действительно означает

наихудший оппортунизм, измену и предательство". Ленин пишет:

"Есть компромиссы и компромиссы. Надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов. Надо учиться отличать человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дело поимки и расстрела бандитов, от человека, который дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи"³⁴.

Именно такое различие и наблюдается между договором в Брест-Литовске и германо-советским пактом, заключенным в 1939 году. В 1918 году Советской России не оставалось ничего другого, как пойти на компромисс, связанный с отказом от части своих территорий, ради приобретения мира. Оставаясь при ленинской притче, можно сказать, что тогда Советская Россия была подобна пострадавшему от нападения бандитов, которым были отданы автомобиль, деньги и паспорт ради того, чтобы сохранить себе жизнь.

Пакт между Гитлером и Сталиным являл собой полную противоположность этому случаю. На этот раз речь шла о договоре, самые важные пункты которого были сформулированы в секретных дополнениях, направленных на раздел сфер интересов, на совместный захват другого государства (Польши) и угнетении его народа. Говоря снова словами ленинской притчи, Советский Союз оказывался теперь не тем, кто хочет откупиться от бандитского нападения, чтобы сохранить свою жизнь, но тем, кто добровольно выступает в качества сообщника бандитов и заключает с ними соглашение с целью "участвовать в дележе бандитской добычи"³⁵.

Глава 4

ПАКТ И СЛУЧАИ ИЗМЕНИВШЕГОСЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ПЯТЬ СУДЕБ

Кроме многих представленных в этой книге свидетелей того времени, имеется еще одна, особенно важная группа людей - тех, для кого пакт между Гитлером и Сталиным явился настолько решающим событием, что они пришли к разрыву со сталинизмом и коммунистическим движением, зависевшим от Москвы.

В советской историографии (и то же касается ГДР и некоторых других стран Восточного блока) о них всегда говорится, как о "ренегатах", каковое понятие, кстати, применялось католической церковью в Средние века по отношению к христианам, перешедшим в ислам. Иногда

этих людей называют "врагами". Например, Александр Абуш после разговора с критически настроенным писателем Густавом Реглером заявляет, "что вчерашние друзья могли сегодня стать врагами"¹.

В некоторых случаях используется несколько более витиеватая формулировка, примерно такая: упомянутые лица в обстановке обострения интернациональной классово-вой борьбы в силу своих "мелкобуржуазных пристрастий" не нашли в себе достаточной твердости и т. д.

На самом деле, как это выразил Ханс Вернер Рихтер, речь шла о долгом, тягостном, часто мучительном отходе от идеи, к которой были привязаны, от веры, которая была похожа на веру в Святое Евангелие².

В описанных далее примерах изображаются люди, многие годы занимавшиеся коммунистической деятельностью, особенно воодушевлявшей их благодаря антифашистской борьбе в период Народных фронтов. Они испытывали серьезные сомнения во время массовых арестов и показательных процессов 30-х годов в СССР, но все еще доверяли Москве, поскольку им казалось, что Советский Союз высоко держит знамя антифашизма. С заключением пакта между Гитлером и Сталиным для них исчезали последние связи, удерживавшие их в партии, достигался тот предел, за которым дальнейшее участие в коммунистическом движении становилось для них невозможным.

*Грэнвилл Хикс: Выход из КП США
после заключения пакта*

Среди видных представителей интеллигенции, вышедших после заключения пакта между Гитлером и Сталиным из КП США, Джон Гейтс назвал, пожалуй, самого значительного: Грэнвилла Хикса, который очень много

сделал для партии в годы Народного фронта и обеспечил ей уважение и влияние, выходящее далеко за рамки ее прежних скромных возможностей.

Грэнвилл Хикс, выходец из среднего сословия, родился в 1901 году в Новой Англии, в 1923 году закончил Гарвардский университет, но посещал там еще лекции на теологическом факультете, а в 1928-29 годах - на факультете английского языка и литературы. В Гарварде он принадлежал к студентам, интересовавшимся политикой, но его первые более активные политические выступления относятся ко времени, когда он стал профессором в Смит-колледже: он участвовал в большой кампании в защиту Сакко и Ванцетти. Нищета, проявившаяся в годы мирового экономического кризиса, привела его к убеждению, что только полный переворот во всей экономической системе сможет избавить страну от бича безработицы. Хикс все больше входил в контакт с социалистами и с коммунистами; сначала он больше склонялся к социалистам, но затем постепенно сблизился с коммунистами, поскольку они опирались на марксистскую теорию и указывали на Советский Союз как на пример ее проведения в жизнь.

Осенью 1932 года он вместе с другими представителями американской интеллигенции подписал вызвавшее широкий резонанс воззвание о поддержке коммунистических кандидатов на предстоящих выборах. Хикс со своими друзьями начал читать Маркса, Энгельса и Ленина, был поражен критикой капитализма, а также учением о законах исторического развития, которое должно было привести к образованию бесклассового общества; он верил, что нашел "ключ к истории". С начала 1934 года Хикс все больше участвовал в работе союзов и организаций, находившихся под влиянием КП. Он стал также издателем коммунистической ежене-

дельной газеты "New Masses", но все еще не вступал в партию.

Поворотным пунктом стал для него 7-ой конгресс Коминтерна летом 1935 года, когда была провозглашена политика Народного фронта. До сих пор он был, правда, обеспокоен левосектантской тактикой КП, отказом американских коммунистов от сотрудничества с другими прогрессивными силами и прежде всего с партией социалистов. Но теперь все изменилось. Под глубоким впечатлением от речи Димитрова на конгрессе и от новой политики Народных фронтов, направленной на создание Единого рабочего фронта, Хикс вступил в КП США. Партийная пропаганда, вспоминает он, перестала заниматься русскими делами и сконцентрировалась на американских проблемах. Быстро росло влияние партии. Количество членов КП США увеличилось с 12.000 в 1929 году приблизительно до 100.000 человек в период Народного фронта. Хикс вступил в КП США, потому что он стал убежденным марксистом, стремился к созданию социалистического общества и прежде всего потому, что видел в КП главную силу, противостоящую фашизму. Вступая в партию, он был убежден, что выходит на решающую линию исторического процесса, включается в борьбу активной политической организации. В то время, когда другие только ставили вопросы и выступали с критикой, КП США казалась партией действия.

Став членом партии, Хикс обличал угрозу нацизма и поддерживал жертв нацистской тирании, участвовал в кампании помощи Испании и работал в профсоюзном движении, которое переживало тогда значительный подъем. Тогда же он опубликовал две книги, получившие широкое распространение: в 1936 году - биографию Джона Рида ("биографию коммуниста, написанную коммунистом") и в 1937 году - книгу "I like Amerika", в

которой он говорит о своей любви к американскому народу и описывает несправедливость и зло, царящие в США.

Только одно тревожило Грэнвилла Хикса - массовые аресты и показательные процессы в СССР, обвинения в предательстве, выдвинутые против людей, которых еще недавно американские коммунисты считали выдающимися борцами революции. Но Хикс подавил свои сомнения, ибо в Советском Союзе он видел главную силу антифашистского фронта. Он решил, что не имеет права поддаваться своим частным сомнениям в то время, когда идет великая борьба против фашизма.

Но вот был заключен пакт между Гитлером и Сталиным. Хикс пишет:

"Я очень хорошо помню, как мы узнали о заключении пакта о ненападении между Советами и нацистами. Почему-то накануне мы не слушали ночного выпуска последних известий, и мне удалось хорошо выспаться, на что я, собственно говоря, не рассчитывал. Стояло замечательное летнее утро, когда за завтраком мы услышали, наконец, это известие. Обретя снова дар речи, я сказал: Это уже слишком!"

Хикс описывает свои первые впечатления, связанные с пактом: "Поведение американских коммунистов в августе 1939 года, после того как Россия заключила с Германией пакт о ненападении, сразу открыло мне глаза. В момент наступившего кризиса партийные руководители не могли скрыть того, что их первой задачей являлась защита России, как бы та себя ни повела. Они даже не скрывали, что ждут, когда им станет известна позиция русских, чтобы понять, в каких формулировках ее нужно будет оправдывать; они ждали, что Кремль сообщит им о своем новом курсе. Но такая партия меня уже совершенно не устраивала, и я очень скоро из нее вышел".

Хикс обосновывает свой выход из партии тем, что она нарушила все свои принципы и показала свою полную зависимость от советского руководства. В дискуссиях товарищи выступали против него, опираясь все на тот же, широко распространенный тогда довод: у Советского Союза не было, мол, никакой другой возможности, потому что западные державы, в первую очередь, Чемберлен, в Мюнхене в сентябре 1938 года передали идею общего союза против гитлеровской Германии. Но Хикс не соглашался с этой аргументацией и выдвигал серьезное, заставляющее задуматься возражение:

”Если чемберленовский Мюнхен был предательством, то не должен ли ‘сталинский Мюнхен’ - от обратного - также считаться предательством? Конечно, утверждают, что у Сталина не было другого выбора. Мюнхен, мол, показал, что либо он должен пойти на предательство, либо предадут его самого. Однако разве не ту же самую аргументацию можно привести для смягчения вины Чемберлена? Разве не мог он думать, что Сталин бросит его в случае возникновения конфликта с Гитлером в Чехословакии и что тогда Англии и Франции придется расхлебывать дело в одиночку? Не говорят ли события 1939 года о том, что опасения Чемберлена были оправданны? Разве Сталин не заключил договора с Гитлером именно в тот момент, когда Франция и Англия решительно выступили на защиту Польши?

Хикс заметил, что внутри партии на первый план выдвигались только те, кто, оставив всякие размышления о морали, настаивал на необходимости так называемой трезвой, реалистической политики:

”Действия России, объясняли они, должны оцениваться в свете реалистической политики; моральные принципы казались им здесь просто-напросто бессмысленными. Однако, исходя из моральных оснований, я и многие

другие как раз и защищали Советский Союз". О последствиях такой политики Хикс пишет: "Уважение, которым коммунистическая идеология еще недавно пользовалась в кругах интеллигенции, было совершенно потеряно"³.

*Окончательный разрыв Артура Кёстлера
с коммунистами*

У известного писателя Артура Кёстлера разрыв со сталинским коммунизмом произошел в два этапа. В начале 1938 года он опубликовал письмо, в котором объявлял о своем выходе из партии, но не затрагивал при этом вопроса о Советском Союзе, который тогда все еще казался ему оплотом антифашизма. Окончательный разрыв Кёстлера с коммунистами последовал в результате пакта между Гитлером и Сталиным. Жизненный путь Кёстлера настолько хорошо известен, прежде всего благодаря его собственным подробным воспоминаниям, что здесь достаточно указать лишь на некоторые моменты его биографии с тем, чтобы сосредоточиться на последних месяцах перед заключением пакта и на его реакции на это событие.

Артур Кёстлер, родившийся в 1905 году в Будапеште, в 14 лет пережил падение Венгерской советской республики, затем переехал в Вену, учился там естественным наукам в Высшей технической школе и затем некоторое время провел в кибуце в Палестине. В 1925-1930 годах он был иностранным корреспондентом ульштейновских газет на Среднем Востоке, а затем в Париже. В 1930 году он переехал в Берлин, прибыв туда 14 сентября 1930 года - в день, когда НСДАП достигла мощного успеха на выборах в рейхстаг. К тому времени Кёстлер был ре-

дактором научного отдела в газете "Фоссише Цайтунг", выпускавшейся издательством "Ульштейн", научным консультантом этого издательства, а также работал для берлинской газеты "БЦ ам Миттвох". Он вспоминает, как он писал об электронах, хромосомах, кораблях-ракетоносцах, неандертальцах и спиральных галактиках, а давление политических событий тем временем нарастало и становилось все неотвратимее. Больше всего его беспокоили мировой экономический кризис, стремительный рост безработицы и нарастающая угроза нацизма. "При числе безработных, насчитывавшем около трети трудоспособного населения, Германия находилась в состоянии скрытой гражданской войны, и тому, кто не желал оказаться в положении безвольной жертвы, смятенной надвигающейся бурей, было необходимо делать политический выбор, - вспоминает Кёстлер. - Социал-демократы проводили политику оппортунистических компромиссов; коммунисты, за которыми стоял могучий Советский Союз, казались единственной силой, которая могла бы оказать сопротивление напору примитивных орд с тотемом свастики"⁴.

Однако не только тогдашняя ситуация вела Кёстлера к коммунистам, но и изучение произведений Маркса, Энгельса и Ленина, которые вызвали в нем, как он пишет, "духовный взрыв". С этих пор казалось, что на каждый вопрос есть ясный ответ. Сомнения и конфликты духовного порядка отошли теперь в область далекого прошлого, относились к тому бесцветному миру постыдного неведения, в котором существует непосвященный.

31 декабря 1931 года Кёстлер вступил в КПГ. Он послал письмо в ЦК, заявив о своем желании вступить в партию. Вскоре он получил ответ с предложением поговорить. Его собеседником из руководства КПГ был Эрнст Шнеллер, член ЦК и руководитель "агитпропа", рабо-

тавший, как вскоре узнал Кёстлер, также в секретном аппарате КПГ.

Шнеллер посоветовал Кёстлеру не становиться официальным членом какой-то парторганизации, но работать в подполье: "Вы не будете прикреплены ни к какой ячейке, и в партии Вас будут знать под другим именем", - объяснил ему Шнеллер. Артур Кёстлер выбрал себе имя Ивана Штейнберга и с тех пор начались регулярные "явки", встречи, на которых Кёстлер (он же - Иван Штейнберг) сообщал информацию, собранную им в кругах издательства "Ульштейн".

Через несколько месяцев такого сообщения с "аппаратом" секретная деятельность Кёстлера в издательстве была раскрыта; связь с "аппаратом" прервалась. Кёстлер стал, как он сначала и хотел, "настоящим" членом партии, прикрепленным к определенной "партийной ячейке" (так назывались тогда в КПГ первичные парторганизации).

Но совершенно типичной эту партячку назвать никак нельзя: Кёстлер вошел в парторганизацию берлинской колонии художников и литераторов на Лаубенхеймер-Плац, которая состояла из 20 членов и была крайне необычной. Политруком был там Альфред Канторович, "оргруком" - писатель Макс Шрёдер; в нее входил, например, и д-р Вильгельм Рейх - основатель и руководитель института, занимавшегося проблемами социальной сексологии. Кёстлер наблюдал гротескную политику КПГ в то время: отказ от выдвижения общего с социал-демократами кандидата на президентских выборах в 1932 году, борьба против социал-демократов как "социал-фашистов". Кёстлер принимал участие во всевозможной партийной пропаганде, в собраниях ячейки с их обычным монотонным единогласием, но также и в частых стычках с нацистами.

В конце лета 1932 года - за несколько месяцев до захвата власти Гитлером - он ездил в Москву по приглашению "Интернационального союза революционных писателей". У него было задание написать книгу на тему "Буржуа путешествует по Советскому Союзу" и показать в ней, как буржуазный репортер, поначалу исполненный антисоветских предрассудков, переживает обращение благодаря успехам социалистического строительства и возвращается домой как "товарищ". В Советский Союз Кёстлер попал в тяжелейшие годы коллективизации, он увидел разорение, вызванное голодом 1932-33 годов на Украине, массу оборванных семей, просивших милостыню на вокзалах, голод и нищету, апатичных людей на улицах, невероятные жилищные условия, голодные пайки в кооперативах. Но партийное воспитание, пишет Кестлер, в таком множестве "снабдило меня искусными амортизаторами и диалектическими подушками, что я укладывал все виденное и слышанное в заранее подготовленную схему"⁵.

Когда осенью 1933 года он вернулся в Германию, Гитлер уже был у власти; Кёстлер отправился в изгнание в Париж к своим партийным друзьям. Душой и мотором эмиграции был тогда Вилли Мюнценберг, руководитель отдела агитации и пропаганды (агитпропа) Коминтерна в Западной Европе. "Это был твердый, незаменимый человек пролетарского происхождения, магнетическая личность, необычайно притягивавшая к себе благодаря излучению жизненной силы и неотразимому очарованию, в котором не было сентиментальности", - так характеризует его Кёстлер. "Вилли был 'красным кардиналом' интернационального антифашистского движения... Он вызывал к жизни комитеты, конгрессы и движения, как чародей, вынимающий из своего цилиндра кроликов, - 'Комитет помощи жертвам фашизма', так

называемые 'Комиссии для осуществления бдительности и демократического контроля', интернациональные конгрессы молодежи и так далее. Каждое из этих скрытых партийных образований могло с гордостью указать на вывеску, на которой красовались имена высокочтимых персон, среди них - английские герцогини, американские авторы передовиц и французские ученые, большинство из которых никогда не слышало имени 'Мюнценберг' и Коминтерн считало детским пугалом, списанным с Геббельса"⁶.

Кёстлер работал тогда в "Институте по изучению фашизма" - одной из побочных организаций Вилли Мюнценберга - по 10-12 часов в день, не получая жалованья, единственной привилегией была ежедневная тарелка густого горохового супа на рю Буффон.

Во время Гражданской войны в Испании Кёстлер отправился туда. В сражении под Малагой в начале 1937 года он был взят в плен войсками Франко, четыре месяца провел в тюрьмах Малаги и Севильи, большей частью - в одиночном заключении (фактически - на положении смертника), ожидая, что его вот-вот расстреляют. В июле 1937 года благодаря вмешательству британского правительства он был неожиданно освобожден. Ужасные испытания, перенесенные им во франкистских тюрьмах, поначалу упрочили его связи с компартией. Когда Кёстлер пересек границу в районе Гибралтара, он послал телеграмму партийному руководству, в которой стояло "Излечился от всех болей в животе" ("болями в животе" на партийном жаргоне называли тогда сомнения в правильности партийной линии). Кёстлер поехал в Англию и написал там свою знаменитую книгу "Испанское завещание", распространявшуюся тогда в числе избранных книг "Left Book Club" и переведенную на многие языки мира.

Но шел 1937 год; Кёстлер почти каждый день узнавал новые подробности о массовых арестах в ходе "большой чистки" в СССР, в том числе - об арестах среди его ближайших друзей-коммунистов, эмигрировавших в СССР. Так он узнал, что НКВД арестован Алекс Вайсберг, который, прощаясь с Кёстлером в 1933 году, когда тот покидал Советский Союз, сказал ему: "Что бы там ни происходило, оставайся верен Советскому Союзу".

Из Англии осенью 1937 года Кёстлер возвратился в Париж. Здесь, уже в первый день по прибытии, в маленьком кафе около Бастилии он был подвергнут формальному допросу относительно своего поведения во франкистской тюрьме со стороны двух уполномоченных лиц партийного руководства. Одним из них был Пауль Меркер, личность второго осталась Кёстлеру неизвестной.

Сам по себе такой допрос не являлся чем-то необычным. Вышедший из заключения коммунист всегда должен был пройти подробное расследование со стороны партийных органов безопасности, которые пытались установить, можно ли на него еще "полагаться". В случае Кёстлера процедура была безобидной, скорее, формальной. Он был обменен по международному соглашению и, к тому же, не имел никаких подпольных связей во франкистской Испании, которые он мог бы выдать. Несмотря на это, он испытал внезапный приступ страха: "У меня дрожала рука, когда я подносил к губам чашку с кофе".

Шла осень 1937 года. Несколько недель тому назад, после закрытого процесса в Москве были расстреляны маршал Тухачевский и восемь высших военачальников Красной армии. Каждый день становилось известно о новых арестах под предлогом самых невероятных и устращающих обвинений. "Это тревожно отдавалось в моем

безобидном допросе. Нетрудно было вообразить себе, как беспомощно чувствует себя человек, оказавшись под жестким взглядом следователя, перед его столом в здании бакинского ГПУ или на Лубянке, - а не за столиком парижского кафе. Террор захлестнул Россию, подобно штормовому валу, поглощая всех, кто вставал на его пути. И даже безобидный, отдаленный отголосок его в парижском кафе заставлял чашку дрожать в руке”⁷.

В марте 1938 года Кёстлер узнал о процессе так называемого ”антисоветского блока”, главным обвиняемым на котором был Николай Бухарин. Своей абсурдностью и ужасностью, писал Кёстлер, этот процесс превзошел все происходившее уже в этом смысле. Несколькими днями позже Кёстлер должен был выступать с докладом об Испании в Союзе охраны интересов немецких писателей в Париже. Собрание проходило в зале Французского индустриального общества на площади Сен-Жермен-де-Пре. В зале находилось около 200-300 представителей интеллигенции, эмигрировавших во Францию, большей частью - коммунистов. Это было первое публичное выступление Кёстлера в Париже после возвращения из Испании, и он чувствовал, что он в последний раз выступает в качестве члена партии.

Он не собирался нападать на партию, пока шла война в Испании; еще меньше думал он о критике Советского Союза. Но он чувствовал потребность высказать свою точку зрения, а не оставаться пассивным сообщником палачей, казнивших его друзей. Хотя обычно Кёстлер говорил, не пользуясь записями, на этот раз он записал конец своей речи: три тщательно сформулированных предложения, для нормальных людей - общие места, для сталинистов - смертный грех.

Первое предложение гласило: "Нет непогрешимых личностей, движений или партий".

Во втором предложении говорилось: "Толерантность по отношению к врагу так же самоубийственна, как нетерпимость по отношению к другу, преследующему ту же самую цель на пути, который отклоняется от твоего".

Третье предложение было цитатой из Томаса Манна: "Если думать о будущем, вредная истина лучше полезной лжи".

Когда Кёстлер кончил говорить, ему аплодировала часть зала, не принадлежавшая к коммунистам, а коммунисты застыли в демонстративном молчании, и почти все - скрестив руки. Он возвращался домой один. Когда он на станции метро ждал поезда, он видел, как по лестнице спускались несколько его товарищей, бывших на докладе. Они прошли мимо Кёстлера на другой конец перрона, не взглянув на него. Это было предвестием наступающих месяцев и лет одиночества.

Через несколько дней Кёстлер написал письмо, в котором прощался с КПГ, Коминтерном и сталинским режимом, но в заключение он говорил о своей приверженности к делу Советского Союза. При всем критическом отношении к режиму, раковой опухоли бюрократии, террору и насилию он высказывал веру в непоколебимые основы рабоче-крестьянского государства, в национализацию средств производства и заявлял, что Советский Союз остается "нашей последней надеждой на этой планете, находящейся в состоянии стремительного распада".

Год спустя последовало полное отречение Кёстлера, о котором он пишет: "В этом неустойчивом состоянии я находился до того дня, когда на Московском аэродроме в честь Риббентропа было поднято знамя со свастикой и оркестр Красной армии заиграл 'Хорста Весселя'. Тогда

все было кончено, с этого момента мне действительно стало безразлично, что меня будут поносить новые союзники Гитлера, называя контрреволюционером”⁸.

Ханс Вернер Рихтер:

Членские книжки коммунистов были сожжены

Ханс Вернер Рихтер известен в первую очередь своей писательской деятельностью в послевоенной Германии - как один из основателей журнала "Зов", основатель и бессменный председатель "Группы 47", но прежде всего, как автор многих книг и лауреат литературных премий. Гораздо меньше известно, что с 1930 года до заключения пакта между Гитлером и Сталиным в августе 1939 года Ханс Вернер Рихтер принадлежал к КПГ и работал в коммунистическом подполье. Об этом он рассказывает в своей очень интересной книге "Письма к молодому социалисту", основную тему которой составляет прощание с утопией.

Сын рыбака, Рихтер родился в 1918 году Банзине на острове Узедом. В конце 20-х годов он работал помощником книготорговца в Берлине и в 1930 году вступил в КПГ. Два обстоятельства были для него решающими: "Во-первых, то сияние, которое начинало исходить от совершенно неизвестного нам Советского Союза, во-вторых, постоянное, однако поражавшее нас наступление национал-социалистов, которого мы, увлеченные верой в то, что ход истории работает на нас, не учитывали". Одной из книг, особенно повлиявших на Рихтера, были "10 дней, которые потрясли мир" Джона Рида. Он читал Плеханова, Бухарина, доставал все, что имелось тогда в левых издательствах. Ленин и Троцкий вырастали для него в гигантов мировой истории. Советский Союз ста-

новился для него тем идеальным обществом, в котором исчезали всякие классовые различия и причины для самоотчуждения человека. Так он пришел к убеждению, что "русские товарищи" - это авангард всемирной революции, призванный руководить ее борцами, включая немецких коммунистов. При этом он не учитывал тогда, что условия в Германии начала 30-х годов были совершенно другими, нежели во время русской революции.

Другое обстоятельство - наступление национал-социалистов - хотя и поражало его, как и других коммунистов Германии, но он был уверен в том, что у национал-социализма нет будущего, что это - привидение, преходящее явление, последняя вспышка реакции. Рихтер доверился марксистскому пониманию истории, согласно которому история развивается закономерно от феодализма к капитализму, от капитализма к социализму, и так - до победы пролетариата. Он сам описывает себя в это время, как "молодого функционера, уверенного не только в том, что он обладает верным, даже абсолютно верным знанием, но и в том, что у него в руках был большой марксистский скальпель, с помощью которого он мог аналитически расчлнять все вокруг и который, подобно волшебной палочке, должен был вывести его из республиканской ночи к свету социализма".

Конечно, уже тогда у Рихтера были некоторые сомнения - те самые политические "боли в животе", как это говорилось в коммунистических кругах. Например, тезис о "социал-фашизме", согласно которому социал-демократия превращалась в главного врага, казался ему неверным. Уже тогда он замечал недоверие и слезку в партии, удушение всяких проявлений внутривнутрипартийной демократии, схематическое перенесение методов большевиков в немецкую компартию. Несмотря на

сомнения, он расклеивал и дальше по ночам плакаты, принимал участие в демонстрациях и организовывал местные партячейки в померанских деревнях. Он продолжал недооценивать опасность национал-социализма, исходя из фатальной веры в историю, которая не оставляла никаких сомнений в неминуемой победе. Партия слабела, обнажала свои ряды из-за постоянных исключений и групповых междоусобиц. А в январе 1933 года власть захватил Гитлер.

Поражение КПП, обнаружившееся с приходом к власти Гитлера, потрясло Рихтера: "Ничто не шелохнулось, ничего не происходило, не последовало ни забастовок, ни генеральной забастовки, ни призыва к уличным боям - ничего". По его мнению в этом были повинны обе партии: социал-демократы верили в возможность легальной работы (Гитлер, мол, переходный канцлер), коммунисты видели в победе фашистов лишь краткий контрреволюционный эпизод, который уже скоро должен был пойти им на пользу. Рихтер, которому было тогда 25 лет, вспоминает: "Напрасно ждала приказов социалистическая и коммунистическая молодежь, готовая бороться и выходить на улицы. Их не последовало. Зато было принято решение уползать в подполье". Собираясь вместе с другими молодыми людьми, Рихтер ждал, что им скажут "пуститься в бой", но им говорили разве что "подождите" или "идите домой, завтра посмотрим". Ничего не происходило. Это "было первым разочарованием для многих моих сверстников", - пишет Рихтер.

Когда начались преследования со стороны нацистов, особенно усилившиеся после поджога рейхстага, Рихтер был в Берлине: "Эти преследования были больше всего похожи на то, как мясники хватают кроликов. Не было никаких протестов, никакого сопротивления, никакой борьбы, был только страх, фатализм, оппортунизм. Со-

лидарность проявлялась единственно в бегстве, а не в борьбе...” В полной растерянности в те ночи один прибегал к другому, искали друг у друга убежища - без руководства, без понимания того, как и где можно было оказать сопротивление. Многие друзья Рихтера были арестованы, некоторым удалось спастись; ведущие функционеры необычайно быстро оказались за границей.

Маленькая книжная лавка, бывшая и своего рода платной библиотекой, где работал Рихтер, стала местом встречи для его друзей и товарищей по партии, которые не были еще арестованы и не покинули страну. Он прятал антифашистские материалы и укрывал товарищей, находившихся на нелегальном положении и переходивших из дома в дом. Но с каждой следующей неделей, с каждым месяцем их появлялось все меньше, один за другим они исчезали.

В начале ноября 1933 года Рихтер приехал в Париж и встретил там снова многих своих друзей, бедствовавших и находившихся в жалком состоянии, - деморализация, начавшаяся в Германии, теперь усилилась. Иногда до рассвета продолжались дискуссии в их безотрадных жилищах. В чем были ошибки? Что нужно было пересмотреть? Почему компартия не справилась с обстоятельствами? Но подлинных ответов они не находили. Официальное эмигрантское руководство КП даже не отметило, что произошло поражение, - по крайней мере, так казалось Рихтеру. Никаких выступлений с самокритикой, хотя бы и запоздалой; находились даже такие представители КПГ, которым удавалось представлять это поражение как победу.

Рихтер хотел сражаться с врагом там, где враг находился: в своей собственной стране. В апреле 1934 года он вернулся в Германию, хотя испытывал страх перед террором и тем, что его поймут. Фатализм и разочаро-

ванность в действии достигли в это время своей кульминации. Система начала устанавливаться и проникать все и вся. Он оставался в контакте с молодыми марксистами и другими антифашистами. "Теоретические дискуссии" затихли, оставалась только враждебность по отношению к нацистской системе, желание избавиться от Гитлера. Прежняя партийная принадлежность ничего больше не значила. Противники Гитлера - консерваторы, коммунисты, социал-демократы и католики - узнавали друг друга по взгляду, выражению лица, незначительному жесту; так было везде - на предприятиях, на улицах, в лавках. Но с началом внешнеполитических успехов Гитлера силы оппозиции, разумеется, не прибывали, для немецких антифашистов это было тяжелым испытанием. Ведь они надеялись только на внешнеполитические осложнения, которые могли бы помешать тогдашним успехам Гитлера и указать ему на границы его власти. Надежды обращались к западным демократиям, но самая большая надежда связывалась по-прежнему с Советским Союзом.

Рихтер и его друзья торжествовали, когда началась Гражданская война в Испании. Теперь, думали они, осуществится идея Народного фронта и совместной борьбы всех противников фашизма, проявится на деле интернациональная солидарность. Но эти надежды затмевались известиями о массовых арестах и показательных процессах в Москве. Как так? Половина генералитета Красной армии во главе с Тухачевским оказались подлыми предателями? Бухарин расстрелян? Самообвинения на процессах, покаяния - и этот язык: шакалы, изверги, поганые собаки, хищники в овечьих шкурах, - все это относилось к старым большевикам, которые полвека сражались за идею социализма?

Рихтер и его друзья не могли этому поверить. В конце концов, успокаивали они себя, они были отрезаны от мира, плохо информированы, ограничены в основном нацистской прессой, которая вела свою пропаганду. "Мы уходили от того, во что не хотели верить, мы вынуждены были так поступать, - вспоминает Рихтер. - Мы не имели права растоптать единственную надежду, настраивая так себя и других". Несмотря на все сомнения, Советский Союз оставался для Рихтера оплотом антифашизма.

В августе 1939 года Рихтер был в Банзине - курортном месте на Балтийском море, где он родился. Он работал на небольшой бензозаправке своего отца, уехав из Берлина в виду угрозы войны; он вместе со своей семьей и друзьями (почти всё - социал-демократами и коммунистами) хотел выждать, увидеть, как повернутся события. Все они так или иначе понимали, что война начнется, и были уверены, что Гитлер ее проиграет. Против Гитлера были Советский Союз и Польша, Франция и Англия, поддержанные Америкой. Такая война на два фронта могла продолжаться, по их представлениям, всего несколько месяцев. Многолетняя война на износ казалась тогда невозможной. Но вот наступило 23 августа 1939 года - день заключения пакта между Гитлером и Сталиным. Рихтер вспоминает:

"23 августа 1939 года стало днем, обнаружившим иллюзорность всех наших надежд, днем моего глубокого разочарования и унижения, а также - стыда перед теми, кого я все время подбадривал и утверждал в терпении. Все поражения, пережитые до тех пор, - что значили они теперь, по сравнению с этим днем, в который было разрушено все, во что я верил. И никакая больше прекрасная теория, говорящая о тактике и стратегии в борьбе против империализма, не могла уже вытеснить этот день из

моей памяти. Его невозможно затушевать, смахнуть со счета, представить не таким уж значительным или, как это делали из понятных соображений после войны, вовсе безобидным. Он остается тем, чем он был, - днем беспримерного, отъявленного предательства”.

И дальше Рихтер пишет о воздействии пакта на него и его друзей: ”Последствия для немецких социалистов, а также и для интернационального пролетарского движения были разрушительными: полная деморализация. Внезапно мы оказались в одиночестве, без поддержки, без сил. И сегодня еще нельзя измерить, насколько была утеряна сила морального сопротивления. Конец Гитлера наступил бы гораздо скорее, если бы Советский Союз повел себя иначе. Как же еще нам было воспринимать этот день, в который на Московском аэродроме был поднят флаг со свастикой в честь Риббентропа, а с ним и Адольфа Гитлера... В моральном, политическом, психологическом отношении - это было предательство, которое не только повлекло за собой крушение советского мифа, сделало пустой фразой Сопротивление КП и дезавуировало всех нас, кто так или иначе находился в левых рядах, но и которое вызвало в нас ощущение полной выданности на произвол врага”.

Его друзья, вспоминает Рихтер, вообще ничего не говорили, только молчали да скептически качали головами, ибо все они знали, что теперь Гитлер начнет войну против Польши: ”Заручившись пактом о ненападении и дружбе с Советским Союзом, он мог теперь отваживаться на любые повороты и во внутренней политике, и во внешней”.

Цель достижения социализма в одно мгновение превратилась в иллюзию; надежда на ее возможное осуществление отодвигалась в далекое будущее. Советский Союз отбросил в сторону идею Народного фронта и совме-

стной борьбы против фашизма, как обременительную поклажу.

Рихтер пишет: "Многие представители интеллигенции, а также многие рабочие и низовые функционеры в Европе возвратили свои партбилеты. Мы не могли этого сделать. Но я в следующую же ночь сжег членские книжки всей местной организации, которые сохранял один товарищ с постоянной опасностью для самого себя. Я сжег их в лесу и зарыл даже пепел, чтобы быть уверенным, что их никто не отыщет. Так я окончательно распрощался с компартией, к которой не могло быть уже никакого возврата"⁹.

"Кронштадт" Луи Фишера

Грэнвилл Хикс был членом партии с 1935 года по 1939, Артур Кёстлер - в 1931-39, Ханс Вернер Рихтер - в 1930-39 годах. Луи Фишер, хотя и не состоял никогда в партии, с 1922 года - с небольшими перерывами - жил в Советском Союзе и, оглядываясь назад, на тот период времени, сам определил свое тогдашнее отношение к Советскому Союзу как "дружественное". Вряд ли кто еще из иностранцев так интенсивно участвовал в жизни Советского Союза в течение такого продолжительного отрезка времени.

Луи Фишер, выросший в Филадельфии, с декабря 1921 года работал свободным журналистом в Европе и в это время стал склоняться к большевикам. Он пишет об этом так: "Большевики... выступали за интернациональное братство трудящихся людей. Они хотели уничтожить расовую дискриминацию, эксплуатацию, а также неравенство, власть богачей, привилегии королей и жажду завоеваний". Фишер тоже был увлечен этими надеждами:

“Впервые в мире правительство отважилось на исполнение мечты всех реформаторов, иконоборцев, передовых борцов всех времен”. Необычность тогдашних большевистских призывов состояла в их интернациональном характере. Фишер был увлечен прежде всего тем, что эти призывы были нацелены не только на изменение России, но и на устранение войн, нищеты и страданий во всем мире. В сентябре 1922 года он в первый раз поехал в Москву и в ноябре присутствовал на 4-ом Всемирном конгрессе Коминтерна. Тогда же он познакомился с Лениным, Троцким и Зиновьевым и производил впечатление, скорее, участника конгресса, чем наблюдателя-журналиста¹⁰.

Советский Союз переживал тогда период НЭПа и, что особенно впечатлило Фишера, возглавлялся еще сравнительно молодыми, динамичными вождями большевиков: в 1922 году Ленину было 52 года, Троцкому - 43, Сталину - 43, Зиновьеву и Каменеву - по 39 лет, Бухарину - 34 года, Радеку - 37 лет. “Их воодушевление было заразительным, - вспоминает Фишер. - Зачем нужно было иностранным правительствам, дипломатам и корреспондентам, находившимся в Москве, устраивать обструкцию и скрывать усилия великой нации, пытавшейся выбраться из нужды? Поскольку я сам был рожден и вырос в бедности, я инстинктивно приветствовал всякое стремление, направленное на ее искоренение... Революция совершенно порвала с прошлым. Таковы были главные притягательные моменты... Я восхищался их мужеством. Никто не мог сомневаться в серьезности их намерений. В списке коммунистических добродетелей на первом месте стоял интернационализм”.

Фишер видел и некоторые вещи, подлежащие критике; он говорил о них со своими советскими друзьями в Москве, но в поездках по Европе и Америке неизменно

отстаивал Советский Союз. Из разговоров в СССР он знал, однако, и о "кровавой расправе в Кронштадте" в марте 1921 года - о жестоком подавлении восстания революционных матросов против уже тогда бюрократизированной большевистской власти, поддержанного населением Кронштадта. Он говорил с людьми, для которых "Кронштадт" стал решающим событием, определившим их разрыв с большевистской системой. Но на пути своего собственного развития он еще многие годы не попадал ни в какой "Кронштадт". В 20-е годы советские предвещения возбуждали его фантазию: "Капитал большевиков заключался в будущем, - вспоминает он о том времени. - Каждый новый пятилетний план они изображали как трудный, но необходимый шаг для достижения нового мира. Как же можно было жаловаться на нехватку картофеля, когда строился социализм. Разве не следовало отказаться от масла ради Днепростроя и Магнитогорска, поскольку они означали увеличение количества гидравлической энергии, стали и, наконец, того же масла?" Индустриальное строительство пятилетки, заводы и плотины - все это звучало для него музыкой социализма, увертюрой перед наступлением нового общественного строя. Он чувствовал себя тесно связанным с этими стройками, которые он постоянно посещал. Его впечатление от строек первой пятилетки еще более усилилось, когда, вслед за банковским крахом 1929 года, массовая безработица в капиталистических странах привела к застою, находившемуся в резком контрасте со строительством советского государства.

Разумеется, и у него появились сомнения - в первый раз уже в июне 1928 года, во время Шахтинского процесса, на котором советские инженеры были осуждены по ложным обвинениям в саботаже и шпионаже. Один из обвиняемых, Мушкин, с творческим бледным лицом, мо-

нотонно и в каком-то автоматическом возбуждении зачитал свою - конечно, выдуманную - историю. Было ясно, пишет Фишер, что Мушкин только играл роль, которую с ним "отрепетировали" в подвалах ГПУ. Затем последовала ссылка и высылка Троцкого. Фишер понял, что револьвер ГПУ сделался решающим аргументом. Он видел, как росло влияние советской тайной полиции, и критически отмечал "лакейское подхалимство и слащавые восхваления Иосифа Сталина". Казалось, он был уже близок к тому, чтобы пережить свой "Кронштадт", но он все еще надеялся на то, что это - только нарывы на в общем-то здоровом теле, каким ему представлялось советское государство в целом.

После победы нацистского режима в Германии резко меняется отношение Фишера к тому, что считать более важным. На первый план выходила мощная кампания по организации антифашистской коалиции, за которую ратовал тогда советский нарком внешних дел Литвинов. Внутриполитические процессы в СССР вызывали у Фишера двойственное отношение. С одной стороны, условия жизни в течение 1934-35 годов несколько улучшились, с другой стороны, он хорошо видел, что бюрократия все больше насаждает подхалимов, циников и трусов. Среди верхних и нижних слоев управления распространялись своекорыстные устремления, побеждая заботу об общем благе, боязнь мысли забивала всякие рассуждения, владел страх. Фишер вспоминает: "Эти осторожные, расчетливые, угодливые и нервные лицемеры в государственном аппарате, в партии, в профсоюзах и прочих организациях тщательно взвешивали свои шаги, боязливо оглядывались и громко заявляли о своей верности; с молитвенной монотонностью повторяли они слова официальной пропаганды и в возмещение за это изо всех сил старались получше поесть, выпить, потанцевать и вообще

- пожить роскошно, насколько это позволяли улучшившиеся материальные условия”.

Критические замечания Фишера касаются прежде всего роста социального расслоения, бесправия профсоюзов в ситуации, когда всем распоряжаются по собственному усмотрению директора предприятий, которые нанимают на работу и увольняют, устанавливают зарплату. После убийства Кирова (1 декабря 1934 года) были казнены 103 человека, которые уже за несколько месяцев до этого находились в заключении. Все это внушало отвращение Фишеру; Советский Союз превращался в жестокое исполинское чудовище. К этому добавлялось усиление национализма. Все меньше вспоминали революционеров прошлого, все больше возвращались к восхвалению царей и царских военачальников.

Еще раз Фишер уцепился за надежду в связи с объявленной в 1935 году подготовкой новой ”демократической” конституции. Но затем, в 1936 году, начались московские показательные процессы и массовые аресты периода ”больших чисток”. Фишер чувствовал, что наступает тьма, что он не может и не хочет больше оставаться в Советском Союзе.

В этот критический момент Франко поднял мятеж против республики и началась Гражданская война в Испании. Испания стала теперь фронтом его борьбы против фашизма. Фишер покинул Советский Союз и отправился туда. Он не только писал о войне в Испании, но и сам принимал участие в сражениях. Испанские дела, захватив его целиком и полностью, снова отодвигали его собственный ”Кронштадт”. Разумеется, бывая иногда в Советском Союзе и разговаривая со своими советскими друзьями, Фишер узнавал о ходе большой чистки. Да и в Испании нельзя было не заметить того, что происходит в СССР: советские подданные - военные и гражд-

данские лица, находившиеся в Испании, отзывались в Москву и там их по возвращении арестовывали, ссылали, некоторых даже казнили. Но Фишер видел для себя последний выход в том, чтобы, при всем отрицательном отношении к внутренним событиям в СССР, поддерживать советскую внешнюю политику. Он молчал, потому что он не хотел мешать антифашистской борьбе Советского Союза. Но "Кронштадт" все-таки настиг его. Луи Фишер пишет:

"Но вот был заключен советско-нацистский пакт от 23 августа 1939 года, определивший курс советского правительства, которого оно придерживается с того дня и по настоящее время. С этим пактом наступал мой "Кронштадт". Этот пакт был соглашением, направленным не на выигрыш времени, но на приобретение территорий. В его секретных, опубликованных теперь протоколах закреплялось разделение сфер влияния на всех территориях, доступных для советско-нацистской агрессии. Так началось распространение советской агрессии, благодаря которой Россия превратилась в империю, расползающуюся по всем швам, и это сделалось мучительнейшей проблемой всего человечества. Советско-нацистский пакт стал надгробьем на могиле большевистского интернационала и краеугольным камнем в развитии большевистского империализма. Это случилось потому, что большевистская Россия превратилась в кладбище для большевиков. Я не мог дальше симпатизировать системе, предавшей свои истоки и своих творцов"¹¹.

*Вилли Мюнценберг:
"Сталин, ты - предатель!"*

Пожалуй, самым значительным из того большого числа коммунистов, которые от разочарования и возмущения пактом между Гитлером и Сталиным порвали отношения с СССР и Коминтерном, был Вилли Мюнценберг.

Вилли Мюнценберг, близкий друг Ленина с 1917 года, основатель "Коммунистического Интернационала молодежи", в течение почти двух десятилетий был, пожалуй, самым лучшим организатором пропаганды интернационального коммунистического движения. Он родился в 1889 году в Эрфурте (Тюрингия), рос в бедных условиях, не имея возможности регулярно посещать народную школу, но читая украдкой все, что попадалось под руку. Подростком он начал работать на эрфуртской обувной фабрике и примкнул к движению социалистической молодежи. В качестве странствующего подмастерья он отправился в Швейцарию, служил разносчиком в цюрихской аптеке и во время Первой мировой войны, в 1915 году, познакомился с русскими эмигрантами, жившими тогда в Цюрихе: с Лениным, его женой Крупской, Троцким и Зиновьевым. В Цюрихе Мюнценберг стал членом, а вскоре и председателем местной организации Социалистического союза молодежи; в 1918 году он переехал в Германию, был членом КПГ с ее основания, но работал больше в движении коммунистической молодежи. Вместе с Лео Флигом, австрийцем Рихардом Шюллером, югославом Карло Стайнером и швейцарцем Полем Тальманом Мюнценберг основал "Коммунистический Интернационал молодежи"¹².

При основании КИМа Мюнценберг был избран его председателем, но уже вскоре, из-за протеста против

мелочной опеки над молодыми коммунистами со стороны Коминтерна, он был снят с этого поста тогдашним руководителем Коминтерна Зиновьевым.

Летом 1921 года Ленин, с которым Мюнценберг все это время встречался или находился в переписке, поручил ему организацию международной помощи России, переживавшей тогда голод. Мюнценберг стал основателем и организатором "Международной рабочей помощи" (Межрабпом) и добился исключительного успеха - миллионы денежной помощи и предметов материального потребления поступили в изнемогающую от голода Советскую Россию. Постоянно росли и размеры помощи, оказывавшейся Межрабпомом бастующим и заключенным в тюрьмы коммунистам многих стран и их семьям.

Мюнценберг не принимал участия во фракционной борьбе, происходившей в партии и в Коминтерне, и обладал довольно большой независимостью. Его успехи во многом основывались на том, что он мог действовать без помех со стороны парализующего контроля партийной бюрократии. Так ему удавалось основывать газеты, журналы, киностудии и находить для них все необходимое, проявляя большую изобретательность. Он всегда привлекал к сотрудничеству массу знаменитостей, в том числе известных представителей интеллигенции. Уже в 1926 году в распоряжении Мюнценберга в Германии были две ежедневные газеты с большими тиражами ("Вельт ам Абенд" и "Берлин ам Морген"), журналы "Арбайтер-Иллюстрирте" и "Ротер Ауфбау", журнал для фотографов и радиолюбителей (искусно связанный с коммунистической тенденцией), успешное кинопредприятие, а также издательство и книготорговля. За несколько лет возглавлявшаяся Мюнценбергом "Международная рабочая помощь" с ее газетно-журнальными акциями, сборами в помощь пострадавшим, народными кухнями и

детскими домами распространилась по всему миру. Маргарита Бубер-Нойман, знавшая Мюнценберга в то время, пишет: "Вилли Мюнценберг действительно был удивительной личностью, производившей почти магическое впечатление на людей, принадлежавших к самым различным общественным группам... Пожалуй, никто из высокопоставленных немецких коммунистов не был настолько полон идеями, как Мюнценберг. Он оставался верен привычкам молодежного движения. По воскресеньям, если он не устраивал никаких собраний, он отправлялся на природу... Мюнценберг почти не пил алкоголя, любил ходить далеко пешком, лежать где-нибудь в лесу и заниматься спортом"¹³.

После основания "Антиимпериалистической лиги" в 1927 году имя Мюнценберга стало известно далеко за пределами Германии. В лигу среди прочих входили бразильянец Луис Карлос Престес, индус Джавахарлал Неру (позднее - президент Индии), знаменитый мексиканский художник Диего Ривера, вдова Сунь Ятсена и генерал Сандино из Никарагуа, по имени которого стало называться впоследствии движение "сандинистов". Психолог и писатель Манес Шпербер, знавший Мюнценберга в конце 1931 года в Берлине, когда тому было 42 года, вспоминает следующее: "Уже тогда его имя проникло далеко за пределы Германии. Повсюду в мире, в коммунистическом движении и в бесчисленных сочувствующих коммунистам организациях, но особенно в кругах интеллигенции различных стран - пропагандист Коминтерна, выступая под различными именами и используя разнообразные средства, добивался невиданных успехов"¹⁴.

После прихода Гитлера к власти в 1933 году Вилли Мюнценберг переместил свою деятельность в Париж и вскоре основал там "Комитет помощи жертвам немецкого фашизма" с филиалами по всей Европе и Америке. Наря-

ду с официальным комитетом, вывеска которого блистала именами мировых знаменитостей, существовал собственно секретариат, в котором работали Мюнценберг и члены коммунистической фракции (сначала на рю Мендатур, затем в доме № 83 на бульваре Монпарнас). В результате Мюнценберг основал издательство "Карре-фур" и издал в нем знаменитую "Коричневую книгу о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре", переведенную вскоре на все языки мира и явившуюся сильнейшим обвинением против гитлеровской системы. Основным автором "Коричневой книги" был Отто Кац (под псевдонимом Андре Симон), который много лет спустя, в конце 1952 года, был обвинен и приговорен к смерти на процессе Сланского в Чехословакии.

После "Коричневой книги" Вилли Мюнценберг основал "Комитет по расследованию скрытых причин процесса о поджоге рейхстага", состоявший из юристов разных стран, пользовавшихся международной известностью. Этот комитет организовал знаменитый "контрпроцесс" незадолго до того, как состоялся официальный процесс о поджоге рейхстага в Германии, чем поставил нацистский режим в крайне затруднительное положение. Затем последовала вторая "коричневая книга" - "Димитров против Геринга" и были организованы еще многие комитеты, которые служили делу борьбы против фашизма, основываясь на идее провозглашенного к тому времени Народного фронта.

В мае 1936 года Мюнценберг был вызван в Москву. Речь шла об организации нового, мощного движения сторонников мира. Эта организация, называвшаяся в немецких эмигрантских публикациях "Всемирным движением сторонников мира", была создана Вилли Мюнценбергом в Париже. В Москве он получил инструкцию о сохранении в тени коммунистического участия в движе-

нии и привлечении к сотрудничеству как можно более известных лиц. Это удалось ему в невероятной степени. На конгрессе движения, состоявшемся 7-8 сентября 1936 года в Брюсселе, принимали участие 5500 делегатов из многих стран, принадлежавших к самым различным направлениям. Подготовленная заранее резолюция о "коллективной безопасности и неделимом мире" была принята конгрессом.

Осенью 1936 года Мюнценберг был еще руководителем гигантского пропагандистского аппарата Коминтерна, действовавшего в Европе. Однако уже летом 1936 года из Москвы был послан в Париж чешский коминтерновский функционер Богумил Смераль, официально - для "сотрудничества" при Мюнценберге, но на самом деле для того, чтобы постепенно вытеснить Мюнценберга и перенять руководство аппаратом.

В октябре 1936 года Мюнценберга снова вызвали в Москву, он должен был там работать в Коминтерне в отделении агитпропа. Мюнценберг поехал вместе со своей женой Бабеттой, и это была их последняя поездка в СССР. Когда они прибыли в Москву, они с ужасом заметили, что волна преследований, возникшая после казни Зиновьева и Каменева, не только не шла на убыль, но как раз разрасталась. Бабетта Гросс вспоминает: "Люди были в растерянности, они не могли понять, что происходит; каждый ломал себе голову, в каких еще отклонениях от линии партии он мог провиниться, которые теперь могут быть использованы против него... Никто не решался посещать нас в нашем отеле "Москва", недавно построенном на Арбате". Когда Мюнценберг попытался встретиться с Карлом Радеком, один прежний сотрудник по секрету сообщил ему, что Радек арестован.

В правлении Коминтерна Мюнценбергу предложили передать парижскую организацию Смералю, и тогда же

он получил приглашение в Международную контрольную комиссию Коминтерна, где должен был держать ответ за "недостаток революционной бдительности". Его упрекали в том, что он привлек к сотрудничеству некую Лиану Кляйн, отец которой был якобы шпионом на службе Франко и получал от дочери информацию о его организации. Сначала Мюнценберг испытал облегчение, поскольку Лиана работала у него только стенографисткой в 1933-35 годах и не имела отношения к ответственным заданиям; но когда Мюнценберга во второй и в третий раз вызвали по этому поводу, он понял, что "дело Лианы" было только предлогом для того, чтобы покончить с ним самим.

С тех пор он думал только о том, чтобы как можно скорее уехать из Москвы. Мюнценберг обратился к Тольятти и объяснил ему, что он, Мюнценберг, непременно должен довести до конца одну акцию в помощь Испании, которой он руководил в Париже. Тольятти дал свое согласие, и Мюнценберг получил из отдела кадров Коминтерна извещение о том, что ему разрешается выехать из СССР вместе с его женой Бабеттой Гросс. Когда он прощался с Хейнцем Нойманом, тот заплакал. Они оба знали, что никогда больше не увидят друг друга.

К условленному времени Мюнценберг с женой прибыли на вокзал. Но они прождали там напрасно - никто не появился, чтобы вручить им паспорта с проставленными выездными визами и билеты. Подавленные, они возвратились в гостиницу. "Ночью мы не сомкнули глаз и ждали, что в дверь постучат и появятся люди из НКВД", - вспоминает Бабетта Гросс. На следующее утро Мюнценберг поспешил к Тольятти и устроил ему гневную сцену. Это возымело свое действие. В присутствии Мюнценберга Тольятти позвонил нескольким ответственным лицам. В результате Мюнценберг и Бабетта

Гросс получили документы и билеты и еще в тот же день уехали из Москвы.

Через Данию Мюнценберг возвратился в Париж. "После лихорадочных дней в Москве он снова обрел равновесие, - пишет Бабетта Гросс. - Он никогда больше не вернулся в Москву. Теперь нужно было жить и работать дальше без поддержки Коминтерна, даже скорее всего вопреки ему".

Прибыв в Париж, Мюнценберг передал новому уполномоченному Коминтерна Смералю полную отчетность, касающуюся всех комитетов и издательств, находившихся под его контролем. Обнимающее весь мир предприятие, созданное Мюнценбергом, переходило теперь в руки партийной бюрократии. И вскоре оно распалось. В это же время произошла одна, глубоко потрясшая Мюнценберга встреча. В Париж приехал Бухарин - близкий соратник Ленина, возглавивший позже Коминтерн. Он выступил с докладом в "Обществе друзей Советской России". Это выглядело ужасно. Бухарин был совершенно подавлен, все читал по бумажке и в некоторых местах своего выступления переходил на невнятный шепот. Затем пришла телеграмма: Бухарину приказывали возвращаться в Москву. Его друзья напрасно заклинали его не ехать, а остаться в Париже. Бухарин, смертельно бледный, дрожащим голосом заявил, что он поедет, хотя он точно знает, что ожидает его в Москве.

Весной 1937 года Мюнценберг получил открытку из Москвы: Хейнц Нойман был арестован. Через несколько дней после этого был вызван в Москву давний друг Мюнценберга, известный деятель КПГ Лео Флиг, живший в Париже. Мюнценберг и другие друзья советовали ему не ехать. Лео Флиг спокойным голосом возражал: "Я ни в чем не могу себя упрекнуть, я не буду увиливать!" По прибытии в Москву он был арестован.

Такова была ситуация на 10 апреля 1937 года, когда в Париже, в зале на рю Кадет состоялась конференция, на которой был основан "Немецкий Народный фронт". На ней собрались 300 делегатов самых различных направлений. Среди докладчиков были писатель Генрих Манн, социал-демократ Рудольф Брейтшейд, а также Вилли Мюнценберг, который говорил о "задачах Народного фронта"; явно намекая на позицию руководства КП, он ополчался против мелкотравчатой политики уловок, приводившей только к разрушению доверия. Его подчеркнул благодарил за это Генрих Манн. А за кулисами собрания против участия Мюнценберга в Народном фронте интриговал Вальтер Ульбрихт.

Под впечатлением "большой чистки" в СССР, достигшей и коммунистов в республиканской Испании, группировки одна за другой отказывались от участия в Народном фронте - сначала прогрессивные либералы, группировавшиеся вокруг Леопольда Шварцшильда и издания "Нойес Тагебух", затем остававшиеся еще социал-демократы и, наконец, представители "Социалистической рабочей партии".

С осени 1937 по осень 1938 года, с одной стороны, эмигрантское руководство распространяло слухи, направленные против Мюнценберга, с другой стороны, его все время пытались склонить к поездке в Москву. Димитров писал Мюнценбергу, что в Москве его ожидает новое важное задание. Мюнценберг получил еще одно письмо от Димитрова, в котором говорилось, что тот вполне понимает, какие трудности возникли у Мюнценберга в Париже, но что все может разрешиться, как только он приедет в Москву.

Незадолго до того Мюнценберг встречался с одним американским коммунистом, который говорил ему: "Да что же может с Вами случиться?" Но Мюнценберг не со-

глашался с ним: "Они расстреляют меня, как и других, а через 10 лет объявят, что допустили большую ошибку". Таким образом, он предпочитал отказываться от поездки.

Осенью 1938 года кампания КПГ против Мюнценберга усилилась. Коммунистическая фракция в комитете Народного фронта разослала письмо, в котором сообщала, что возбуждено следствие по делу Мюнценберга, потому что он якобы вел переговоры "с правобуржуазными кругами", не поставив об этом в известность партию. Под впечатлением этой травли Мюнценберг осенью 1938 года разослал своим близким друзьям письмо (нигде больше не опубликованное), в котором он, без каких-либо критических заострений и поношений, говорил о своем отделении от КПГ: "Поскольку события в Германии и обострение международного кризиса требуют включения в борьбу каждого человека, то мое политическое прошлое, мое чувство ответственности, воспитанное на идеях социализма, и мой темперамент заставляют меня отделиться от организации, которая делает для меня невозможным участие в политической работе". В заключение он заявлял, что его позиция по отношению к Советскому Союзу не изменилась¹⁵.

Мюнценберг основал независимое, беспартийное издание "Цукунфт" - еженедельник на немецком языке, первый номер которого вышел в середине октября 1938 года. Цель издания была в организации борьбы против нацизма, сотрудничестве различных эмигрантских групп и выработке программы на то время, когда рухнет нацистский режим. В первом же номере был напечатан список сотрудников, принадлежавших к различным политическим направлениям: Томас Манн, Генрих Манн, Стефан Цвейг, Иозеф Рот, Арнольд Цвейг, Лион Фейхтвангер, Альфред Дёблин, Альфред Керр, Рудольф Ольден,

Манес Шпербер и большое число представителей других стран, среди которых были Игнацио Силоне и Герберт Уэллс. Еженедельник "Цукунфт" пользовался таким успехом, что издававшаяся КП "Дойче Фольксцайтунг" оказалась совершенно оттесненной на задний план.

В начале 1939 года возникло свободного типа сообщество "Фройнде дер Цукунфт" ("Друзья Будущего"), которое собиралось для дискуссий, устраивало культурные мероприятия и сделалось благодаря этому духовным центром немецких эмигрантов. Затем возникли группы "Друзей социалистического единства", объединившие независимо мыслящих немецких политических эмигрантов (в тесном сотрудничестве с австрийскими эмигрантами), которые выработывали программу будущего реформированного немецкого рабочего движения. Целью было сплочение "всех рабочих, честно выступающих против нацизма", в "революционную единую партию рабочего класса", в которой гарантировалось бы соблюдение права на внутривнутрипартийное самоопределение и которая была бы полностью независимой как от Второго (социалистического), так и от Третьего (коммунистического) Интернационалов выступая за сотрудничество "со всеми подлинно демократическими силами Германии".

В еженедельнике "Цукунфт" за 10 марта 1939 года Мюнценберг официально объявил о причинах своего выхода из КПГ; он писал: "Мне тяжело расставаться с организацией, в основании и создании которой я участвовал". Он писал также о том, что уже в 1915 году он одним из первых среди немецких социалистов примкнул к Ленину и к ленинскому движению, которому он в течение почти 25 лет отдавал все свои силы; но в последние два года у него возник конфликт с эмигрантским руководством КПГ, касающийся в первую очередь понимания целей Народного фронта и внутривнутрипартийной де-

мократии. Мюнценберг упрекал КПГ в том, что ее политика "противоречива": с одной стороны, она преследует создание народной демократической республики, с другой стороны, не отказывается от "однопартийной диктатуры"; выступая за "создание единой партии рабочих", она по-прежнему продолжает использовать тактику клеветы; борьба против фашизма затрудняется "из-за введения организационных форм, имеющих мало общего с первоначальной партией из-за преобладания бюрократического аппарата, подавляющего партийную жизнь, из-за руководства, которое, несмотря на все поражения, пережитые начиная с 1933 года, продолжает считать себя непогрешимым и незаменимым".

Мюнценберг не ограничился критикой партии, он провозглашал свои собственные политические взгляды: "Рабочая партия должна придерживаться основных принципов классического рабочего движения, соблюдать во всей чистоте и неприкосновенности внутривнутрипартийную демократию и право на самоопределение всех своих членов". Он писал о том, что борьба против фашизма может привести к победе только в том случае, когда люди ведут ее, исходя из своих собственных убеждений, добровольно соглашаясь идти на мучения и жертвы; эту борьбу нельзя выиграть, управляя безгласными душами, которые знают только регламент, приказ и придирчивую слежку. Главное в представлениях Мюнценберга о будущей Германии, которая должна возникнуть после падения Гитлера, формулировалось так: "Для того, чтобы новая Германия имела право на существование, нужно не слепое повторение Веймарской демократии и не господство одной партии по сталинскому образцу".

Но и после открытого заявления о своем выходе из партии Мюнценберг избегал выпадов против Советского Союза и Сталина: "Я не изменяю своей позиции по

отношению к Советскому Союзу - первой стране социалистического строя, великой стране, являющейся залогом мира во всем мире", - писал Мюнценберг в своем заявлении от 10 марта 1939 года¹⁶.

Но вот был заключен пакт. Все основания, побуждавшие его до сих пор к молчаливому согласию с СССР, были разрушены. Ничто не могло больше удержать Мюнценберга, - вспоминает Бабетта Гросс. Его протест вылился в крик, он клеймил позором "удар ножом со стороны русских". Его статья о пакте заканчивалась следующими словами:

"Мир и свободу нужно защищать, сражаясь против Гитлера и Сталина. Мы должны одержать победу над Гитлером и Сталиным, мы должны выковать в борьбе против Гитлера и Сталина новую независимую единую партию немецких рабочих... Подкупленная пресса годами вела травлю, пользовалась клеветой, распространяла сотни низких измышлений, пятнала подозрениями тысячи храбрых рабочих. Ни один номер "Фольксцайтунг" не появлялся без того, чтобы в нем снова и снова не повторялось: 'Долой вредителя, долой предателя'.

Сегодня встают миллионы людей во всех странах мира, они вытягивают руки и кричат, обращаясь в сторону Востока:

Сталин, ты - предатель!"¹⁷

Послесловие

**СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ
О ПАКТЕ МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ**

Со времени событий, описанных в этой книге, прошло пять десятилетий. 23 августа 1989 года исполняется 50-я годовщина со дня подписания пакта между Гитлером и Сталиным. Этот пакт ни в коем случае нельзя воспринимать только как договор о ненападении, на первый план выступают соглашения, которые содержатся в статьях секретного дополнительного протокола: речь идет о разделе территорий независимых стран Восточной Европы между Третьим рейхом и сталинским Советским Союзом.

В четырех статьях этого секретного протокола содержится соглашение о разделе Польши между гитлеровской Германией и Советским Союзом, причем граница между сферами влияния обеих держав устанавливалась "приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан". Бессарабия, входившая тогда в Румынию, отдавалась Советскому Союзу. Особенно трудно складывалась судьба прибалтийских стран: Эстония и Латвия должны были отойти в сферу советского влияния, Литва - в сферу влияния гитлеровской Германии. Однако во втором секретном дополнительном протоколе, подписанном на пять недель позже - 28 сентября 1939 года, сфера германского влияния в Польше расширилась, тогда как Литва отходила в сферу влияния СССР.

Решения, зафиксированные в секретном протоколе, очень скоро были приведены в действие. Гитлеровская Германия напала на Польшу 1 сентября 1939 года, развязав тем самым Вторую мировую войну, а 17 сентября советские войска вторглись в восточные пределы Польши. Вскоре после этого Польша была разделена между обеими тоталитарными державами: территория, оккупированная Германией, стала называться "генерал-губернаторством", области советской оккупации (после принудительного "народного голосования" 22 октября) в начале ноября 1939 года были присоединены к СССР.

На основании соглашений, достигнутых в секретном протоколе, Советский Союз построил осенью 1939 года военные базы в Эстонии, Латвии и Литве, признав поначалу независимость этих стран. Однако в июне 1940 года советские войска вошли в прибалтийские страны. Здесь также было проведено принудительное "народное голосование". И вскоре три прибалтийских государства были включены в СССР в качестве советских социалистических республик.

В конце июня 1940 года СССР напал на Бессарабию, то есть на северо-восточную часть Румынии, после чего Бессарабия также стала "Молдавской" ССР.

Эти секретные дополнительные протоколы пакта между Гитлером и Сталиным не подлежали цитации или упоминанию на всем протяжении сталинской эпохи. Но и после смерти Сталина, когда при Хрущеве (1953-1964) были вскрыты многие сталинские преступления, пакт между Гитлером и Сталиным по-прежнему оправдывался как "пакт о ненападении". То же самое относится к брежневскому периоду, длившемуся почти 20 лет: с октября 1964 года до середины 80-х годов.

*Первые шаги, направленные
на преодоление прошлого*

После избрания Горбачева на пост генерального секретаря КПСС (11 марта 1985 года) постепенно обозначились перемены в подходе к историческим вопросам. Шаг за шагом писатели, публицисты и историки стали приближаться к освещению некоторых темных аспектов сталинского периода советской власти - в первую очередь, ужасов коллективизации, массового террора во время большой чистки 1936-38 годов, роли Сталина во Второй мировой войне и, конечно, преследования писателей, художников и ученых. Этот процесс критической переработки взглядов на прошлое еще больше расширился после того, как Горбачев на встрече с представителями средств массовой информации, состоявшейся 14 февраля 1987 года, заявил, что ни в истории, ни в литературе не должно оставаться забытых имен и белых пятен.

В этой ситуации и пакт между Гитлером и Сталиным постепенно оказался в поле зрения советских историков, писателей и публицистов, выступающих в советской печати. 26 апреля 1987 года Горбачев и глава польского государства Ярузельский подписали соглашение, по которому историки обеих стран должны были приступить к ликвидации "белых пятен" в истории советско-польских отношений. Теперь невозможно было обойтись без открытой дискуссии о пакте между Гитлером и Сталиным и о разделе Польши, последовавшем в силу этого пакта; такая дискуссия особенно широко и интенсивно происходила в трех прибалтийских республиках СССР - в Эстонии, Латвии и Литве.

Через несколько месяцев после этого, 9 октября 1987 года польская газета "Литературная жизнь" - первая в Восточном блоке - опубликовала секретный дополнительный протокол пакта между Гитлером и Сталиным. В сопроводительной статье к публикации автор указывал на то, что советская сторона, к сожалению, не опубликовала этого документа.

В советской общественности существовала надежда, что Горбачев даст критическую оценку пакта между Гитлером и Сталиным в своей речи 2 ноября 1987 года, посвященной 70-летию Октябрьской революции. Но этого не произошло (можно надеяться - из-за сопротивления в кругах высших советских функционеров). В этой юбилейной речи Горбачева прозвучало оправдание пакта между Гитлером и Сталиным, хотя и в несколько более "мягкой", "гибкой" форме; о секретном дополнительном протоколе пакта Горбачев просто не упомянул.

И только весной 1988 года, спустя 48 лет после заключения пакта между Гитлером и Сталиным, начался прорыв и в этой области освоения прошлого. При этом три темы стоят в центре рассмотрения и обсуждаются -

как это принято с начала периода гласности - отчасти с различных, отчасти с противоположных точек зрения:

1. Аутентичность "секретных дополнительных протоколов": вопрос в том, должно ли (и если - да, то в какой мере) принимать во внимание эти документы в качестве исторических фактов.

2. Пакт между Гитлером и Сталиным и международное коммунистическое движение: вопрос о том, насколько верно и необходимо было тогда требование Коминтерна о поддержке пакта и об отказе от антифашистской борьбы, касавшееся коммунистов всех стран, то есть вопрос, составляющий основную тему данной книги.

3. Влияние пакта между Гитлером и Сталиным на судьбу прибалтийских стран - Эстонии, Латвии и Литвы, ставших с 1940 года советскими республиками в составе СССР; причем как раз в этих республиках произошли наиболее значительные выступления против пакта и было выдвинуто требование об опубликовании критических материалов и официального осуждения этого преступления сталинской политики.

Дискуссия о "секретных дополнительных протоколах"

До 1988 года в СССР оспаривалось само существование секретных дополнительных протоколов о разделе Польши и Восточной Европы, правда, в последнее время - не так резко и безапелляционно. На этот счет также высказывались различные мнения советскими историками, политологами и функционерами.

Так, например, Валентин Фалин, бывший посол СССР в Федеративной республике Германия, возглавлявший к тому времени Агентство печати "Новости", еще 16 авгу-

ста 1988 года заявлял, что попытки отыскать оригиналы секретных протоколов, якобы, остаются безуспешными и в СССР, и на Западе и что поэтому до сих пор нет ясности относительно подлинности полного текста, содержащегося в копиях. Фалин говорил, что в СССР ведется большая архивная работа по отысканию оригиналов, которые можно будет верно оценить только тогда, когда они будут найдены; а до тех пор, мол, к вопросу о секретных дополнительных протоколах нужно относиться с большой осторожностью.

23 августа 1988 года, к 49-й годовщине пакта между Гитлером и Сталиным, представитель Министерства иностранных дел СССР Герасимов заявил, что в советских архивах не найдено никаких копий секретных дополнительных протоколов (и что оригиналы, очевидно, больше не существуют). В то же время центральный информационный орган СССР - ТАСС высказалось в защиту пакта о ненападении, заключенного двумя диктаторами, говоря о нем как о необходимой мере в той исторической ситуации¹.

Правда, уже вскоре после этого можно было усмотреть и некоторое изменение курса в осмыслении ситуации, связанной с пактом. В публикации издания АПН "Спутник" (№ 10, 1988), хотя и оправдывался пакт между Гитлером и Сталиным, но в то же время критически освещался "Германо-советский договор о дружбе и границе", заключенный 28 сентября 1939 года. Там задавался вопрос: можно ли считать вершиной государственной мудрости заключение Сталиным договора о дружбе с фашизмом, и это после того, что Гитлер вылавливал немецких коммунистов, вмешался в испанские дела и т. д.²

Различные точки зрения были высказаны и в дискуссии "Европа перед Второй мировой войной", организо-

ванной АПН. Валентин Фалин (кстати, историк по образованию) и некоторые другие представляли ту точку зрения, что договор между Гитлером и Сталиным был обусловлен объективной необходимостью и что введение советских войск в Эстонию, Латвию и Литву (а до того - в Польшу) объясняется интересами безопасности СССР в виду угрозы нападения со стороны Германии³.

Другой точки зрения придерживался в этой "дискуссии историков" Юрий Афанасьев, известный советский историк и ректор Московского историко-архивного института. Он говорил, что в современной ситуации нельзя просто утверждать: я, мол, не верю в аутентичность протоколов советско-германского пакта о ненападении, - как это делали Фалин и некоторые другие. После того, что за прошедшие 40 лет эти и другие тексты и документы, относящиеся к договору 1939 года, исследованы сотнями, если не тысячами экспертов (на Западе, но и в СССР), которые не сомневаются в их подлинности, нужно доказывать свои возражения, исходя из современных требований к источниковедению. Такова была позиция Афанасьева, который высказал также свое заключение о пакте между Гитлером и Сталиным как о соглашении, нарушавшем интересы Польши и прибалтийских стран, что нельзя оправдывать привычным доводом о международной обстановке, мол, не позволявшей другого выхода, поскольку этот договор и его секретные протоколы как раз и послужили установлению складывавшейся тогда международной обстановки⁴.

Однако и в конце 1988 года многие советские историки и функционеры были настроены еще на защиту пакта о ненападении и на отрицание аутентичности "секретных протоколов", связанное с нападками на западных "историков и политологов". Это сказалось в публикации большой статьи о начале Второй мировой войны в "Прав-

де” за 1 сентября 1988 года, где от лица ”советских ученых” указывалось на то, что в случае с дополнительными секретными протоколами Запад, мол, пользуется лишь сомнительными ”копиями с фотокопий”⁵. Правомерны ли такого рода ”сомнения?”

Секретный дополнительный протокол пакта о ненападении, заключенного 23 августа 1939 года, как уже говорилось в этой книге, сначала сохранялся в глубокой тайне. 14 сотрудников германского посольства в Москве должны были дать тогда письменное обязательство об абсолютном неразглашении не только содержания (известного разве что 3-4 из них), но и самого факта существования такого протокола. Текст соответствующего секретному протоколу официального заявления датирован 27 августа 1939 года, он содержался в запечатанном конверте. С дополнительного протокола в канцелярии министра иностранных дел Германии Риббентропа были сделаны так называемые ”контрольные фотоснимки”.

Дальнейшую судьбу архива МИД гитлеровской Германии, включая и секретный дополнительный протокол, описывает в своем подробном исследовании западногерманский историк Хельмут Кёниг. Документы находились сначала в Берлине. Когда немецкие города все больше стали подвергаться воздушным нападениям, было решено оставить в Берлине только самое необходимое количество сотрудников и документов, а большую часть делопроизводства переместить в более безопасные места Германии. Основной состав сотрудников вместе с обрабатывавшейся ими документацией, был эвакуирован в Круммхюбель, район Ризенгебирге (Исполиновы горы), другие канцелярские отделы разместились в районе Боденского озера. Архивы были сосредоточены в нескольких замках горного массива Гарца, а также южнее и восточнее Берлина. С

наступлением советских войск "имперское правительство" Гитлера вынуждено было летом и осенью 1944 года переправить архивы, размещенные вблизи Берлина, также в Гарцскую область. Было предписано также уничтожить секретные документы, находившиеся в Круммхюбеле и не имевшие крайне важного значения, остальное же переместить в Тюрингию.

Весной 1945 года германская армия безостановочно отступала. В начале апреля в запасном хранилище в Мейсдорфе был получен список тех разделов документации, которые подлежали уничтожению. 10 апреля по телефону был отдан приказ немедленно приступить к уничтожению документов.

Согласно Кёнигу, многое указывает на то, что остатки документации, не уничтоженной своевременно в районе Ризенгебирге (Круммхюбель), могли попасть в руки советских войск и затем стать достоянием советских архивов.

Что же касается Мейсбурга в Гарце и находящихся неподалеку от него замков (Фалькенштейн, Дегенерсхаузен и Штольберг), где была сосредоточена большая часть архива гитлеровского МИДа, - этот район заняли, в частности, войска американской 1-й армии, которые и обнаружили там в апреле 1945 года объем документации (общим весом в 300 тонн). Английские и американские эксперты безотлагательно взялись за дальнейшие поиски и выявили остальные части архива, размещенного в Гарце и Тюрингии. Местом сосредоточения отысканных частей архива, взятых под контроль английских и американских экспертов, был сделан замок в Марбурге, находившийся тогда в американской зоне оккупации. Здесь были собраны документы в объеме 80-90 процентов всего архива бывшего германского МИДа. Позднее они были перемещены в Западный Берлин и, наконец, летом 1948

года отправлены в Англию, где им полагалось оставаться до тех пор, пока в Германии не наступят более устойчивые времена.

До января 1959 года эта документация постепенно была передана в политический архив министерства иностранных дел ФРГ в Бонне. В том числе были переданы и 20 катушек пленки различного размера, представлявших собой микрофильмы, снятые с 9.725 листов различной документации: там находились также германо-советские договоры и дополнительные протоколы в немецкой и русской редакциях⁶.

В конце февраля 1989 года представители Литовской ССР обратились в МИД ФРГ в Бонне с просьбой прислать им копию секретного дополнительного протокола пакта между Гитлером и Сталиным. Один из сотрудников боннского МИДа "любезно исполнил" эту просьбу, отправив копии и письмо в центральный орган печати КП Литвы. Там говорилось, что, согласно данным боннского архива, немецкий оригинал секретного протокола был уничтожен во время войны, когда Риббентроп, бывший в то время министром иностранных дел Германии, отдал приказ об уничтожении архива министерства. Однако перед уничтожением документов чиновники Риббентропа сняли их на микрофильмы, которые и сохраняются по сей день в архиве западногерманского МИДа в Бонне. Говорилось, что подлинность микрофильмов не подлежит сомнению, ибо она доказывается благодаря сравнению с подлинниками других, запечатленных на микрофильмах текстов⁷.

Пакт между Гитлером и Сталиным и международное коммунистическое движение

За последние два года в Советском Союзе наметился новый подход и в отношении такого существенного вопроса, как воздействие внешней политики Сталина - и в первую очередь: пакта с Гитлером - на международное коммунистическое движение той поры, на коммунистов и антифашистов других стран. До наступления периода, связанного с политикой Горбачева, в официальных советских публикациях разрешалось лишь указание на то, что поначалу пакт вызвал "определенное непонимание" и в рядах коммунистических партий зарубежных стран⁸. Теперь это табу снято, о чем можно судить по таким четырем публикациям.

23 июня 1988 года в советской газете "Молодежь Эстонии" появилась статья руководителя кафедры Московской ВПШ А. Латышева "История могла быть иной", в которой подробно говорилось о "трагедии Коминтерна". Латышев пишет:

"Огромный урон мировому коммунистическому движению принесла деятельность Сталина накануне второй мировой войны". Он напоминает о той вакханалии "произвола и беззакония, которая развернулась в стране в 1936-1939 годах" и которая привела к изоляции коммунистов в других странах, особенно же - после заключения пакта о ненападении с гитлеровской Германией, когда "в советской прессе, в печати Коминтерна вообще исчезло слово 'фашизм', а главным врагом был объявлен англо-французский империализм".

Далее Латышев пишет: "Безусловна вина Сталина в отождествлении - после заключения советско-германского договора - внешней политики КПСС и деятельности Коминтерна. Жесткие требования к западным партиям

отказаться от антифашизма дискредитировали последних в глазах их потенциальных союзников". Репрессии против видных деятелей международного коммунистического движения, "оказавшихся по тем или иным причинам в 30-е годы в нашей стране, - замечает Латышев, - начались еще до заключения договора о ненападении с Германией в 1939 году. Уже в первой половине 1937 года были арестованы члены руководства Германской компартии Х. Эберлейн, Г. Реммеле, Г. Нойман, Ф. Шульте, Г. Киппенбергер... А после заключения пакта с Германией Сталин просто-напросто выдал Гитлеру множество антифашистов, бежавших в СССР после 1933 года. Таинственно исчезли в те же годы шуцбундовцы - члены военизированной организации австрийских левых социал-демократов, в феврале 1934 года поднявшие восстание против фашистов и реакционеров, а после его поражения нашедшие убежище в СССР". Таким образом, по Латышеву: "Культ личности Сталина - трагедия не только советского народа, но и всего мирового коммунистического движения"⁹.

Через несколько недель после статьи Латышева, в сентябре 1988 года, в журнале "Дружба народов" (в порядке дискуссии) появились размышления советского комментатора по внешнеполитическим вопросам Эрнста Генри, в которых он включает пакт с Гитлером в ряд исторических ошибок Сталина, связанных с неверной оценкой германского фашизма. Эти ошибки начались еще в 1924 году, когда Сталин объявил социал-демократов соответствующим крылом фашистского движения и призвал не к объединению, а к борьбе с ними не на жизнь, а на смерть¹⁰. Согласно Генри, который жил тогда в Германии, эта сталинская концепция, воспринятая дисциплинированными немецкими коммунистами как приказ, произвела разрушительное действие в рядах анти-

фашистов, больно задела и обозлила социал-демократов, которым приклеили теперь ярлык "социал-фашистов", и способствовала приходу Гитлера к власти. О катастрофических последствиях пакта между Гитлером и Сталиным для коммунистических партий Европы Генри пишет, что в результате пакта были дискредитированы и все коммунисты Запада. Таким образом, сталинская политика раскола не остановилась на социал-демократах, но загнала в тупик изоляции все международное коммунистическое движение¹¹.

Затем, осенью 1988 года, в официальном партийном органе - журнале "Коммунист" (№ 10) - появилась подробная статья "Коминтерн: опыт деятельности", посвященная губительным последствиям пакта между Гитлером и Сталиным для мирового коммунистического движения, авторы которой - Ф. Фирсов и К. Шириня - писали: "Нам представляется, что ослабленный последствиями сталинского произвола Исполком Коминтерна не сумел в связи с заключением советско-германского пакта о ненападении 1939 года проявить свою идейно-политическую самостоятельность. Как известно, этот вынужденный внешнеполитический шаг Советского Союза вызвал серьезное замешательство в рядах международного коммунистического движения. Сам по себе такой шаг вовсе не требовал, чтобы Коминтерн и компартии ослабили борьбу против фашизма. Однако тактические соображения - не давать Гитлеру каких-либо поводов для нарушения договора 1939 года - в условиях слишком тесного следования Коминтерна за внешнеполитическими акциями СССР нанесли определенный ущерб антифашистской политике коммунистов. Термин 'фашизм' применительно к гитлеровской Германии исчезает из публиковавшихся в тот период документов Коминтерна, удар в пропаганде нацеливается против империализма

в целом с акцентированием особой опасности англо-французского империализма”¹².

Наконец, в феврале 1989 года в еженедельнике ”За рубежом” были опубликованы и достаточно пространные выдержки из моей книги ”Революция отвергает своих детей” - как раз те, в которых описано воздействие пакта между Гитлером и Сталиным на немецких и австрийских эмигрантов-антифашистов, живших тогда в СССР. Во вводке дается краткая справка о моем жизненном пути в контексте ”трагических событий” в СССР.

Мои воспоминания из этой книги уже приводились. Здесь важно отметить, что публикация в ”За рубежом” включала и мое свидетельство о новой широкой волне арестов в конце осени 1939 года, которая коснулась ”проживавших в Советском Союзе иностранных коммунистов. За немногие месяцы в аппарате Коминтерна было арестовано больше деятелей, чем их было арестовано за 20 лет всеми буржуазными правительствами вместе”.

Затем в ”За рубежом” приводится мой рассказ о том, как мы, дети эмигрантов-антифашистов, узнали о заключении пакта, находясь в гостях у военного училища в Ейске, на Азовском море, после чего нас срочно вернули в Москву, а наш детский дом расформировали. Есть там и абзацы, показывающие, как внезапно переменялась официальная пропаганда в отношении гитлеровской Германии сразу после заключения пакта, что коснулось также подбора книг в библиотеках, кинофильмов и т. д. Заканчивается этот фрагмент публикации, посвященный пакту, словами о гитлеровском нападении на Польшу, о вступлении в Польшу советских войск и заключении ”Советско-германского договора о дружбе и границе” - ”на бывшей польской территории”¹³.

Осуждение пакта между Гитлером и Сталиным в Эстонии, Латвии и Литве

Признанием того, что "секретные дополнительные протоколы" существуют (хотя и не все еще с этим соглашаются), и открытым выступлением по поводу урона, нанесенного заключением пакта антифашистам всех стран, а также советскому народу в СССР, были сделаны важные шаги в сторону осмысления исторической правды. Но процесс критической переработки сталинистского прошлого, в том числе и событий, связанных с пактом между Гитлером и Сталиным, протекает в СССР неравномерно и противоречиво. Наиболее существенные критические выступления о пакте прозвучали в республиках Эстонии, Латвии и Литве. Здесь можно говорить даже об осуждении пакта и связанной с ним политики Сталина. Судьба этих прибалтийских стран оказалась в непосредственной зависимости от заключения пакта между Гитлером и Сталиным.

В столицах прибалтийских республик - Таллинне, Риге и Вильнюсе - уже 23 августа 1987 года состоялись демонстрации протеста, посвященные 48-ой годовщине заключения пакта. В то время эти демонстрации еще отрицательно освещались в официальной советской прессе.

В 1988 году в прибалтийских республиках обозначился решительный поворот в этом смысле. 10-11 августа орган ЦК эстонской компартии "Рава Хяял" ("Голос народа") опубликовал, наконец, дополнительный протокол пакта, заключенного 23 августа 1939 года; комментировал публикацию известный эстонский историк Хейно Арумья. Через неделю текст дополнительного протокола и эта статья в несколько укороченном переводе появилась и в русскоязычной газете "Советская Эстония". Здесь

публикация сопровождалась также фотографией Сталина, Молотова и Риббентропа. Затем церемония подписания пакта 23 августа 1939 года была впервые показана по советско-эстонскому телевидению¹⁴.

Примерно в то же время секретные дополнительные протоколы были напечатаны в литовских, хотя и малотиражных, изданиях "Литература Ир Минас" (20 августа 1988 года) и "Вестник литовского движения за переустройство" (№ 4, 1988 год). Так возникла несколько парадоксальная ситуация: хотя секретный дополнительный протокол и был опубликован по-эстонски, по-литовски и по-русски в обеих республиках, однако, в Советском Союзе в целом он оставался неизвестен.

Для дальнейшего развития событий решающее значение имели отдельные выступления и массовые демонстрации в Эстонии, Латвии и Литве, приуроченные к 49-ой годовщине со дня подписания пакта между Гитлером и Сталиным. В Эстонии демонстрации были организованы легально оформившимся к тому времени "Эстонским Народным фронтом". В Таллине митинг проходил в большом официальном помещении, утопая в эстонских национальных знаменах, что к тому времени тоже было разрешено. С речами выступили не только эстонцы. Народный фронт Эстонии пригласил также советского историка Юрия Афанасьева, поддерживающего политику реформ. Афанасьев в своей речи открыто высказался не только о существовании секретного протокола, он указал и на то, что подписание пакта привело к оккупации Эстонии. Он говорил о несерьезности утверждений, будто прибалтийские государства добровольно присоединились к СССР летом 1940 года, что здесь речь идет об исторической несправедливости, которую нельзя больше замалчивать. Ни в какой другой стране, - сказал далее Афанасьев, - история не искажена в такой сте-

пени, как в Советском Союзе, где по-прежнему отрицается и существование секретных протоколов к договорам между Гитлером и Сталиным, хотя о них знает каждый школьник на Западе.

Тогда же, 23 августа 1988 года, состоялись многочисленные демонстрации в Латвии. В официально разрешенной демонстрации в Риге приняли участие свыше 60.000 человек, большинство составляли латыши, но в выступлениях участвовали также эстонцы, русские и армяне. Свидетели сообщают, что на демонстрации можно было видеть наряду с латышскими (запрещенными прежде) знаменами, также знамена Польши, Литвы и Финляндии. Среди выступавших с особым воодушевлением был встречен политический комментатор Маурикс Вульфсонс, который уже долгое время настаивал на проведении открытой дискуссии о "пакте Риббентропа - Молотова", то есть о пакте между Гитлером и Сталиным.

На митинге в Риге некоторые латышские ораторы говорили по-русски, чтобы их понимали не только латыши, но и другие участники демонстрации. Особенно сердечный отклик демонстрантов вызвала речь, которую произнес Сергей Егоренко, выступавший от имени русскоязычного населения Латвии. Егоренко заявил, что Латвия должна принадлежать латышам, которые сами имеют право определять будущее своей страны, и что это должны понять все граждане СССР; он выступил также против любых форм русского шовинизма. Руководитель группы "Хельсинки-86" в советской Латвии Юрис Витиньш критиковал советское правительство за нарушение прав человека в Латвийской республике. Представитель независимого журнала "Аусеклис" Айвар Жуковскис зачитал письмо американских сенаторов (от 17 августа 1988 года), посвященное судьбе латвийского народа, в котором говорилось, что пакт между

Гитлером и Сталиным должен быть опубликован и осужден в СССР. Слушатели встретили письмо с энтузиазмом. Выступления закончились общим пением латвийского национального гимна ("Господь, благослови Латвию"), находившегося до тех пор под запретом.

Особенно впечатляющим был массовый митинг протеста, состоявшийся в столице Литвы Вильнюсе в парке Вингис, в котором приняли участие около 100.000 человек. Почти во всех речах на первом месте стоял вопрос о пакте между Гитлером и Сталиным. Стенограмма митинга была позже опубликована по-литовски, а также по-русски (в журнале национального движения "Возрождение").

Выступивший на митинге литовский музыковед Витаутас Ландсбергис сказал: "Два человека в тот день поставили свои подписи под одним документом. Их имена были: Риббентроп и Молотов. Но за этими довольно опасными преступниками стояли двое других - Гитлер и Сталин. И нет у человечества таких слов, какими бы можно было назвать их. Эти двое создали системы бесчеловечного мышления и бесчеловечных дел, и имя им - гитлеризм и сталинизм. Не удовлетворяясь преступлениями в своих государствах, и гитлеризм (несколько раньше), и сталинизм (в 1939 г.) распространили кровавую политическую и военную экспансию на другие территории... Пали Австрия, Клайпеда, Чехословакия. От успехов одного диктатора разгорался аппетит у другого". Ландсбергис выразил также надежду на то, что теперь, когда пришло время вспомнить правду о прошлом, советские историки "стали более смелыми, обрели больше свободы" и что этот процесс, ведущий к выздоровлению (или к смерти), закончится преодолением наследия сталинизма, и тогда можно будет решить "и другие наши жизненные вопросы".

Литовский поэт Юстинас Марцинкявичюс вспоминал о том, как 49 лет тому назад в центральных советских газетах появилась фотография, на которой Сталин, подняв бокал шампанского, приветствовал Молотова и Риббентропа, подписавших пакт о ненападении между СССР и гитлеровской Германией. Этот договор, имевший такие ужасные последствия для коммунистических и социалистических партий мира, "советские люди, - говорил Марцинкявичюс, - видимо, тоже восприняли.... настороженно. Народ был прав: через неделю шампанское в бокалах Сталина, Молотова и Риббентропа превратилось в кровь: началась вторая мировая война".

Марцинкявичюс напомнил о том, что, следуя этому договору, СССР поставлял тогда гитлеровской Германии нефть и другие стратегические материалы, что из-за сталинской политики Коминтерна был "подорван антифашистский фронт прогрессивных сил Запада, что в Москве были арестованы и уничтожены многие деятели европейских компартий", а от тех, кто сидел в фашистских концлагерях и тюрьмах, отвернулись, даже - от Эрнста Тельмана. Но все это не помогло Сталину, через полтора года Гитлер напал и на СССР, усилившись, в частности, за его счет, и таким образом - по Марцинкявичюсу - "подписание пакта Молотова - Риббентропа 23 августа 1939 года можно назвать стратегической ошибкой сталинской внешней политики и фактическим началом Второй мировой войны. Вот почему мы безоговорочно осуждаем этот пакт", как "ужасный документ международного бандитизма", - говорил Марцинкявичюс, потребовавший обнародования и официального осуждения этого пакта вместе с секретными протоколами.

Академик Антанас Бурачас сказал в своей речи, что за полвека, прошедшие "со времени подписания позорного пакта Молотова и Риббентропа, в мире прекращают

существование остатки колониальной империалистической системы” и что поэтому пора обратить внимание на ”правовой фундамент, гарантирующий самостоятельность литовского народа, перспективу его развития”.

Среди выступавших на митинге был и секретарь ЦК компартии Литвы Ленгинас Шепетис. Отметив, что на митинге только что почтили минутой молчания ”память жертв сталинизма”, которым следует ”воздвигнуть памятник”, он заверил собравшихся в том, что партия предпринимает ”самые решительные шаги для того, чтобы эту огромную обиду исправить, реабилитировать жертвы депортаций, объявить депортацию антиконституционной”. Шепетис также высказался о своем согласии с митингом: ”мы заклеямили теорию и практику сталинизма и гитлеризма, которые выходят за пределы социализма”, человечности, за пределы добра и зла.

Литовский историк Гедиминас Рудис, напомнив о том, что 23 августа 1939 года за столом переговоров встретились и нашли общий язык ”представители двух реакционнейших режимов XX века - сталинского и гитлеровского”, высказался против советского утверждения о ”революционной ситуации” в прибалтийских государствах, якобы созревшей к июню 1940 года и позволившей СССР, вслед за разгромом Польши, оккупировать Литву, Латвию и Эстонию. С другой стороны, он выступил и против утверждений об угрозе СССР со стороны прибалтийских государств в 1940 году, равно как против фальсифицированных утверждений о нападениях на красноармейцев в Литве. Рудис солидаризировался с мыслью русского историка Афанасьева о необходимости очищения от сталинизма посредством исторической науки, которая ”созидается в лабораториях и аудиториях, а не на съездах и в партийных комитетах”, что углубило бы

исторический анализ и помогло бы историкам "вернуть" свой долг обществу.

Затем на митинге прозвучала магнитофонная запись с голосом 92-летнего бывшего министра иностранных дел Литвы Юозаса Урбшиса. Урбшис рассказывал, как "проходили переговоры между Литвой и СССР о передаче Вильнюса и его окрестностей Литве". В этих переговорах о грубом и произвольном разделе "независимого государства" Сталин отстаивал редакцию своего договора с Гитлером, то есть, можно сказать, интересы фашистской Германии. Вслед за тем выступил историк Людас Труска, который, напомнив о ликвидации Литовского государства как о национальной трагедии, последовавшей в силу "пакта Риббентропа и Молотова", сказал: "Мы должны осознать, что все жители Литвы - литовцы, евреи, поляки, русские, - которые были высланы, которые были замучены в тюрьмах, которые погибли в столкновениях послевоенных лет: все они жертвы пакта Риббентропа и Молотова"¹⁵.

Таким образом, массовые выступления 23 августа 1988 года в Эстонии, Латвии и Литве поставили на повестку дня вопрос о пакте между Гитлером и Сталиным и его последствиях. После этого дискуссия о пакте распространилась за пределы прибалтийских республик, прозвучали требования о публикации в центральной печати секретных дополнительных протоколов пакта.

Вопрос о пакте между Гитлером и Сталиным (по крайней мере, в Эстонии) сыграл роль и при подготовке к выборам народных депутатов СССР, состоявшимся по национально-территориальным округам 26 марта 1989 года. Как известно, впервые на этих выборах выдвигалось более чем по одному кандидату от каждого избирательного округа. И вот состоялась беседа с журналистами трех эстонских кандидатов. Один из них - Инд-

рек Тоома, 46 лет, с ноября 1988 года председатель совета министров Эстонской ССР, закончил Политехнический институт в Таллинне и ВПШ при ЦК КПСС в Москве, выступает как приверженец реформ. Другой кандидат - Хиллар Калда, 57 лет, один из самых известных врачей в Эстонии, с 1962 года - в КП, входит также в местное правление Народного фронта. Наконец, в беседе принимала участие и Марика Филла, 45 лет, изучавшая германистику в Тарту и бывшая кинорежиссером в Москве, эстонская журналистка большой известности.

В ходе этой беседы возник вопрос о пакте между Гитлером и Сталиным. Калда высказался за полное аннулирование пакта 1939 года, включая все его политические последствия. На вопрос о том, что следствием пакта явилось и присоединение трех прибалтийских государств к СССР в 1940 году, он ответил, что все зависит от того, признает ли, наконец, Москва, что тогда состоялся захват нашего государства.

Когда этот же вопрос был задан председателю совета министров ЭССР, он сказал, что в принципе согласен с предыдущим ответом, что правительство СССР должно, наконец, открыто высказаться по поводу этого пакта как одного из самых преступных актов насилия сталинской внешней политики, что эстонское правительство уже обратилось по этому поводу в Москву и что речь при этом, разумеется, должна идти и о 1940 годе, когда совершился второй акт спектакля, затеянного гитлеристами и сталинистами¹⁶.

Такова картина на сегодняшний день. За последние два года табу относительно пакта между Гитлером и Сталиным, наконец, нарушено. Надежда Джорджа Чарни, уже цитировавшегося в этой книге, начинает исполняться: "Возможно, эта эпоха еще будет подвергнута всеобъемлющей критике со стороны советских историков". На это

указывает публикация секретного дополнительного протокола пакта 1939 года в советских газетах Эстонии и Литвы, дискуссия о подлинности секретных протоколов, открытое признание разрушительных последствий пакта для мирового коммунистического движения, а также для советских граждан, и, наконец, - требование, выдвинутое в первую очередь в прибалтийских республиках: о публикации всех материалов, связанных с пактом, о его критическом рассмотрении и официальном осуждении в качестве преступления, совершенного правительствами двух диктаторов, двух тоталитарных систем.

Споры и разногласия по этому вопросу не утихают. Исход этого процесса еще не ясен. Если, как можно ожидать, гласность будет развиваться и все больше превращаться в курс политико-экономических реформ, нетрудно себе представить, что к 23 августа 1989 года в центральной советской прессе будут опубликованы и секретные протоколы пакта между Гитлером и Сталиным, а сам пакт будет осмыслен в его подлинном значении - как договор между двумя тоталитарными державами, направленный на раздел сфер влияния и захват независимых стран, который послужил решающим толчком к началу Второй мировой войны. Тогда, хотя и с 50-летним опозданием, население СССР будет, наконец, поставлено в известность об этом трагическом событии.

Остается надеяться, что публикации в таком случае не будут ограничены только областью дипломатии и внешней политики, но покажут также, с какими человеческими трагедиями он был связан в то время, особенно - среди антифашистов всех стран. Таким образом, впервые возникает надежда, что и советские граждане узнают о том, какой сильный шок от пакта между Гитлером и Сталиным испытали антифашисты всех стран мира, о чем и рассказывает эта книга.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1. РУКОПОЖАТИЯ В МОСКВЕ: ТАЙНЫ И СЮРПРИЗЫ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

1. Hans von Herwarth: Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931-1945. Propyläen-Verlag Frankfurt/Main, 1982, S. 186.
2. A. Rossi: Zwei Jahre deutsch-sowjetisches Bündnis. Verlag für Politik und Wirtschaft Köln 1954, S. 50-51.
3. Hans von Herwarth: A.a.O., S. 187-189.
4. A. Rossi: A.a.O., S. 54.
5. "Правда", 24 авг. 1939, с. 1. (Автор книги, В. Леонгард, ссылается на кн.: Alexander Werth: Russland im Krieg. Verlag Droemer-Knaur, München-Zürich 1965, S. 56 u. 57. Существует русский перевод книги А. Верта "Россия в войне 1941-1945. Авториз. перев. с английского. Москва, "Прогресс", 1967, в которой глава о пакте практически отсутствует и не приводится текст пакта. Кроме того, все источники на других языках, кроме немецкого, включая не найденные переводчиком русские или не выходявшие по-русски, даются в переводе с немецкого языка, использованном автором данной книги, вне зависимости от того, на каком языке приводится автором название источника в Примечаниях. - Прим. перев., дается всегда в скобках: И. Б.)
6. Никита Хрущев. Воспоминания. Избранные отрывки, 1979, с. 37; Воспоминания. Книга вторая, 1981, с. 66-67, 69 и 71, - New York, Chalidze Publications. (В нем. перев. воспоминания Хрущева приведены в больший языковый и композиционный порядок.)
7. Ernst Fischer: Erinnerungen und Reflexionen. Rowohlt Verlag, Reinbek bei Hamburg, 1969, S. 406-409.
8. Jesus Hernandez: La Grande Trahison. Paris 1953, S. 206-207.
9. Enrique Castro Delgado: Mi fe se perdi en Moscou (Ich habe meinen Glauben in Moskau verloren). Verlag Horizontes, Mexico 1951, S. 36-37.
10. Enrique Castro Delgado: A.a.O., S. 37.
11. Ernst Fischer: A.a.O., S. 409-411.
12. Ruth von Mayenburg: Blaues Blut und Rote Fahnen. Verlag Fritz Molden, Wien-München-Zürich, 1969, S. 268.

13. Friedrich Uttitz: Zeugen der Revolution. Mitkämpfer Lenins und Stalins berichten. Gespräch mit Ruth von Mayenburg, S. 134.

14. Herbert Wehner: Zeugnis. Köln 1982, S. 233.

15. Sidney Wilfred Scott: Rebel in a Wrong Cause. Collins, Auckland, 1960, S. 98-102.

16. Enrique Castro Delgado: A.a.O., S. 43-46.

17. Hans von Herwarth: A.a.O., S. 173.

18. Hans von Herwarth: A.a.O., S. 187 u. 188.

19. Juho Kusti Paasikivi: Meine Moskauer Mission 1939-1941. Holsten-Verlag Hamburg 1966, S. 50-51 und 56.

20. Juho Kusti Paasikivi: A.a.O., S. 58.

21. Grigore Gafencu: Vorspiel zum Krieg im Osten. Verlag Amstutz, Herdeg & Co., Zürich 1944, S. 62-63.

22. Alexander Werth: A.a.O., S. 56-57.

23. Enrique Castro Delgado: A.a.O., S. 45-46.

24. "Правда", 1 сент. 1939, с. 1. Речь Молотова на сессии Верховного Совета 31 авг. 1939 г. "о ратификации договора о ненападении". (Автор пересказывает также: Alexander Werth: A.a.O., S. 58.)

25. N. G. Kuznezow: Am Vorabend. Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, Ost-Berlin 1969, S. 250-253. (См.: Адмирал Н. Г. Кузнецов, ж. "Октябрь", № 9 и 11.)

26. "СССР: Внутренние противоречия", № 4, New York, Chalidze Publications, 1982, с. 248. (Перевел с нем. Ю. Фельштинский с издания Госдепартамента США.)

27. A. Rossi: A.a.O., S. 54.

28. Александр Некрич. Отрешись от страха. Воспоминания историка, 1979, London, Overseas Publications Interchange LTD (далее везде: OPI), с. 157.

ГЛАВА 2. ПАКТ И ЛЮДИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

1. Alexander Werth: A.a.O., S. 57.

2. Times, London. 28 August 1939.

3. Oksana Kasenkina: Leap to Freedom. New York 1949, S. 86.

4. Anatolij Granowski: I was an NKVD-Agent. New York 1962, S. 120. Перепечатка с книги, вышедшей в 1955 г. в Лондоне под названием: "All Pity Choked".

5. М. Галлай. Первый бой мы выиграли, ж. "Новый мир", 1966, № 9, с. 24.

6. Viktor A. Kravchenko: Ich wählte die Freiheit. Das private und politische Leben eines Sowjetbeamten. Hamburg 1946, S. 438-441. (Существует русское издание книги В. Кравченко "Я избрал свободу", 1950. Сокр. пер. с англ. изд., 188 стр.)

7. Leopold Grünwald: Wandlung. Ein Altkommunist gibt zu Protokoll. Verlag der Wiener Volksbuchhandlung o.J., S. 71.

8. Вольфганг Леонгард. Революция отвергает своих детей. London, OPI, 1984, см.: с. 52-58. (И далее: цит. с некоторыми отклонениями относительно перевода и композиции текста, вслед за автором, который ссылается на нем. изд.: Wolfgang Leonhard: Die Revolution entlässt ihre Kinder. Verlag Kiepenheuer & Witsch, Köln 1955, Neuaufgabe 1981, S. 50-55.)

9. Viktor A. Kravchenko: A.a.O., S. 438.

10. Вольфганг Леонгард, см.: с. 62.

11. Enrique Castro Delgado: A.a.O., S. 38-39.

12. Вольфганг Леонгард, см.: с. 63.

13. Herbert Wehner: Zeugnis. Kiepenheuer & Witsch, Köln 1982, S. 233-234.

14. "Правда", 1 ноября 1939 г., с. 1: "О внешней политике Советского Союза". Доклад Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г.

15. Вольфганг Леонгард, см.: с. 62.

16. Josef Berger: Nothing but the Truth. New York 1971, S. 177-178.

17. P. A. Медведев. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Alfred A. Knopf, New York 1974, с. 875.

18. Viktor A. Kravchenko: A.a.O., S. 441.

19. И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5, Москва, Госполитиздат, 1952, с. 205.

20. P. A. Медведев, с. 877.

21. Alexander Weissberg-Cybulski: Hexensabbat. Taschenbuchausgabe Suhrkamp Verlag Frankfurt/Main 1977, S. 349, 356, 364-365 und 369-372.

22. Евгения Гинзбург. Крутой маршрут. Книга первая, Possev-USA, New York 1985, с. 378-9.

23. Margarete Buber-Neumann: Als Gefangene bei Stalin und Hitler. Rote Weissbücher, Köln 1952, S. 130 und 149-157.

ГЛАВА 3. ВОЛНЫ ШОКА В МИРОВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Немецкие коммунисты в подполье, в тюрьмах, концлагерях и в эмиграции

1. (См. советское изд.; автор ссылается на:)

Die Kommunistische Internationale. Kurzer historischer Abriss. Dietz Verlag, Ost-Berlin 1970, S. 544.

2. Willi Dickhut: So war das damals. Tatsachenbericht eines Solinger Arbeiters 1926-1948. Verlag Neuer Weg, Stuttgart 1979, S. 262-264.

3. Eugen Eberle / Peter Grohmann: Die schlaflosen Nächte des Eugen E. Erinnerungen eines neuen schwäbischen Jakobiners. Edition Cordeliers, Stuttgart 1982, S. 99.

4. Paul Elflein: Immer noch Kommunist? Herausgegeben von Rolf Becker und Claus Bremer. Verlag zum Studium der Arbeiterbewegung. Hamburg 1978, S. 101-102.

5. Erich Honecker: Aus meinem Leben. Dietz Verlag, Ost-Berlin 1982, S. 138.

6. Heinz Brandt: Ein Traum, der nicht erfüllbar ist. Mein Weg zwischen Ost und West. Paul List Verlag, München 1967, S. 133-140.

7. Eugen Ochs: Ein Arbeiter im Widerstand. Edition Cordeliers, Stuttgart 1984, S. 40.

8. Wolfgang Abendroth: Ein Leben in der Arbeiterbewegung. Suhrkamp-Verlag, Frankfurt/Main 1976, S. 180-181.

9. Franz Dahlem: Am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. Dietz Verlag, Ost-Berlin, Band II, S. 377-379 und S. 381.

10. Alexander Abusch: Der Deckname. Memoiren. Dietz Verlag, Ost-Berlin 1984, S. 481.

11. Alexander Abusch: A.a.O., S. 482.

12. Заявление ЦК КПГ от 25 авг. 1939 г.: vgl. Rundschau, Basel, Nr. 46, 1939, S. 1323-1324. О нем см.: Horst Duhnke: Die KPD von 1933-1945. Köln 1972, S. 334-335; Julius Braunthal: Geschichte der Internationale. Band I. Hannover 1963, S. 517-518, sowie in den Memoiren von Abusch: Der Deckname. Dietz Verlag, Ost-Berlin, 1984, S. 48-49.

13. Alexander Abusch: A.a.O., S. 483-484.

14. Henry Jacoby: Davongekommen. 10 Jahre Exil 1936-46. Sandler Verlag, Frankfurt am Main 1982, S. 73.
15. Henry Jacoby: A.a.O., S. 104.
16. Henry Jacoby: A.a.O., S. 101-105.
17. Jürgen Kuczynski: Memoiren. Die Erziehung des J. K. zum Kommunisten und Wissenschaftler. Aufbau Verlag, Ost-Berlin 1975, S. 287.
18. Theodor Balk: Das verlorene Manuskript. Editorial "El Libro Libre". Mexico 1943. Nachdruck Gerstenberg Verlag, Hildesheim 1979. Zitierte Stellen aus den Seiten 190, 194-197, 199, 203-205 und 207-209.
19. Hasso Grabner / Heinz Mildner: Der Weg nach Hause. Erinnerungen von Generalmajor Ewald Munschke. Deutscher Militärverlag, Berlin-Ost 1963, S. 147.
20. Heinz Kühn: Widerstand und Emigration. Die Jahre 1928-1945. Hoffmann und Campe Verlag, Hamburg 1980, S. 227-229.
21. Karl Kunde: Die Odyssee eines Arbeiters. Mit einem Vorwort von Prof. Hans Mayer. Edition Cordeliers, Stuttgart, 1985, S. 47-49 u. S. 134-135.
22. Hans Teubner: Exilland Schweiz. Dietz Verlag, Ost-Berlin 1975, S. 56-60. Nachdruck Röderberg Verlag Frankfurt/Main 1975.
23. Karl Mewis: Im Auftrag der Partei. Dietz Verlag, Ost-Berlin 1972, S. 214 und 220-224.

Пакт и коммунисты во Франции

1. (обр. пер. с нем.): Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung. Informationsorgan der Kommunistischen Internationale, 8. Jahrgang, Nr. 13. Basel, 14. März 1939, S. 862.
2. Charles Tillon: Om Chantait Rouge. Ed. Robert Laffont, Paris 1977, S. 278.
3. Giulio Ceretti: A L'Ombre des deux T. Julliard. Paris 1973, S. 196.
4. Adam Raysky: Nos Illusions Perdues. Paris, Verlag Balland 1985, S. 64.
5. Clara und Paul Thalmann: Revolution für die Freiheit. Stationen eines politischen Kampfes: Moskau, Madrid, Paris. Verlag Assoziation, Hamburg 1976, S. 258; unter dem Titel "Wo die Freiheit stirbt" im Walter Verlag, Olten 1974.

6. Charles Tillon: A.a.O., S. 280.
7. A. Rossi: Les Communistes Français pendant la drôle de guerre. Les Iles d'Or, Paris 1951, S. 36.
8. Marcel Thourel: Itinéraire d'un Cadre Communiste. Verlag Privat, Toulouse 1980, S. 113-115.
9. George Cogniot: Zwiesprache mit meinem Leben. Weg und Ziel eines französischen Patrioten und Kommunisten. Dietz Verlag, Ost-Berlin 1983, S. 345.
10. Franz Dahlem: A.a.O., S. 371 u. 386.
11. Charles Tillon: A.a.O., S. 282 u. 284.
12. Giorgio Amendola: Der Antifaschismus in Italien. Ein Interview. Verlag Klett-Cotta, Stuttgart 1977, S. 158 u. 160.
13. Giorgio Amendola: A.a.O., S. 164 (S. 242).
14. Teresa Noce: Estella. Autobiographie einer italienischen Revolutionärin. Verlag Cooperative, Frankfurt/Main 1981, S. 211-213 u. 237-238; (Rivoluzionaria Professionale, Verlag La Pietra, Milano/Mailand, 1974).
15. Илья Эренбург. Люди, годы, жизнь. - Собр. соч. в 9-ти тт., М., "Художественная литература", 1967, т. 9, с. 233.

Воздействие пакта на антифашистов других стран

1. (обр. пер. с нем.) Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung, Informationsorgan der Kommunistischen Internationale, 8. Jahrgang. Basel Nr. 13, 14. März 1939, S. 862.
2. Edith Bone: Seven Years Solitary. Harcourt. Brace and Company New York 1957, S. 39-40.
3. Douglas Hyde: Anders als ich glaubte. Der Weg eines Revolutionärs. Verlag Herder, Freiburg 1952, S. 75-76.
4. Antonio Pesenti: La Cattedra e il Bugliolo. Verlag La Pietra, Milano 1972, S. 185-187.
5. Zoltan Vas: Hazatérés 1944. (Rückkehr in die Heimat 1944.) Budapest Verlag Szépirodalmi 1970, S. 22-24; мемуары 3. Ваша до сих пор на другие языки не переводились.
6. Wladimir Dedijer: Tito - autorisierte Autobiographie. Ullstein-Verlag, Berlin 1953, S. 120.
7. Milovan Djilas: Der junge Revolutionär. Memoiren

1929-41. Molden Verlag, Wien-München-Zürich 1973, S. 309-310.

8. Svetozar Vukmanovic-Tempo: Mein Weg mit Tito. Ein Revolutionär erinnert sich. Droemer-Knaur Verlag, München-Zürich 1972, S. 66.

9. Vilko Vinterhalter: Tito - Der Weg des Josip Broz. Europa Verlag, Wien-Frankfurt-Zürich 1969, S. 158-162.

10. Jiri Pelikan: Ein Frühling, der nie zu Ende geht. Erinnerungen eines Prager Kommunisten. S. Fischer Verlag, Frankfurt 1976, S. 30-31.

11. Gusta Fucikowa: Mein Leben mit Julius Fucik. Dietz Verlag, Ost-Berlin 1976, S. 384.

12. Leopold Trepper: Die Wahrheit. Autobiographie. Kindler Verlag, München 1975, S. 100-101.

13. Ruth Seydewitz: Alle Menschen haben Träume. Meine Zeit, mein Leben. Buchverlag "Der Morgen", Ost-Berlin 1978, S. 322-323; in den Memoiren von Max Seydewitz, Dietz Verlag, Ost-Berlin 1976, S. 401-402.

14. Walther Bringolf: Mein Leben. Weg und Umweg eines Schweizer Sozialdemokraten. Scherz Verlag, Bern-München-Wien 1965, S. 208-210.

15. Memoiren von Jules Humbert-Droz: Dix ans de lutte antifasciste. 1931-1941, Band III, S. 386-387. Edition de la Baconnière la Chatelle 1972.

16. Friedrich Uttiz: Zeugen der Revolution. Mitkämpfer Lenins und Stalins berichten. Interview mit Jenny Humbert-Droz, der Witwe des EKKI-Sekretärs Jules Humbert-Droz, Zitate auf S. 112. Bund-Verlag 1984.

17. Ruth Werner: Sonjas Rapport. Verlag Neues Leben. Ost-Berlin 1977, S. 225-229, 231-235 und 241-242.

18. Alexander Foote: Handbuch für Spione. (Übersetzung der englischen Ausgabe "Handbook for Spies".) Leske Verlag, Darmstadt 1954, S. 41-43.

19. George Charney: A Long Journey. Quadrangle Books, Chicago 1968, S. 123-125.

20. Peggy Dennis: The Autobiography of an American Communist. A Personal View of a Political Life, 1925-75. Westpoint, Berkeley 1977, S. 132-137.

21. Klaus Mehnert: Ein Deutscher in der Welt. Erinnerungen 1906-1981. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart 1981, S. 231.

22. John Gates: The Story of an American Communist. New York 1958, S. 75-76.

23. (обр. пер. с нем.): Leo Trotzki: Stalins Verbrechen. Jean Christophe Verlag, Zürich 1937, S. 124-125.

24. Alice Rühle-Gerstel: Kein Gedicht für Trotzki. Tagebuchaufzeichnung aus Mexico. Verlag Neue Kritik, Frankfurt/Main 1979, S. 12-17.

25. (обр. пер. с нем.): Isaac Deutscher: Trotzki, Band 3. Der verstossene Prophet. 1929-40, W. Kohlhammer Verlag, Stuttgart 1963, S. 337.

26. (обр. пер. с нем.; автор ссылается на:) Socialist Appeal, 8. Oktober 1938. Writings of Leon Trotsky. 1938-39. Pathfinder Press, New York, S. 29-30; Heinz Abosch: Trotzki-Chronik. Hanser Verlag, München 1973, S. 138-139.

27. (обр. пер. с нем.): Viktor Serge: Leo Trotzki. Leben und Tod. Europa-Verlag, Wien-München-Zürich 1973, S. 310.

28. Viktor Serge: A.a.O., S. 311.

29. Написано 2 сент. 1939, опубликовано впервые в: Socialist Appeal, 11. September 1939. Writings of Trotsky, 1939-40, Pathfinder Press, New York, 1969, S. 80; цит. по: "Сталин - интендант Гитлера", Бюллетень оппозиции, 1939, № 79-80 (авг.-сент.-окт.), с. 16.

30. Написано 11 сент. 1939; см. указ. автором: Socialist Appeal, 15. September 1939, geschrieben am 11. September 1939; Writings of Trotsky 1939-40, Pathfinder Press 1969, S. 87.

31. (см. указ. автором:) Isaac Deutscher: Trotzki Band 3. Der verstossene Prophet 1929-40. Kohlhammer Verlag, Stuttgart 1963, S. 423.

32. Написано 18 сент. 1939; цит. в обр. пер. с нем.; у автора сноски на: "Stalin - Temporary Holder of the Ukraine", in Socialist Appeal, 24. Oktober 1939. Writings of Trotsky 1939-40. Pathfinder Press, New York 1969, S. 90.

33. То же, там же, с. 92.

34. В. И. Ленин. "Детская болезнь 'левизны' в коммунизме". Полн. собр. соч., изд. 5, Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, т. 41, с. 19-20.

35. Wolfgang Leonhard: Schein und Wirklichkeit in der Sowjetunion. Verlag Freies Wort, Berlin-West 1952, S. 112-114.

ГЛАВА 4. ПАКТ И СЛУЧАИ ИЗМЕНИВШЕГОСЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ПЯТЬ СУДЕБ

1. Alexander Abusch: Der Deckname. Memoiren. Dietz Verlag Ost-Berlin 1984, S. 484.
2. Hans Werner Richter: Brief an einen jungen Sozialisten. Verlag Hoffmann & Campe, Hamburg 1974, S. 79.
3. Granville Hicks: Where We Came Out. The Viking Press, New York 1954, S. 7, 77 u. 80-81.
4. Essay von Arthur Koestler in der Anthologie "Ein Gott der keiner war". Rote Weissbücher, Köln 1952, S. 25.
5. Ein Gott der keiner war. Rote Weissbücher Köln 1952. Essay von Arthur Koestler, S. 58. Arthur Koestler: Als Zeuge der Zeit. Das Abenteuer meines Lebens. Scherz-Verlag, Bern und München 1985, S. 156.
6. Anthologie "Ein Gott der keiner war". Rote Weissbücher, Köln 1952. Essay von Arthur Koestler, S. 62.
7. Arthur Koestler: Als Zeuge der Zeit. Scherz-Verlag, Berlin und München 1985, S. 364-365.
8. Arthur Koestler in der Anthologie "Ein Gott der keiner war". Ausgabe Rote Weissbücher, Köln 1952, S. 19-72. Das Buch von Arthur Koestler: Zeuge der Zeit. Das Abenteuer meines Lebens. Scherz-Verlag 1985, S. 138-378.
9. Hans Werner Richter: Brief an einen jungen Sozialisten. Verlag Hoffmann & Campe, 1974. Zitate von den Seiten 37-38, 42-43, 50-51 und 78-79; seine Reaktion auf den Hitler-Stalin-Pakt auf den Seiten 80-84.
10. Wolfgang Leonhard: Völker hört die Signale. Die Gründerjahre des Weltkommunismus. Goldmann-Taschenbuch 1984, S. 317-318.
11. Aus der Anthologie "Ein Gott der keiner war". Essay von Louis Fischer. Köln, Rote Weissbücher 1952, S. 181-204. Louis Fischer: Men and Politics: Europe between the Two World Wars. Harper and Row, New York 1941, zitiert nach der Neuauflage von 1966, S. 603 u. 607-611.
12. Clara und Paul Thalmann: Revolution für die Freiheit. Verlag Assoziation 1976 und Karlo Stajner: 7000 Tage in Sibirien, Europa-Verlag 1975, sowie vor allem sein letztes Buch "Povratak iz Gulaga", in Jugo-

slawien erschienen, bisher leider noch nicht übersetzt.

13. Margarete Buber-Neumann: Von Potsdam nach Moskau. Stuttgart 1958, S. 196-200.

14. Manes Sperber: Die vergebliche Warnung. Wien 1975; Taschenbuchausgabe München 1979, S. 189.

15. Babette Gross: Willi Münzenberg. Eine politische Biographie. Deutsche Verlags-Anstalt Stuttgart 1969, S. 316.

16. Babette Gross: Willi Münzenberg. A.a.O., S. 318.

17. Babette Gross: Willi Münzenberg. A.a.O., S. 327-328.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ О ПАКТЕ МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

1. FAZ, 25 August 1988.

2. "Спутник", АПН, Москва, № 10, 1988, с. 10 ("Sputnik").

3. "Sowjetunion heute", № 9, September 1988, Beilage "Dokumente".

4. vgl. "Sowjetunion heute", № 3, März 1989, S. 58 ff.

5. "Правда", 1 сент. 1988, с. 4.

6. Dr. Helmut König: Vor 50 Jahren - Eine Dokumentation zu den deutsch-sowjetischen Verträgen von 1939, "Osteuropa", Mai 1989.

7. Frankfurter Rundschau, 4. Februar 1989.

8. Die Kommunistische Internationale, Übersetzung aus dem Russischen, Dietz Verlag, Ost-Berlin 1970, S. 544. (См.: советское издание Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.)

9. "Молодежь Эстонии", 23 июня 1988.

10. "Дружба народов", сентябрь 1988.

11. Там же.

12. "Коммунист", 1988, № 10, с. 114; deutsch in "Sowjetunion heute", Köln, № 3, März 1989, S. 42.

13. "Изгнание": "За рубежом", № 9, 1989; (как уже отмечалось, полностью по-русски книга В. Леонгарда "Революция отвергает своих детей" вышла в 1984 г.: London, OPI.)

14. vgl. Le Monde, Paris, 16. August 1988; Internationale Presseschau des Wiener Tagebuchs, Wien, 18. August 1988 und den Aufsatz von Gotthold Rhode

"Ende des Schweigens" in der Frankfurter Allgemeinen Zeitung vom 21. September 1988.

15. "Возрождение", 1988, № 1: "День исторической правды. Стенограмма митинга протеста".

16. "Das Monopol der KP zersplittert schon / Estlands Premier Indrek Tooma und seine Gegenkandidaten Marika Filla und Hillar Kalda über die Sowjetwahlen", in "Der Spiegel", № 13, 27. März 1989, S. 150-154, zitierte Stellen S. 154, Spalte 1 und 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ГЛАВА 1. РУКОПОЖАТИЯ В МОСКВЕ: ТАЙНЫ
И СЮРПРИЗЫ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ 8

Риббентроп у Сталина и Молотова. - "Правда" опубликовала пакт о ненападении. - Хрущев: Члены Политбюро были на охоте. - Клемент Готвальд знал об этом заранее. - Что узнал Хезус Эрнандес у Дмитрия Мануильского. - Энрике Кастро Дельгадо: Переполох в Коминтерне. - Эрнст Фишер у высокопоставленных деятелей немецкой компартии. - Рут фон Майенбург: "Нам показалось, что кремлевские часы остановились". - Лидер новозеландской компартии едет в Москву. - Член советского ЦК выступает перед Коминтерном. - От автора: Много секретов и никаких директив. - Что беспокоило германского посла фон дер Шуленбурга. - Паасикиви и Гафенку о пакте между Гитлером и Сталиным. - После шестидневного молчания: на сессии Верховного Совета СССР. - Секретный дополнительный протокол.

ГЛАВА 2. ПАКТ И ЛЮДИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 58

Трое советских граждан вспоминают. - Восприятие пакта в промышленном городе Кемерово. - Ленинград: Леопольд Грюнвальд и Литунь выступают с обоснованием пакта. - Собственные воспоминания: 23 августа 1939 года в Ейске. - Одно из последствий пакта: "Наш детский дом разрушен!" - Перестройка советской пропаганды. - Перемены в отношении советских людей к Германии. - Послед-

ствия речи Молотова 31 октября 1939 года. - Тезис о "выигрыше времени" благодаря пакту. - Заключенный Александр Вайсберг. - Евгения Гинзбург: Пакт и лагерь на Колыме. - Маргарита Бубер-Нойман: Из Караганды до Брест-Литовска.

**ГЛАВА 3. ВОЛНЫ ШОКА В МИРОВОМ
КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ** 91

**Немецкие коммунисты в подполье,
в тюрьмах, концлагерях и в эмиграции** 92

Настроения среди коммунистов, работавших в немецком подполье. - Эрих Хонекер и Хейнц Брандт: Два свидетельства из Бранденбургской тюрьмы. - Евгений Окс: Теологи и коммунисты в концлагере Дахау. - Вольфганг Абендрот: Полемика в тюрьме Лукау. - Эмигрантское руководство КПГ в Париже. - Александр Абуш и официальное заявление КПГ. - Критические голоса среди немецких эмигрантов. - "Дискуссия о бюрократии" в Монтобане. - Ю. К. в Лондоне: Сигара в честь заключения пакта. - Париж: Выход, найденный эмигрантом Торвальдом Зигелем. - Немецкая эмиграция в Голландии: "Известие о пакте вызвало шок". - Хейнц Кюн в Брюсселе: Свадьба, принятая за праздник в честь пакта. - Карл Кунде: Замешательство в лагере для интернированных Кепуа. - Швейцария: Ханс Тойбнер и "руководство южного центра". - Карл Мевис в Мальмё: "Пакт с дьяволом" и новая ориентация "товарищей в стране".

Тийон и Чиретти: удар в лоб - как на скотобойне.-
Адам Райский: "Объяснить необъяснимое". - Собрание
руководства французской компартии. - Марсель Турель
и коммунисты в Тулузе. - Запрет коммунистической
партии во Франции. - Джорджо Амендола об эмигрант-
ском руководстве КП Италии. - Тереза Ноче: Положение
итальянских коммунистов во Франции. - "Спазматиче-
ские явления" у писателя Ильи Эренбурга.

Воздействие пакта на антифашистов других стран

153

Англия: Воспоминания Эдит Боун и Дугласа Хайда. -
Италия: Антонио Пезенти в тюрьме Фоссано. - Венгрия:
Золтан Ваш в будапештской тюрьме. - Коммунисты Юго-
славии: Согласны с пактом, но борьба продолжается. -
Иржи Пеликан и критически настроенные школьники в
Праге. - Бельгия: Леопольд Треппер и "Красная капелла".
- Швеция: Разногласия в лагере интернированных Лока
Брун. - Вальтер Брингольф в Швейцарии: "Пакт означает
выдачу Польши". - Тревоги политсекретаря ЦК Швейца-
рии Жюля Юмбера-Дроса. - Таинственные "топиньерские
радисты". - Джордж Чарни: Пакт обнаружил слабость и
смятение в рядах американских коммунистов. - Пегги
Деннис в Нью-Йорке: "Скажи, что это - неправда". - Кла-
ус Менерт: Реакция левых американских студентов в
штате Гавайи. - Джон Гейтс (КП США): Глубоко поражен-
ные - предоставлены самим себе. - Комментарий Льва
Троцкого из Мексики. - Пакт 1939 года и Брестский
мир 1918 года.

**ГЛАВА 4. ПАКТ И СЛУЧАИ ИЗМЕНИВШЕГОСЯ
МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ПЯТЬ СУДЕБ** 201

Грэнвилл Хикс: выход из КП США после заключения пакта. - Окончательный разрыв Артура Кёстлера с коммунистами. - Ханс Вернер Рихтер: членские книжки коммунистов были сожжены. - "Кронштадт" Луи Фишера. - Вилли Мюнценберг: "Сталин, ты - предатель!"

**ПОСЛЕСЛОВИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ
О ПАКТЕ МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ** 240

Первые шаги, направленные на преодоление прошлого. - Дискуссия о "секретных дополнительных протоколах". - Пакт между Гитлером и Сталиным и международное коммунистическое движение. - Осуждение пакта между Гитлером и Сталиным в Эстонии, Латвии и Литве.

ПРИМЕЧАНИЯ 264

